9(4)
П312

301081

ФОНД

13/XI 80 Смирнова чз.
до 26/III 83 Малярова з/о
3
до 1.3.88 Васильева чз

Пр. 2010

303/2

БИБЛІОТЕКА
СОЮЗА КОН. СЛУЖ.
въ Т-вѣ „ТРЕУГОЛЬНИКЪ"
№ 281

Проф. Д. М. Петрушевскій.

942
П. 318
9(4)
П 312
301681
Топогр. кат. И. М. Л.
И. М. Л.
БИБЛІОТЕКА
г. Свердловск
74896

ВЕЛИКАЯ ХАРТІЯ ВОЛЬНОСТЕЙ

и

КОНСТИТУЦІОННАЯ БОРЬБА ВЪ АНГЛІЙСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XIII ВѢКА.

Съ приложеніемъ латинскаго и русскаго текста Великой Хартіи и др. документовъ.

БИБЛІОТЕКА
СВЕРД... ГО
ГОСУНИВЕРСИТЕТА
им. А. М. ГОРЬКОГО

МОСКВА.
Изданіе М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ.
1915.

Инв. № 1910.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., с. д.
Москва—1915.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Оба помѣщенныхъ въ этой книгѣ очерка уже знакомы читателю. Оба они были напечатаны въ журналѣ „Русское Богатство“, а первый изъ нихъ, посвященный Великой Хартіи Вольностей, былъ, кромѣ того, изданъ въ видѣ отдѣльной брошюры „Донской Рѣчью“ въ 1904 и 1905 годахъ. Для настоящаго изданія первый изъ этихъ очерковъ былъ подвергнутъ мною значительной переработкѣ, а второй былъ лишь пересмотрѣнъ и мѣстами сокращенъ. Помѣщенные теперь рядомъ, они должны дать связный очеркъ конституціонной исторіи средневѣковой Англіи въ основныхъ ея моментахъ, который долженъ служить читателю руководящей нитью при болѣе детальномъ изученіи этой исторіи.

Напечатанные въ *Приложеніи* документы должны служить цѣлямъ этого болѣе детальнаго изученія. Въ частности, они должны помочь читателю изучить текстъ Великой Хартіи въ тѣсной связи съ текстомъ Баронскихъ Статей, представляющихъ собою первую оффиціально признанную редакцію Великой Хартіи, и выяснить связь Великой Хартіи съ Хартіей Генриха I и съ хартіями другихъ англійскихъ королей (Стефана и Генриха II). Такъ называемая „Неизвѣстная Хартія Вольностей“ Іоанна, повидимому, представляетъ собою составленный кѣмъ-то для французскаго короля краткій отчетъ о переговорахъ, ведшихся баронами съ Іоанномъ и закончившихся сначала утвержденіемъ Баронскихъ Статей, а затѣмъ изданіемъ Великой Хартіи Вольностей. Не представляя собою

оффиціальнаго документа, отчетъ этотъ, тѣмъ не менѣе, очень цѣненъ для пониманія Великой Хартіи и заслуживаетъ полнаго вниманія.

Латинскій текстъ всѣхъ печатаемыхъ здѣсь документовъ взятъ мною изъ книги Mc Kechnie. *Magna Carta.* A Commentary on the Great Charter of King John. Second edition revised and largely rewritten. 1914.

Переводъ на русскій языкъ и Великой Хартіи, и всѣхъ остальныхъ документовъ сдѣланъ мною лично.

Д. Петрушевскій.

Москва, 14 авг. 1914 г.

Великая Хартія Вольностей.

I.

Въ исторіи европейскихъ обществъ едва ли можно указать внѣшнее событіе, которое бы имѣло такое глубокое, опредѣляющее значеніе для всей послѣдующей исторіи общества, какъ нормандское завоеваніе, отдавшее англо-саксонскую Англію и ея судьбу въ руки нормандскаго герцога и его сборной дружины. Безъ преувеличенія можно сказать, что ни политическая, ни соціальная, ни даже экономическая эволюція средневѣковой Англіи не можетъ быть понята тѣмъ, кто не уяснилъ себѣ въ надлежащей мѣрѣ общаго характера и смысла этого событія, послѣдствія котораго даютъ себя знать на каждомъ шагу при изученіи какъ общаго хода этой эволюціи, такъ и ея крупнѣйшихъ моментовъ. Имѣя въ виду предложить читателю общую характеристику одного изъ такихъ моментовъ въ исторіи средневѣковой Англіи, мы не можемъ поэтому обойтись безъ предварительной характеристики нормандскаго завоеванія, тѣмъ болѣе, что Великая Хартія Вольностей подводитъ юридическіе итоги политическому развитію Англіи, какъ оно складывалось подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ завоеванія, на почвѣ установленнаго имъ взаимоотношенія общественныхъ силъ.

Какъ извѣстно, свой походъ на Англію Вильгельмъ Завоеватель постарался обставить по возможности убѣдительными, чисто юридическими аргументами, выставляя себя законнымъ истцомъ своихъ правъ на англо-саксонскую корону, будто бы незаконно и съ нарушеніемъ страшной

клятвы надъ мощами захваченную Гарольдомъ, и высс-чайшій авторитетъ христіанскаго міра былъ всецѣло на его сторонѣ, превращая своей санкціей чисто пиратскій набѣгъ нормандскаго герцога въ настоящій крестовый походъ для возстановленія попранной правды и справедливости. Но еще поразительнѣе то, что эта юридическая фикція явилась для Вильгельма основнымъ принципомъ всей его внутренней политики въ завоеванной имъ странѣ. Не только Европѣ, но и самимъ англосаксамъ каждымъ своимъ шагомъ Вильгельмъ старался показать, что онъ законный наслѣдникъ Эдуарда Исповѣдника, что онъ лишь требуетъ того, что ему слѣдуетъ по закону, какъ и всякому другому англо-саксонскому королю. Вступивъ послѣ Гэстингской побѣды (1066 г.) въ Лондонъ, онъ короновался въ Уэстминстерѣ короной англо-саксонскихъ королей по англо-саксонскому обряду и могъ считать себя вполнѣ законнымъ королемъ англо-саксовъ; всѣхъ, кто не желалъ подчиняться ему, онъ разсматривалъ какъ мятежниковъ, возставшихъ противъ своего законнаго государя и заслуживающихъ за это суровой кары. Только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жестокой борьбы ему удалось привести къ покорности этихъ „мятежниковъ“ и стать и фактически государемъ своихъ новыхъ подданныхъ.

Въ качествѣ національнаго короля англо-саксовъ Вильгельмъ оставилъ въ силѣ ихъ правовой строй и ихъ учрежденія и, въ частности, ихъ общенародныя мѣстныя учрежденія, ихъ организацію по графствамъ и сотнямъ, а также потребовалъ отъ всѣхъ свободныхъ людей своего новаго королевства присяги на вѣрность безотносительно къ тому, въ какихъ поземельныхъ, личныхъ и юрисдикціонныхъ отношеніяхъ они находились другъ съ другомъ. И всѣ они „преклонились передъ нимъ и сдѣлались его людьми и присягнули на вѣрность ему... противъ всѣхъ другихъ людей“.

Оставляя по существу неизмѣннымъ политическій строй англо-саксовъ, нормандское завоеваніе не производило, на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ, сколько-нибудь замѣтныхъ перемѣнъ и въ существѣ ихъ соціальнаго строя. Правда,

верхній слой англійскаго общества, какъ и весь персоналъ высшей свѣтской и духовной администраціи королевства, былъ замѣщенъ завоевателями. Но, подобно тому, какъ нормандскій герцогъ вступилъ во всѣ права и обязанности англо-саксонскихъ королей, и его сподвижники, щедро надѣленные имъ помѣстьями, вступили во всѣ права и обязанности англо-саксонскихъ магнатовъ, конфискованныя владѣнія которыхъ они теперь получили, и положеніе англо-саксонской массы въ отношеніи къ нимъ по существу не измѣнилось сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ оно было въ отношеніи къ туземнымъ сеньерамъ, глафордамъ, хотя и стало болѣе зависимымъ. Къ тому же, далеко не всѣ туземные сеньеры были замѣщены нормандцами, а лишь самые крупные; менѣе значительные остались на своихъ мѣстахъ послѣ того, какъ признали Вильгельма своимъ государемъ.

Такимъ образомъ, и въ политическомъ, и въ соціальномъ отношеніи нормандское завоеваніе очень мало похоже на обычное завоеваніе, обыкновенно производящее рѣзкія перемѣны и въ политическомъ, и въ соціальномъ строѣ покореннаго народа. Оно какъ-будто оставляло въ этомъ смыслѣ все по старому, скорѣе напоминая чисто династическій переворотъ, чѣмъ покореніе одного народа другимъ. Если мы напомнимъ, хотя бы вкратцѣ, что̀ представляло собою англо-саксонское государство и общество наканунѣ завоеванія, то для насъ еще болѣе выяснится глубоко консервативный по существу характеръ нормандскаго завоеванія, и мы увидимъ именно, что въ этой консервативности завоеванія и лежитъ ключъ къ уразумѣнію того огромнаго значенія, какое оно имѣло и въ политической, и въ соціальной эволюціи средневѣковой Англіи.

II.

Къ половинѣ одиннадцатаго вѣка англо-саксонская Англія уже сдѣлала весьма серьезные успѣхи на пути къ соціальной и политической феодализаціи. Это была торная дорога, по которой пошли всѣ варварскія государства, тѣмъ или

инымъ способомъ возникшія на территоріи Римской имперіи, и по которой они не могли не пойти при тогдашнихъ общихъ, хозяйственныхъ и культурныхъ, условіяхъ.

Тѣ сравнительно широкія формы политической жизни, къ которымъ перешли германскія племена, утвердившіяся на территоріи Римской имперіи, не были естественнымъ продуктомъ внутренняго роста германскихъ обществъ, но явились въ результатѣ ихъ внѣшней исторіи, ихъ взаимной борьбы и ихъ столкновеній и иныхъ отношеній съ римскимъ міромъ. Переходъ былъ слишкомъ рѣзокъ, въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которыя попали въ политическую обстановку, еще уцѣлѣвшую отъ имперіи, и такъ или иначе приспособились къ ней, чѣмъ еще болѣе усложнили свои политическія формы и, слѣдовательно, еще болѣе обострили несоотвѣтствіе между этими формами и совершенно элементарными основами своей общественной и, прежде всего, своей хозяйственной жизни, еще пребывавшей на стадіи домашняго, замкнутаго, натуральнаго хозяйства.

Государству германцевъ приходилось теперь рѣшать свои уже сравнительно широкія и сложныя задачи съ помощью все тѣхъ же крайне элементарныхъ средствъ, какими обходились болѣе узкія и простыя политическія соединенія. Оно попрежнему возлагало на каждаго свободнаго, обезпеченнаго земельнымъ надѣломъ германца удовлетвореніе всѣхъ потребностей, какія порождаетъ сколько-нибудь организованное общежитіе, и, прежде всего, потребности внѣшней защиты и общественнаго правосудія: какъ и въ старыя, тацитовскія времена, каждый свободный германецъ подъ страхомъ тяжелой пени долженъ былъ отправляться на собственный счетъ въ походъ, теперь уже часто далекій и продолжительный, а въ мирное время долженъ былъ посѣщать судебныя собранія своего округа, тоже требовавшія съ его стороны немалыхъ затратъ и въ смыслѣ времени, и въ смыслѣ средствъ. Теперь эти натуральныя государственныя повинности и прежде всего военная повинность были, конечно, гораздо тяжелѣе для средняго германца, чѣмъ въ старыя времена, и должны были

разрушительно отражаться на его хозяйствѣ, подкапывая такимъ образомъ его благосостояніе и дѣлая его еще болѣе неспособнымъ къ дальнѣйшему отбыванію этихъ повинностей. Но его благосостояніе и безъ того было уже въ достаточной мѣрѣ расшатано благодаря цѣлому ряду причинъ, такихъ, какъ естественное дробленіе надѣловъ, какъ нерѣдкій въ тѣ времена прямой захватъ ихъ сильными людьми, какъ вынужденная продажа ихъ для уплаты непомѣрно тяжелыхъ штрафовъ, которые налагало на преступника и его родъ уголовное право варварскихъ правдъ, и т. п.

Такъ или иначе, но государству сравнительно скоро пришлось считаться съ неспособностью массы нести свои натуральныя государственныя повинности, и оно было вынуждено ограничиться требованіемъ ихъ лишь съ части населенія, лишь съ тѣхъ, кто поднялся надъ массой, кого широкая государственность не только не придавила тяжестью своихъ требованій, но даже сдѣлала богатымъ и сильнымъ, кто вышелъ побѣдителемъ изъ жизненной борьбы, не только не ослабѣвъ въ ней, но усилившись на счетъ слабаго, пріобрѣтя власть надъ нимъ и надъ его землею, и кого обогатили прямо или косвенно королевскія пожалованія, въ видѣ ли земельныхъ выдачъ изъ королевскихъ доменовъ или въ видѣ передачи королемъ своихъ фискальныхъ правъ, органически связанныхъ тогда съ правомъ суда и съ другими правами, принадлежавшими королю, какъ верховному главѣ государства. Только такіе люди, богатые и сильные, и могли теперь нести ставшія не по плечу среднему человѣку государственныя натуральныя повинности. На нихъ главнымъ образомъ и принуждено было теперь государство взвалить эти повинности.

Но оно не ограничилось этимъ. Этой созданной въ значительной мѣрѣ самой королевской властью аристократіи государство принуждено было передать въ видѣ новой государственной натуральной повинности и судъ, и управленіе массой послѣ того, какъ родовые союзы, нѣкогда въ той или иной мѣрѣ гарантировавшіе общественный миръ, мало-по-малу

разложились, и государству одному пришлось, съ помощью своихъ крайне недостаточныхъ средствъ, справляться съ этой крайне трудной задачей. Задача эта ему одному была не по силамъ, и оно вынуждено было возложить часть ея въ видѣ натуральной повинности на отчасти имъ же самимъ созданную общественную силу, передать новой—служилой и духовной — аристократіи полицейскую и судебную власть надъ массой, которая уже и безъ того стала отдаваться подъ частную власть этихъ сильныхъ людей, не разсчитывая, съ разложеніемъ родовыхъ союзовъ, устоять въ жизненной борьбѣ, все болѣе и болѣе суровой и безпощадной.

Общество, такимъ образомъ, дифференцировалось. Изъ массы, когда-то болѣе или менѣе однородной, выдѣлялась группа, къ которой и переходило отправленіе натуральныхъ государственныхъ повинностей, прежде лежавшихъ на всѣхъ, выдѣлялся особый военный и правящій классъ, свѣтскій и духовный. Но это измѣненіе соціальнаго строя общества не влекло за собой существенныхъ измѣненій въ его хозяйственномъ строѣ. Общество попрежнему продолжало жить мелкими, самодовлѣющими, тождественными по своему строенію, замкнутыми хозяйственными группами. Разница съ прежнимъ была лишь въ томъ, что теперь эти сельскія группы должны были отдавать часть продуктовъ своего хозяйственнаго труда, а потомъ и часть самого этого хозяйственнаго труда постепенно выдѣлившемуся изъ массы, въ хозяйственномъ смыслѣ непроизводительному—военному и правящему—классу, обезпечивая ему, такимъ образомъ, возможность нести свои государственныя натуральныя повинности и постепенно вслѣдствіе этого превращаясь изъ свободныхъ, независимыхъ общинъ въ феодальныя помѣстья.

Это постепенное превращеніе основной массы свободныхъ людей, подпавшихъ подъ частную власть представителей военнаго и правящаго класса, въ несвободныхъ виллановъ, а тѣхъ независимыхъ хозяйственныхъ организацій, къ которымъ они принадлежали, въ феодальныя помѣстья, не внесло, повторяемъ, сколько-нибудь существенныхъ перемѣнъ

ѣ основы ихъ хозяйственнаго строя. Необходимой предпосылкой этого превращенія именно и являлось то, что общество въ хозяйственномъ отношеніи оставалось все тѣмъ же. Столь характерная для феодальнаго строя, эта помѣстная система съ ея сеньерами и вилланами именно и явилась, говоря вообще, продуктомъ политической необходимости, необходимости приспособить удовлетвореніе потребностей сравнительно широкаго и сложнаго политическаго цѣлаго къ оставшимся неизмѣнными элементарнымъ хозяйственнымъ условіямъ общества. Благодаря чисто внѣшнимъ причинамъ государственность германскихъ племенъ значительно опередила ихъ хозяйственную и культурную эволюцію, и неизбѣжнымъ соціальнымъ результатомъ этого несоотвѣтствія между политическими формами, съ одной стороны, и хозяйственными и культурными основами общества, съ другой, и явилось феодальное расчлененіе общества на сеньеровъ и виллановъ, эта столь характерная для феодализма соціальная *система государственныхъ служилыхъ сословій* [1]).

Все это мы находимъ и у англо-саксовъ. И коммендація, и иммунитетъ, и бенефиціи развивались и у нихъ съ очень давнихъ временъ, и къ половинѣ одиннадцатаго вѣка развитіе это сдѣлало уже весьма значительные успѣхи. Наканунѣ нормандскаго завоеванія англо-саксонское общество было уже вполнѣ аристократическимъ и по существу феодальнымъ, главы и вилланы представляли собою уже вполнѣ опредѣлившіяся общественныя группы, и помѣстная система въ основныхъ чертахъ была уже налицо.

Но, какъ ни энергично развивался здѣсь процессъ феодализаціи, ему еще не удалось разрушить широкую государственность англо-саксовъ (какъ это произошло съ государственностью франковъ и другихъ континентальныхъ „варварскихъ“ обществъ), ихъ общегосударственныя, народныя учрежденія:

---

1) Для болѣе подробнаго ознакомленія съ процессомъ феодализаціи зап.-европ. обществъ отсылаемъ читателя къ нашимъ *Очеркамъ изъ исторіи средневѣковаго общества и государства*, изд. 3-е, 1913 г. и къ *Возстанію Уота Тайлера*, изд. 2-е, 1914 г. (глава III и *Заключеніе*).

и королевская власть у англо-саксовъ еще не выродилась въ сюзеренитетъ и не утратила еще непосредственной связи съ народной массой, не взирая на возникновеніе могущественной аристократіи, и верховное собраніе королевства, витенагемотъ еще не превратился въ чисто-феодальный сеймъ королевскихъ вассалловъ, и—это едва ли не самое важное для всей дальнѣйшей исторіи Англіи обстоятельство—продолжала существовать и функціонировать мѣстная организація англо-саксонскаго общества, сотни и графства съ ихъ періодическими собраніями, на которыя попрежнему отправлялись судить преступниковъ, улаживать гражданскія тяжбы, обсуждать мѣстныя и общегосударственныя дѣла и выслушивать королевскіе указы всѣ мѣстные землевладѣльцы, какъ сеньеры, такъ и виллены (первые лично, а вторые, какъ и въ старыя времена, черезъ своихъ представителей въ лицѣ четырехъ человѣкъ отъ каждой общины, съ своимъ старостой и приходскимъ священникомъ во главѣ). Всѣ эти общегосударственныя учрежденія еще сохраняли свою жизненность. Но на ряду съ ними все ширилась и крѣпла частная власть, все больше и больше суживая ихъ территорію, такъ что ея окончательное торжество было только вопросомъ времени.

И въ этотъ моментъ надъ страною разразилась нормандская гроза.

III.

Легко понять, чѣмъ должна была явиться для такого общества консервативная политика Вильгельма Завоевателя. „Повелѣвая и желая, чтобы всѣ хранили и соблюдали законы короля Эдуарда“, требуя, чтобы всѣ „обращались къ сотнѣ и графству такъ, какъ это постановили предшественники наши“, принимая клятву вѣрности отъ всѣхъ „владѣвшихъ землею людей, какіе только были во всей Англіи, чьими бы они ни были“, Вильгельмъ не просто санкціонировалъ политическій порядокъ, найденный имъ у завоеваннаго народа, уже давно расшатанный и готовый разложиться подъ напоромъ все шире и глубже захватывавшаго общество феода-

лизаціоннаго процесса. Эти его торжественныя заявленія означали нѣчто гораздо большее. Они свидѣтельствовали о томъ, что въ вѣковомъ споръ между широкой государственностью и все надвигавшимся феодализмомъ Вильгельмъ становился на сторону первой, принося сюда съ собой и всю ту матеріальную силу и могущество, какія дала ему побѣда надъ англо-саксами, и преимущества болѣе высокой культуры, отличавшія его и его сподвижниковъ сравнительно съ отсталыми обитателями завоеванной имъ страны. Располагая огромными матеріальными рессурсами въ видѣ многихъ сотенъ доставшихся ему помѣстій, имѣя въ своемъ распоряженіи прекрасно организованную военную силу, оставлявшую далеко позади плохо дисциплинированныя дружины англо-саксовъ, *такой* англо-саксонскій король могъ дать серьезный отпоръ феодализму—поскольку этотъ послѣдній могъ быть опасенъ для него—и возстановить во всей ея жизненной силѣ широкую государственность англо-саксовъ. И Вильгельмъ сдѣлалъ не только это. Онъ поставилъ королевскую власть и англо-саксонскую государственность на такую высоту, на какой она едва ли и стояла когда нибудь у англо-саксовъ.

Укрѣпляя свою власть на прочномъ базисѣ общегосударственныхъ, національныхъ учрежденій, Вильгельмъ, однако, вовсе не порывалъ съ феодализмомъ. Поскольку феодализмъ представлялъ собою соціальную форму, неизбѣжную при болѣе или менѣе широко поставленной государственности, опиравшейся на натурально-хозяйственную основу, онъ былъ необходимъ и въ государствѣ Вильгельма Завоевателя. Феодализмъ вполнѣ совмѣстимъ съ широкими политическими формами, лишь бы государство имѣло силы и средства господствовать надъ нимъ, заставить служить себѣ частную власть сеньера надъ виланомъ, сюзерена надъ вассаломъ. Вильгельмъ имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ средства, необходимыя для такого господства, и онъ пріобрѣлъ его. Это политическое обезвреженье феодализма дало Вильгельму возможность въ то же время провести феодальную точку зрѣнія съ такой полнотой и законченностью, съ какой она не была проведена

нигдѣ въ Европѣ. Благодаря тому, что почти всѣ земельныя владѣнія англо-саксовъ фактически прошли черезъ руки Завоевателя—путемъ ли прямого вооруженнаго захвата, или въ результатѣ конфискацій, временныхъ или безусловныхъ,—*всѣ* землевладѣльцы Англіи оказались феодальными *держателями* короля, получившими и державшими свои земли или непосредственно (in capite) отъ короля, или отъ него же въ послѣднемъ счетѣ.

Такое полное проведеніе феодальнаго принципа въ сферѣ земельныхъ отношеній, дѣлавшее Англію Вильгельма Завоевателя самой феодальной страной во всей феодальной Европѣ, было связано съ обстоятельствомъ, не встрѣчавшимся нигдѣ въ Европѣ: разъ всѣ землевладѣльцы „держали“ отъ короля и приносили ему клятву вѣрности „противъ всѣхъ людей“, безотносительно къ тому, чьими бы вассалами они ни были, то всѣ они должны были нести ему одному и главную „службу“—военную повинность (servitium militare). Такая широкая постановка феодальной военной „службы“, превращавшая ее въ „службу“ исключительно королевскую (regale servitium), разъ навсегда отдавала феодализмъ на службу государству и дѣлала его источникомъ не слабости, а силы королевской власти и представляемой ею широкой государственности.

Нечего и говорить, что, создавъ себѣ такую опору въ феодализмѣ, королевская власть могла во всей силѣ осуществлять свои права, унаслѣдованныя ею отъ еще не успѣвшей разложиться англо-саксонской государственности, будутъ ли то юридиціонно-фискальныя права, осуществлявшіяся ею черезъ посредство судебныхъ собраній, сотенъ и графствъ, или права чисто фискальныя въ формѣ налоговъ и таможенныхъ и рыночныхъ пошлинъ, или же, наконецъ, право требовать въ случаѣ опасности въ ополченіе всѣхъ свободныхъ людей королевства. Все это ставило королевскую власть нормандской и слѣдовавшей за нею анжуйской [1]) династіи на недосягаемую

---

[1]) Анжуйская династія англійскихъ королей начинается съ короля Генриха II Плантагенета (1154—1189 г.), бывшаго въ то же время и графомъ Анжуйскимъ.

высоту и дѣлало для нея возможной постановку и разрѣшеніе политическихъ задачъ, недоступныхъ континентальнымъ государствамъ той поры въ сферѣ администраціи, суда и финансоваго управленія. Очень скоро Англія сдѣлалась образцомъ *новаго,* централизованнаго, крѣпко сплоченнаго государства, съ далеко ушедшею впередъ правительственной, финансовой и судебной организаціей.

Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одинъ весьма существенный фактъ. Самый верхній слой англійскаго общества, составившійся исключительно изъ сподвижниковъ Вильгельма и ихъ потомковъ, всецѣло пропитанныхъ феодальными понятіями континентальнаго типа, не могъ примириться съ тѣмъ положеніемъ, въ какое поставила его политика Завоевателя, потребовавшаго отъ своихъ нормандскихъ сподвижниковъ такого же подчиненія, какъ и отъ своихъ новыхъ подданныхъ, облагавшаго ихъ земли такимъ же налогомъ, какъ и земли англо-саксовъ (которые платили его иногда и прежнимъ своимъ королямъ подъ названіемъ „датскихъ денегъ“). Такая нивеллировка ихъ, введеніе ихъ въ рамки укрѣпленной завоеваніемъ англо-саксонской государственности, представлялась имъ безконечнымъ посягательствомъ на ихъ законныя права и вольности, и ихъ неудовлетвореность и недовольство своимъ положеніемъ могло бы быть опаснымъ для королевской власти и всего представляемаго ею политическаго порядка, если бы они владѣли сплошными территоріями, какъ ихъ континентальные собратья (въ Англіи даже самыя крупныя владѣнія состояли изъ частей, разбросанныхъ по многимъ графствамъ), и—что̀ самое главное,—если бы ихъ притязанія не шли въ разрѣзъ едва ли еще не въ большой мѣрѣ, чѣмъ съ интересами короля, съ интересами соціально зависимой отъ нихъ свободной и несвободной массы. Для массы торжество въ Англіи континентальнаго феодализма означало бы торжество необузданнаго произвола, тѣмъ болѣе рѣзкаго и невыносимаго, что онъ осуществлялся бы завоевателями въ отношеніи къ завоеванному народу. Эта противоположность интересовъ феодаловъ и народа создавала очень

серьезную почву для солидарности между англо-саксонской массой и королевской властью нормандскихъ королей и вмѣстѣ съ тѣмъ самую прочную опору для этой власти, съ самаго же начала объявившей неприкосновенными „законы короля Эдуарда“ и оффиціально выставившей себя законной наслѣдницей англо-саксонскихъ королей.

Въ какой мѣрѣ прочна была эта солидарность, показало ближайшее будущее. Уже самому Вильгельму пришлось столкнуться съ феодальнымъ недовольствомъ среди ближайшихъ своихъ сподвижниковъ и съ попыткой прямого возстанія. Возставшіе даже выставляли себя борцами за угнетенный англо-саксонскій народъ. Народъ, однако, имъ не повѣрилъ и не сталъ на ихъ сторону, а помогъ Вильгельму подавить возстаніе. При ближайшихъ преемникахъ Завоевателя, Вильгельмѣ II Рыжемъ и Генрихѣ I, народу очень часто приходилось рѣшать подобные вопросы, и во всѣхъ столкновеніяхъ феодаловъ съ королевской властью онъ непзмѣнно становился на сторону послѣдней и помогалъ ей одолѣть ихъ общаго врага. Союзницей королевской власти была и англійская церковь, очень многимъ обязанная Вильгельму, который надѣлилъ ее огромными матеріальными средствами и особой юрисдикціей, до тѣхъ поръ сливавшейся съ юрисдикціей общегосударственныхъ учрежденій. И для нея королевская власть являлась естественной союзницей въ виду агрессивныхъ тенденцій свѣтскихъ феодаловъ.

IV.

Таковы были политическія и соціальныя особенности положенія, созданнаго въ Англіи нормандскимъ завоеваніемъ. Какъ видимъ, этотъ чисто внѣшній фактъ глубоко отразился на внутреннемъ строѣ англо-саксонскаго общества и направилъ его развитіе по очень оригинальному пути. Здѣсь произошло чрезвычайно своеобразное сочетаніе, казалось бы, совершенно непримиримыхъ моментовъ, въ другихъ обществахъ обыкновенно исключавшихъ другъ друга, здѣсь же взаимно

себя поддерживавшихъ и питавшихъ. Широкая государственность и феодализмъ здѣсь составили органическій синтезъ и не только не тащили государственную колесницу въ противоположныя стороны, но согласно и энергично влекли ее въ гору по пути широкаго развитія политическихъ формъ, уже намѣченному въ англо-саксонскую эпоху, но тогда же сильно заросшему сорными травами. Теперь путь этотъ былъ расчищенъ и расширенъ, и уже ничто не могло повернуть исторію Англіи на другую дорогу, заставить ее сойти въ узкую феодальную колею. По крайней мѣрѣ серьезныхъ опасностей этого рода ей не предстояло.

Но опасности все же были. Мы имѣемъ въ виду смутное время, наступившее въ Англіи съ воцареніемъ короля Стефана и ознаменовавшееся кратковременнымъ, но пышнымъ расцвѣтомъ феодальныхъ тенденцій среди англійскаго баронства.

Это была эпоха междоусобной войны, вызванной борьбою за англійскую корону между королемъ Стефаномъ и дочерью Генриха 1-го Матильдой. Каждая изъ борющихся сторонъ старалась заручиться возможно большимъ числомъ союзниковъ среди феодаловъ цѣною земельныхъ и денежныхъ выдачъ изъ казны, совершенно истощившихъ рессурсы короны, а также всякаго рода льготъ и привилегій, превращавшихъ англійскихъ феодаловъ въ настоящихъ государей своихъ земель и отдававшихъ массу въ жертву ихъ безграничному произволу. Это были тяжкія времена для англійскаго народа. Современные лѣтописцы не жалѣютъ красокъ при изображеніи всѣхъ ужасовъ, которые ему приходилось терпѣть отъ поднявшихъ голову феодаловъ, и сравниваютъ Англію той поры съ Іерусалимомъ, когда его держалъ въ осадѣ Титъ. Цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ тянулась смута, и если до тѣхъ поръ народъ, можетъ быть, больше по инстинкту чувствовалъ свою солидарность съ королевской властью, то теперь онъ тяжкимъ опытомъ могъ дойти до вполнѣ яснаго сознанія, что только сильная центральная власть, опирающаяся на народныя учрежденія, можетъ оградить его отъ тѣхъ бѣдъ, которыя угрожаютъ ему отъ предоставленныхъ

самимъ себѣ феодаловъ. Это должно было очень серьезно поднять нравственный престижъ королевской власти, и едва ли будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что, не будь смуты, Генриху II Плантагенету было бы значительно труднѣе проводить свои реформы, которыя не только возстановили пошатнувшееся было зданіе организованной Вильгельмомъ Завоевателемъ англійской государственности, но и значительно укрѣпили, углубили и расширили его фундаментъ.

Реформаторская дѣятельность правительства Генриха II Плантагенета была прямымъ отвѣтомъ на поднятые смутой вопросы, рѣшительнымъ и безповоротнымъ. Если его военная реформа, замѣняя натуральную военную повинность феодальныхъ держателей такъ называемыми „щитовыми деньгами“ и обязывая каждаго свободнаго имѣть сообразное съ его средствами вооруженіе, отодвигала на второй планъ феодальное ополченіе и возрождала къ новой жизни англо-саксонское народное ополченіе, иначе говоря, разоружала феодаловъ и вооружала народъ, неизмѣнно служившій королю въ его борьбѣ съ феодалами, то его судебная реформа шла еще дальше въ этомъ анти-феодальномъ направленіи. Передавая всѣ иски о свободномъ держаніи въ исключительное вѣдѣніе королевскаго суда, она пробивала огромную брешь въ юрисдикціонно-фискальныхъ правахъ феодаловъ; въ то же время она привлекала ихъ наравнѣ со всѣми свободными людьми королевства къ активному содѣйствію уголовной юстиціи короны, къ отправленію обязанности присяжныхъ. Вводя для всеобщаго пользованія судъ съ присяжными какъ въ сферу уголовнаго, такъ и въ сферу гражданскаго правосудія, она давала сильный толчокъ мѣстной жизни (судебное разбирательство происходило въ присутствіи разъѣздныхъ коронныхъ судей въ полномъ собраніи графства), но въ то же время связывала ее еще болѣе тѣсными узами съ центромъ и дѣлала ее причастной общимъ широкимъ интересамъ цѣлаго. Не говоримъ уже о тѣхъ матеріальныхъ рессурсахъ, которыми обогащалась казна отъ такого расширенія сферы коронной юрисдикціи, а также о чисто моральныхъ завоеваніяхъ, которыя

дѣлала королевская власть, вводя въ жизнь болѣе совершенную судебную процедуру и тѣмъ создавая гарантію дѣлу общественнаго правосудія и культурнаго прогресса.

V.

При характеристикѣ англійской государственности, какъ она складывалась подъ дѣйствіемъ созданныхъ нормандскимъ завоеваніемъ общественныхъ и политическихъ условій, слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду одну ея очень характерную особенность: государственность эта въ сильнѣйшей мѣрѣ была пропикнута фискальными тенденціями. Безъ преувеличенія можно сказать, что короли нормандской и анжуйской династій, какъ и предшественники ихъ, англо-саксонскіе короли, смотрѣли на свою власть прежде всего какъ на источникъ дохода, и каждый шагъ къ расширенію сферы вмѣшательства государства въ общественныя отношенія имѣлъ въ виду прежде всего интересы фиска; такъ что административная машина, созданная этими королями, съ Королевской Куріей (Curia Regis) въ центрѣ и шерифами въ областяхъ, представляется чѣмъ-то въ родѣ огромнаго насоса для вытягиванія изъ общества всякаго рода матеріальныхъ благъ. И не даромъ такую видную, можно сказать, господствующую роль въ этой организаціи играетъ центральное финансовое учрежденіе, такъ называемая Палата Шахматной Доски, куда стекались со всѣхъ концовъ страны деньги и всякаго рода натуральныя поступленія.

Въ этой чертѣ нѣтъ въ сущности ничего, свойственнаго исключительно этой англо-нормандской государственности; она характерна для цѣлыхъ фазисовъ въ развитіи государственности вообще. Такой была государственность „варварскихъ“ королевствъ, организовавшихся на территоріи Римской имперіи; такова была государственность феодальной эпохи; не дальше ушла и государственность монархій, постепенно сокрушившихъ феодализмъ и превратившихся—тамъ, гдѣ онѣ не нашли надлежащаго противовѣса въ тѣхъ или иныхъ общественныхъ

группахъ или въ ихъ комбинаціяхъ—въ совершенно безконтрольный полицейскій, просвѣщенный или враждебный всякому просвѣщенію абсолютизмъ. А въ Англіи, къ тому же, королевская власть послѣ 1066 года была властью завоевателей, какъ ни своеобразно было это завоеваніе. Неудивительно, что ея фискальныя тенденціи такъ рѣзко бросаются въ глаза.

И на нихъ слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе, иначе вся представленная нами картина взаимоотношенія общественныхъ силъ въ англійскомъ обществѣ, какъ это взаимоотношеніе опредѣлилось съ момента нормандскаго завоеванія, можетъ получить совершенно ложное освѣщеніе, превратившись въ трогательную идиллію сердечнаго единенія королевской власти съ народной массой и неусыпныхъ заботъ ея о благѣ своихъ вѣрныхъ подданныхъ, о ихъ матеріальномъ и культурномъ преуспѣяніи. Народная масса, дѣйствительно, оказывала королевской власти поддержку и содѣйствіе во всѣ трудныя минуты, выпадавшія на долю этой послѣдней, потому что находила у нея организацію и силу, способную оградить ее отъ феодальныхъ опасностей. Она вынуждалась къ этому союзу политической необходимостью. Другого выхода у нея не было. И королевская власть сторицей вознаграждала себя за услуги, которыя оказывала народу, и до поры до времени могла безъ серьезныхъ для себя опасностей трактовать страну какъ свое частное помѣстье, которое должно было давать какъ можно больше дохода и для этого должно было обладать немалой долей хозяйственнаго благоустройства и порядка.

Такимъ образомъ, вызванный политической необходимостью союзъ народа съ королевской властью въ сущности вовсе былъ чуждъ широкихъ морально-политическихъ идей, и, представляя собою чисто фактическую комбинацію элементарныхъ интересовъ, онъ вовсе не гарантировалъ отъ самыхъ серьезныхъ неожиданностей какъ съ той, такъ и съ другой стороны и, прежде всего, со стороны королевской власти. Для того, чтобы союзъ этотъ сталъ этически состоятельной политической формой, чтобы возникшія и развивавшіяся на

его почвѣ техническія средства получили вполнѣ опредѣленное назначеніе служить культурнымъ интересамъ личности и общества, для этого ему предстояло испытать не мало потрясеній, и въ процессѣ этого постепеннаго проевѣтлѣнія англійской государственности, превращенія ея изъ деспотической монархіи въ правовое государство, однимъ изъ крупнѣйшихъ и знаменательнѣйшихъ моментовъ является Великая Хартія Вольностей.

Нельзя сказать, чтобы королевская власть послѣ норманднскаго завоеванія игнорировала права и вольности англійскаго народа. Наоборотъ, она даже слишкомъ часто ему о нихъ напоминала, и „законы короля Эдуарда“ стали стереотипной фразой не только въ устахъ народа, вкладывавшаго въ нее всѣ свои завѣтныя національныя воспоминанія и всѣ свои представленія и мечты о правѣ и справедливости, но и въ устахъ королей, которые хорошо понимали поистинѣ волшебную силу этой формулы и въ трудныя минуты нерѣдко прибѣгали къ ней, всякій разъ привлекая тѣмъ на свою сторону признательныя сердца и вооруженныя руки англо-саксонской массы. Особенно часто дѣлали это сыновья завоевателя, Вильгельмъ II Рыжій (1087—1100) и Генрихъ I (1100—1135 г.), которымъ пришлось вести очень серьезную борьбу съ феодалами. Нельзя сказать, что формула эта отличалась юридической опредѣленностью и силой, и даже въ Хартіи Вольностей Генриха I этихъ свойствъ она не пріобрѣла.

Въ Хартіи этой, изданной Генрихомъ I (въ 1100 г.) для того, чтобы расположить къ себѣ англійское общество и обезпечить за собою незаконно захваченный престолъ, король старается привлечь на свою сторону каждую изъ главныхъ общественныхъ силъ — феодаловъ, церковь и народъ. И въ то время, какъ параграфы, трактующіе о правахъ и вольностяхъ церкви и феодаловъ и о тѣхъ нарушеніяхъ ихъ, какія позволялъ себѣ Вильгельмъ Рыжій, вполнѣ конкретны и опредѣленны, представляя собою, что касается феодаловъ, обстоятельное изложеніе основъ регулировавшаго ихъ отношенія съ королемъ и съ своими собственными вассалами феодаль-

наго права, единственный параграфъ, посвященный народу, гласитъ лишь слѣдующее: „Законы короля Эдуарда (Lagam Edwardi regis) возвращаю вамъ съ тѣми исправленіями, какими исправилъ ихъ мой отецъ по совѣту своихъ бароновъ“. Это наводитъ на мысль, что параграфъ этотъ просто разсчитанъ на чисто эмоціональный эффектъ, равно какъ и простое упоминаніе имени короля Эдуарда и его законовъ въ двухъ другихъ параграфахъ Хартіи. Но и полная опредѣленность феодальныхъ параграфовъ Хартіи и тѣхъ статей ея, которыя трактуютъ о правахъ церкви, не спасали ихъ отъ нарушеній со стороны королевской власти и ея агентовъ.

Хартія Генриха I была односторонним актомъ королевской воли, разсчитаннымъ на опредѣленный временный эффектъ, и никакихъ гарантій обществу она не давала, лишь морально связывая королевскую власть въ отношеніяхъ ея къ обществу, что̀ не могло считаться серьезной политической гарантіей и не въ такія грубыя времена. Не прибавило этихъ гарантій и торжественное подтвержденіе Хартіи королемъ Стефаномъ и Генрихомъ II. При всемъ этомъ мы не должны, однако, совершенно отнимать у Хартіи Вольностей Генриха I всякое значеніе въ исторіи правового развитія англійскаго общества. Самый фактъ торжественнаго признанія королевской властью извѣстныхъ правъ за обществомъ, обѣщаніе не нарушать ихъ уже кое-что значили, создавая моральный и юридическій базисъ для борьбы за политическія гарантіи, когда сложатся благопріятныя для этого обстоятельства. А пока противоположность интересовъ, раздѣлявшая феодаловъ и народъ на два вражескихъ лагеря и тѣмъ создававшая прочную позицію королю, продолжала существовать во всей своей силѣ и дѣлала совершенно немыслимымъ общественное движеніе съ подобнаго рода программой.

Королевская власть имѣла полную возможность въ каждый данный моментъ превратиться въ самую необузданную тиранію. Реформы Генриха II-го показали, что̀ можетъ сдѣлать для народа королевская власть, руководясь, если и не безкорыстнымъ желаніемъ служить народу, то ужъ во всякомъ

случаѣ широко и правильно понимаемыми собственными интересами и истинно государственнымъ смысломъ ея носителей и вдохновителей. Монархія Генриха II, это — своего рода просвѣщенный абсолютизмъ двѣнадцатаго вѣка. Но ничто не гарантировало англійское общество отъ того, что этотъ просвѣщенный абсолютизмъ не превратится въ самый необузданный деспотизмъ монархій востока, лишь только во главѣ государства станетъ человѣкъ, совершенно чуждый какихъ бы то ни было государственныхъ идей, живущій исключительно грубо эгоистическими инстинктами, не признающій для себя никакихъ политическихъ, моральныхъ или религіозныхъ сдержекъ, или даже просто заурядный человѣкъ, лишенный политическаго смысла и всецѣло руководимый преслѣдующей собственныя выгоды правительственной кликой.

II Англіи не долго пришлось ждать такого превращенія. Въ лицѣ Іоанна Безземельнаго англійское общество получило короля, который даже марокканскаго эмира поразилъ своими дѣяніями и заставилъ этого восточнаго деспота въ величайшемъ негодованіи воскликнуть: „Какъ же эти несчастные англичане позволяютъ такому человѣку царствовать и властвовать надъ ними? Да они настоящія бабы и холопы“. Но эмиръ нѣсколько поторопился со своимъ приговоромъ. Болѣе правымъ оказался его собесѣдникъ, утверждавшій, что „англичане—терпѣливѣйшіе изъ людей, пока ихъ не оскорбятъ и не обидятъ сверхъ мѣры“, и что „теперь, подобно льву или слону, почувствовавшему себя уязвленнымъ и истекающимъ кровью, они начинаютъ приходить въ раздраженіе и, хотя и поздно, замышляютъ и пытаются сбросить съ шеи ярмо угнетателя“ [1]). Англичане, дѣйствительно, уже начинали приходить въ раздраженіе [2]).

---

[1]) Matthaei Parisiensis Opera Majora (Rolls series), II, 559—563.

[2]) Для болѣе обстоятельнаго ознакомленія съ исторіей Англіи до Іоанна Безземельнаго и послѣ него отсылаемъ читателя къ нашимъ *Очеркамъ изъ исторіи англійскаго государства и общества въ средніе вѣка*. Изд. 2. 1908 г. Спб.

VI.

Когда общество не является коллективнымъ вершителемъ своихъ собственныхъ судебъ и направляющая его организованная сила не есть лишь политическая форма его собственнаго существа, но имѣетъ самостоятельное бытіе особой соціальной силы, именно благодаря своей организованности преобладающей надъ остальными соціальными элементами общества и имѣющей возможность заставить ихъ служить узкимъ и своекорыстнымъ интересамъ правящей группы,— тогда особенное значеніе пріобрѣтаетъ личность оффиціальнаго главы правительственнаго механизма: отъ его личныхъ свойствъ, вкусовъ и интересовъ въ очень большой мѣрѣ зависитъ, какое направленіе приметъ дѣятельность этого механизма, и какъ она отразится на матеріальномъ и духовномъ состояніи общества.

Отъ Іоанна Безземельнаго Англія могла ожидать всего. Еще при жизни своего отца (Генриха II) и брата (Ричарда Львиное Сердце) онъ въ достаточной мѣрѣ обнаружилъ свои душевныя свойства, и восшествіе на престолъ этого совершенно лишеннаго нравственнаго чувства, безпринципнаго, необузданнаго въ своихъ страстяхъ, коварнаго и жестокаго человѣка, вызвало большую тревогу во всѣхъ слояхъ англійскаго общества. И Іоаннъ не замедлилъ вполнѣ оправдать эти опасенія. Видя въ своей власти исключительно источникъ силъ и средствъ, необходимыхъ ему для удовлетворенія своихъ личныхъ и династическихъ интересовъ, и находя одинаково позволительными всѣ способы извлеченія изъ общества этихъ средствъ и силъ, онъ не дѣлалъ никакого различія между феодалами, церковью и народомъ, всѣхъ ихъ въ равной мѣрѣ подвергая безграничнымъ вымогательствамъ и насиліямъ. Это своеобразное равенство, если не передъ закономъ, то передъ беззаконіемъ, въ связи съ рядомъ политическихъ осложненій, внѣшнихъ и внутреннихъ, вызванныхъ при этомъ Іоанномъ, пробудило, наконецъ, между разъединенными и нерѣдко прямо враждебными слоями англійскаго

общества сознаніе солидарности и способность совмѣстной дѣятельности противъ общаго врага.

Но и времена измѣнились. Какъ ни противоположны были по существу интересы феодаловъ и массы, но была почва, на которой и они соприкасались. Это было общее всѣмъ имъ подчиненіе государственному тяглу въ формѣ всякаго рода натуральныхъ повинностей и денежныхъ платежей феодальнаго и нефеодальнаго характера. Въ этомъ отношеніи государство Вильгельма Завоевателя и его преемниковъ не знало привилегированныхъ и непривилегированныхъ; въ этомъ отношеніи оно было самымъ демократическимъ государствомъ во всей Западной Европѣ. Почти полтораста лѣтъ этого все усиливавшагося правительственнаго гнета должны были, наконецъ, создать почву для взаимнаго пониманія между феодалами и массой. Соціальному сближенію должна была способствовать не только чисто фискальная политика правительства, но и его общая политика, насколько она выразилась въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ на укрѣпленіе и дальнѣйшее развитіе государственности, унаслѣдованной имъ отъ англо-саксонской эпохи, и въ особенности въ реформахъ Генриха II. Все это постепенно привело къ тому, что Англія конца двѣнадцатаго вѣка была уже не та, что въ концѣ одиннадцатаго столѣтія, и если деспотизму какого-нибудь Вильгельма Рыжаго былъ положенъ конецъ одинокой стрѣлой, пущенной неизвѣстной рукою, то деспотизмъ Іоанна Безземельнаго вызвалъ настоящее общественное движеніе, давшее Англіи Великую Хартію Вольностей.

Иниціаторами движенія явились феодалы. Неслыханное дотолѣ попираніе королемъ ихъ правъ и безграничныя, совершенно беззаконныя вымогательства и конфискаціи, развившіяся на почвѣ борьбы Іоанна Безземельнаго съ французскимъ королемъ Филиппомъ II Августомъ изъ-за континентальныхъ владѣній анжуйскаго дома, въ которой совсѣмъ не было заинтересовано само англійское общество, вызвали среди бароновъ чрезвычайно острое недовольство. По словамъ хроникера, они создали королю „почти столькихъ враговъ,

сколько у него магнатовъ“, и сдѣлали неизбѣжнымъ вооруженный и организованный отпоръ.

Уже въ 1201 году король могъ замѣтить, что среди бароновъ развивается оппозиціонное настроеніе. Въ отвѣтъ на его требованіе отправиться съ нимъ въ Нормандію графы и бароны собрались на совѣщаніе (colloquium) въ Лестерѣ и постановили заявить королю, что не пойдутъ съ нимъ въ походъ, „пока онъ не вернетъ имъ ихъ правъ“. Тогда король потребовалъ отъ нихъ ихъ замки и сыновей въ видѣ заложниковъ.

До чего доходилъ Іоаннъ Безземельный въ своемъ издѣвательствѣ надъ правомъ и закономъ въ отношеніи къ феодаламъ, покажутъ нѣсколько взятыхъ на удачу фактовъ. Въ томъ же 1201 году король собралъ бароновъ въ Портсмутъ, чтобы переправиться съ ними на континентъ, но вмѣсто того, чтобы вести ихъ за море, отобралъ у нихъ деньги, взятыя ими на военныя издержки, а самихъ отправилъ по домамъ. Въ слѣдующемъ году бароны двинулись съ королемъ въ Нормандію, но увидѣли, что онъ и не думаетъ вступать въ сраженіе съ непріятелемъ; въ сильнѣйшемъ негодованіи они вернулись домой, а король наложилъ на нихъ за это огромный штрафъ въ размѣрѣ седьмой части ихъ движимости. Въ 1205 году король съ большимъ войскомъ отправился во Францію, но вдругъ повернулъ назадъ и, вернувшись домой, взялъ съ графовъ, бароновъ, рыцарей и духовенства „несмѣтную сумму денегъ“ подъ тѣмъ предлогомъ, будто они не захотѣли итти съ нимъ за море добывать утраченное имъ наслѣдіе (къ этому времени онъ уже лишился Нормандіи, Мэна, Анжу, Турени, отошедшихъ къ французскому королю, что тоже не въ малой мѣрѣ увеличило непопулярность Іоанна Безземельнаго). Индивидуальные протесты противъ королевскаго произвола влекли за собой такія послѣдствія для протестовавшаго, что разсказъ о нихъ, по словамъ хроникера, исторгъ бы слезы даже у тирановъ и возмутилъ бы душу читателя.

Весьма возможно, что баронамъ не удалось бы поднять

противъ становившагося невыносимымъ политическаго режима организованное возстаніе, если бы имъ не помогло одно чрезвычайно важное по тогдашнему времени обстоятельство, окончательно развязавшее руки тѣмъ, кто еще не рѣшился поднять ихъ противъ носителя окруженной мистическимъ, религіознымъ ореоломъ королевской власти. Столкновеніе короля съ церковью, и перчатка, которую онъ не побоялся бросить величайшему главѣ католическаго міра, рѣшила его участь, разсѣявъ и послѣдніе остатки того моральнаго престижа, котораго не могли еще сокрушить всѣ его беззаконія.

Поводомъ къ столкновенію послужилъ вопросъ о замѣщеніи кентерберійской каѳедры, ставшей вакантной въ 1205 году. Папа не утвердилъ кандидатовъ, выставленныхъ и кентерберійскимъ духовенствомъ, и королемъ, и назначилъ архіепископомъ кентерберійскимъ (въ 1207 г.) одного изъ своихъ кардиналовъ, англичанина Стефана Лэнгтона. Въ отвѣтъ на это король отказался признать новаго примаса, а когда Иннокентій III подвергъ въ слѣдующемъ году Англію интердикту, а еще черезъ годъ отлучилъ короля отъ церкви, Іоаннъ повелѣлъ конфисковать всѣ церковныя владѣнія въ королевствѣ и фактически поставилъ англійскую церковь внѣ закона. По всей странѣ прекратилось богослуженіе, не слышно было колокольнаго звона, мертвыхъ перестали хоронить по христіанскому обряду, а служители церкви стали подвергаться всевозможнымъ насиліямъ и оскорбленіямъ со стороны королевскихъ людей. Нужно вспомнить, какимъ страшнымъ оружіемъ былъ въ рукахъ католической церкви интердиктъ, чтобы представить себѣ, какія чувства долженъ былъ вызвать къ себѣ во всѣхъ слояхъ англійскаго общества король, навлекшій на страну такое ужасное въ глазахъ тогдашнихъ людей бѣдствіе. Въ то же время отлученіе короля отъ церкви прямо освобождало его подданныхъ отъ всѣхъ обязанностей въ отношеніи къ нему. Папа даже формально освободилъ (въ 1211 году) всѣхъ англичанъ отъ вѣрности и подданства королю и подъ страхомъ наказанія запретилъ имъ имѣть съ

нимъ какое бы то ни было общеніе. Не довольствуясь этимъ, Иннокентій, „по совѣту кардиналовъ, епископовъ и другихъ разумныхъ людей“, постановилъ (въ 1213 г.) и вовсе низложить Іоанна и написалъ объ этомъ Филиппу II Августу, поручая ему это дѣло, въ то же время объявивъ крестовый походъ противъ Іоанна, съ французскимъ королемъ во главѣ. Филиппъ сталъ собирать военныя силы, чтобы двинуться на Англію.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось все это для Англіи и ея короля, если бы Іоаннъ не рѣшилъ подчиниться папѣ. Для него не всѣ еще пути были отрѣзаны, чтобы предотвратить грозившую бѣду. Одновременно съ отправленіемъ письма къ Филиппу Августу и съ объявленіемъ крестоваго похода папа отправилъ въ Англію своего легата Пандульфа, секретно поручивъ ему передать королю, что если онъ согласится „дать удовлетвореніе Богу и римской церкви, а также всѣмъ прикосновеннымъ къ этому дѣлу“, то для него еще возможенъ мирный исходъ.

Перспектива грознаго французскаго нашествія подѣйствовала на Іоанна сильнѣе духовныхъ громовъ Иннокентія III. Онъ прекрасно сознавалъ, что разсчитывать на своихъ бароновъ ему нельзя. Онъ боялся ихъ не меньше, чѣмъ непріятеля. Еще за годъ передъ тѣмъ, собравъ феодальное ополченіе, чтобы отправиться противъ уэльскихъ князей, онъ внезапно почувствовалъ паническій страхъ передъ вооруженной силой своихъ собственныхъ подданныхъ и, немедленно распустивъ ополченіе, заперся въ Ноттингэмскомъ замкѣ.

Причиной этого были не одни неопредѣленныя опасенія. До короля дошли слухи о заговорѣ среди бароновъ, и, выйдя черезъ двѣ недѣли изъ добровольнаго заключенія, онъ распорядился произвести аресты въ ихъ средѣ, потребовать заложниковъ и принять другія подобныя мѣры. Это вызвало большую тревогу среди бароновъ, и вожди заговора бѣжали на континентъ. Не довольствуясь этими мѣрами, разсчитанными на устрашеніе бароновъ, король сдѣлалъ попытку создать въ народѣ противовѣсъ начавшемуся среди бароновъ

организованному движенію. Въ виду этого онъ простилъ штрафы, наложенные на многихъ во время незадолго передъ тѣмъ бывшей ревизіи королевскихъ лѣсовъ, отмѣнилъ нѣкоторыя пошлины въ портахъ и принялъ рядъ мѣръ для обезпеченія общественной безопасности; кромѣ того, онъ попытался оправдать въ глазахъ народа свои насилія надъ церковью и для этого заставилъ монастыри дать ему письменныя удостовѣренія, будто все, взятое у нихъ королемъ, было дано ими королю вполнѣ добровольно.

Но все это никого не могло ввести въ заблужденіе. Раздраженіе въ обществѣ все усиливалось, и среди бароновъ шла дѣятельная организаціонная работа.

При такихъ-то обстоятельствахъ король узналъ, что Филиппъ Августъ собираетъ войска и припасы, чтобы по первому слову папы двинуться противъ него. А тутъ еще какой-то предсказатель увѣрялъ всѣхъ, что къ Вознесенью Іоаннъ уже не будетъ королемъ. Понятно, какъ кстати пришло привезенное Пандульфомъ папское предложеніе. Король не только согласился признать Лэнгтона и обязался возвратить церкви ея земли и уплатить насильно взятыя у нея деньги, но и отдалъ свое королевство папѣ, чтобы получить его обратно уже въ качествѣ лена папскаго престола, съ обязательствомъ платить папѣ ежегодную подать, принеся при этомъ папѣ клятву вѣрности и обязываясь принести ему еще и феодальную присягу.

Вскорѣ послѣ этого (въ томъ же 1213 году)прибылъ въ Англію новый архіепископъ и снялъ съ короля отлученіе, заставивъ его при этомъ повторить свою коронаціонную присягу и дать обѣщаніе, что онъ будетъ любить и защищать церковь, возстановитъ добрые законы своихъ предшественниковъ и въ особенности законы короля Эдуарда и уничтожитъ несправедливые, будетъ судить всѣхъ праведнымъ судомъ и возвратитъ всѣмъ ихъ права. Послѣ этого король потребовалъ отъ бароновъ, чтобы они отправились съ нимъ на континентъ противъ Филиппа Августа, вполнѣ увѣренный, что теперь, когда съ него снято отлученіе и онъ вполнѣ

примирился съ церковью, бароны уже не рѣшатся оказать ему неповиновеніе, какъ это они сдѣлали раньше.

Но Іоаннъ, повидимому, не подозрѣвалъ всей серьезности своего положенія, думая, что покорностью папскому престолу онъ устранилъ главную причину своихъ домашнихъ затрудненій. А между тѣмъ борьба его съ церковью и пять лѣтъ интердикта сдѣлали свое дѣло, углубивъ корни общественнаго недовольства, которое теперь уже переходило въ общественное движеніе съ опредѣленной политической программой. Бароны (сѣверные) отвѣтили отказомъ на требованіе короля, заявивъ, что ихъ держанія не обязываютъ ихъ отправляться съ королемъ въ заморскіе походы. Король двинулъ было противъ нихъ свои наемные отряды, но архіепископъ кентерберійскій остановилъ его, посовѣтовавъ предварительно разслѣдовать дѣло судебнымъ путемъ.

Въ лицѣ архіепископа Стефана Лэнгтона начавшееся уже общественное движеніе пріобрѣло руководителя и идейнаго вдохновителя, укрѣплявшаго его своимъ авторитетомъ. Едва прошелъ мѣсяцъ со дня прибытія его въ Англію, какъ мы уже видимъ его въ самомъ центрѣ движенія. 25 августа (1213 г.) онъ устраиваетъ въ соборѣ св. Павла въ Лондонѣ очень знаменательное собраніе изъ епископовъ, пріоровъ, аббатовъ, декановъ и бароновъ королевства. На этомъ собраніи архіепископъ подозвалъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ бароновъ и секретно сообщилъ имъ слѣдующее: „Вы слышали, какъ въ Уинчестерѣ я снялъ съ короля отлученіе и заставилъ его дать клятву, что онъ уничтожитъ несправедливые законы и возстановитъ добрые, т.-е. законы Эдуарда, и заставитъ всѣхъ въ королевствѣ соблюдать ихъ. Теперь вотъ найдена нѣкая хартія Генриха I, короля Англіи, съ помощью которой вы можете, если захотите, возстановить въ прежнемъ видѣ давно утраченныя вольности“.

Еще болѣе важное совѣщаніе произошло у бароновъ въ Эдмондсбэри въ слѣдующемъ (1214) году. Въ октябрѣ этого года король вернулся съ континента, гдѣ онъ велъ неудачную войну съ Филиппомъ Августомъ, окончившуюся

разгромомъ его и его союзниковъ при Бувинѣ (въ іюлѣ того же года) и потерей всѣхъ его континентальныхъ владѣній, и потребовалъ съ сѣверныхъ бароновъ уплаты щитовыхъ денегъ въ небываломъ размѣрѣ (по три марки, т.-е. больше 40 шил., съ каждаго рыцарскаго лена), въ которой они отказали ему въ маѣ того же года. 4-го ноября состоялось совѣщаніе короля съ баронами въ Эдмондсбэри. Переговоры не привели ни къ чему, и король уѣхалъ.

Но бароны не разъѣхались. Подъ предлогомъ богомолья они остались въ Эдмондсбэри и устроили тайное совѣщаніе. Это былъ рѣшительный моментъ въ развитіи движенія. На собраніи, по словамъ лѣтописца, „была принесена нѣкая хартія короля Генриха Перваго, которую эти бароны получили отъ Стефана, кентерберійскаго архіепископа, какъ сказано выше, въ городѣ Лондонѣ“. Долго обсуждали они связанные съ нею вопросы своей программы, а затѣмъ „отправились всѣ въ церковь св. Эдмонда и здѣсь, начиная со старшихъ, поклялись надъ большимъ алтаремъ, что если король откажется дать имъ уже названные законы и вольности, они до тѣхъ поръ будутъ вести противъ него войну и не будутъ признавать себя связанными узами вѣрности въ отношеніи къ нему, пока онъ не подтвердитъ всего, чего они требуютъ, хартіей, скрѣпленной его печатью. Въ заключеніе они сообща согласились на томъ, что послѣ Рождества Христова всѣ они отправятся вмѣстѣ къ королю и потребуютъ отъ него, чтобы онъ подтвердилъ имъ вышеписанныя вольности. А пока они должны запасаться лошадьми и оружіемъ, чтобы на случай, если король вздумаетъ отступить отъ собственной клятвы, что̀ они считали вполнѣ возможнымъ, зная его двуличность, они могли бы немедленно, захвативъ его замки, заставить его дать имъ удовлетвореніе“ [1]). Послѣ этого они разъѣхались по домамъ.

Король былъ освѣдомленъ о томъ, что происходило на этомъ совѣщаніи. Видя, что дѣло принимаетъ весьма серьез-

---

[1]) Matt. Paris., 249, 252, 253.

ный оборотъ и борьба становится открытою, Іоаннъ хотѣлъ привлечь на свою сторону церковь и для этого издалъ хартію о свободѣ церковныхъ выборовъ, которые теоретически, въ силу грамотъ его предшественниковъ, давно уже были свободны, но фактически такъ же давно утратили эту свободу. Но было уже поздно. Движеніе стало на вполнѣ твердую почву, чтобы его можно было сломить съ помощью подобнаго рода экспериментовъ, тѣмъ болѣе, что глава англійской церкви былъ всецѣло на его сторонѣ. Кризисъ съ каждымъ днемъ близился къ разрѣшенію.

Лишь только прошли рождественскіе праздники, бароны, согласно уговору, явились къ королю въ Лондонъ въ военныхъ доспѣхахъ и „потребовали, чтобы онъ подтвердилъ нѣкоторыя вольности и законы короля Эдуарда вмѣстѣ съ другими вольностями, данными имъ и королевству Англіи и англійской церкви, какъ онѣ написаны въ хартіи короля Генриха Перваго и въ вышеназванныхъ законахъ. Кромѣ того они заявили, что во время снятія съ него отлученія въ Уинчестерѣ онъ обѣщалъ имъ эти законы и древнія вольности и собственной клятвой обязался соблюдать ихъ. Король, видя, что бароны настойчивы въ этомъ требованіи, и замѣтивъ, что они готовы къ бою, очень испугался ихъ натиска, отвѣчалъ, что они требуютъ большой и трудной вещи, вслѣдствіе чего потребовалъ перемирія до конца Пасхи, чтобы, поразмысливъ, онъ могъ поступить сообразно достоинству своему и своей короны“. Въ заключеніе онъ принужденъ былъ представить поручителей (въ лицѣ архіепископа кентерберійскаго, епископа илійскаго и Уилльяма Маршала), что въ назначенный день дастъ всѣмъ удовлетвореніе.

Повидимому, король все еще не терялъ надежды, что ему удастся одолѣть бароновъ, и пустилъ въ ходъ всѣ средства, какія были у него въ рукахъ: вторично издалъ хартію о свободѣ церковныхъ выборовъ, потребовалъ отъ всѣхъ своихъ подданныхъ возобновленія ихъ лѣнной присяги, а въ заключеніе принялъ обѣтъ крестоносца, разсчитывая, что съ помощью этого послѣдняго средства онъ окончательно свя-

жеть баронамъ руки, такъ какъ личность крестоносца считалась неприкосновенной.

Но все было напрасно. Бароны были непоколебимы. На Святой они собрались въ Стэмфордѣ. По словамъ хроникера, они „привлекли на свою сторону почти всю знать королевства и собрали несмѣтное войско, потому главнымъ образомъ, что король всегда былъ ненавистенъ для всѣхъ. Въ войскѣ ихъ было двѣ тысячи однихъ рыцарей, не считая оруженосцевъ и пѣхоты".

Лишь только окончился срокъ заключеннаго съ королемъ перемирія, бароны двинули свои силы по направленію къ Брэкли (въ графствѣ Нортгэмптонскомъ). Узнавъ объ этомъ, король отправилъ къ нимъ изъ Оксфорда, гдѣ онъ въ этотъ моментъ находился, архіепископа кентерберійскаго и Уилльяма Маршала графа Пемброка со свитой, „чтобы узнать отъ нихъ, какихъ это законовъ и вольностей они требуютъ". Бароны (они уже были въ Брэкли) вручили имъ „цидулу нѣкую, которая заключала въ большей своей части древніе законы и обычаи королевства", и требовали, чтобы король немедленно же далъ имъ эти законы и обычаи и скрѣпилъ своей печатью, грозя въ противномъ случаѣ, путемъ захвата его крѣпостей, земель и владѣній, заставить его сдѣлать это.

Посланные вернулись съ этимъ къ королю, и одинъ изъ нихъ, архіепископъ кентерберійскій, прочелъ ему по статьямъ полученный отъ бароновъ документъ. Король пришелъ въ крайнее негодованіе. „Почему же вмѣстѣ съ этими несправедливыми требованіями бароны не потребуютъ и моего королевства?" съ злобной ироніей заявилъ онъ и назвалъ пустыми и безсмысленными требованія бароновъ („Vana sunt", inquit, „et superstitiosa quae petunt, neque aliquo rationis titulo fulciuntur") и въ страшной ярости поклялся, что никогда не дастъ имъ такихъ вольностей, которыя его самого дѣлаютъ рабомъ. Никакими доводами не могли архіепископъ и графъ Пемброкъ убѣдить короля перемѣнить свое рѣшеніе и повезли баронамъ его рѣшительный отказъ.

Тогда бароны избрали Роберта Фицъ-Уолтера своимъ пред-

водителемъ, назвали его „маршаломъ воинства Христова и святой церкви“ и, отвергнувъ попытки короля къ мирному соглашенію, въ боевомъ порядкѣ двинулись къ Нортгэмптону. Безъ осадныхъ орудій они не могли взять этой крѣпости и, простоявъ здѣсь двѣ недѣли, направились къ Бедфорду. Здѣсь ихъ приняли съ почестями. Сюда явились къ нимъ посланные изъ Лондона и тайно сообщили имъ, чтобы они какъ можно скорѣе шли къ столицѣ, если желаютъ имѣть ее на своей сторонѣ. Извѣстіе это очень подняло духъ баронovъ, они немедленно двинули свое войско и 24 мая, на разсвѣтѣ, когда горожане были у заутрени, безъ всякаго шума и тревоги вступили въ Лондонъ.

Отсюда они разослали письма къ графамъ, баронамъ и простымъ рыцарямъ, которые еще какъ будто держали сторону короля, приглашая ихъ оставить клятвопреступнаго короля и присоединиться къ нимъ, чтобы вмѣстѣ бороться за вольности и за миръ въ королевствѣ, грозя въ противномъ случаѣ поступить съ ними, какъ съ врагами. На этотъ призывъ откликнулось громадное большинство и присоединилось къ конфедераціи. По словамъ хроникера, „прекратились всѣ дѣла въ Палатѣ Шахматной Доски и у шерифовъ по всей Англіи, такъ какъ не находилось никого, кто бы платилъ королю подать или въ чемъ-либо оказывалъ ему повиновеніе“.

Почти всѣ покинули короля. Пришлось начать переговоры. Былъ назначенъ день и мѣсто для окончательнаго соглашенія. 15 іюня (1215 года) уполномоченные бароновъ сошлись съ королемъ и его немногочисленными приверженцами въ долинѣ Рэнимидъ, между Стэнсомъ и Уиндзоромъ, на Темзѣ, и здѣсь Іоаннъ, „видя, что силы его не равны силамъ бароновъ“, подписалъ *Великую Хартію Вольностей*.

VII.

Великая Хартія Вольностей (Magna Carta Libertatum) имѣетъ форму королевскаго пожалованія. „Пожаловали мы“, читаемъ мы въ концѣ первой ея статьи, „всѣмъ свободнымъ

людямъ (liberis hominibus) королевства нашего за насъ и за наслѣдниковъ нашихъ на вѣчныя времена всѣ нижеписанныя вольности, чтобы имѣли ихъ и владѣли ими они и ихъ наслѣдники отъ насъ и отъ наслѣдниковъ нашихъ".

Этотъ какъ будто односторонній актъ монаршей воли былъ внушенъ королю, по его словамъ, исключительно внутреннимъ мотивами, мистическимъ путемъ возникшими въ его душѣ. Въ предисловіи къ Хартіи король прямо заявляетъ всѣмъ своимъ слугамъ и вѣрнымъ, что всѣ слѣдующія ниже вольности онъ пожаловалъ и Хартіей своей подтвердилъ „по внушенію Божьему и для спасенія своей души, а также всѣхъ своихъ предшественниковъ и наслѣдниковъ, въ честь Бога и для возвышенія святой церкви и для возвеличенія своего королевства". Не вполнѣ, правда, согласуются съ этими заявленіями слова послѣдняго (63) параграфа Хартіи, что „принесена была присяга какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны бароновъ, что все это выше названное будетъ соблюдаться добросовѣстно и безъ злого умысла", а содержаніе статьи 61-й и вовсе ихъ опровергаетъ, вскрывая истинное положеніе вещей. Тутъ уже идетъ рѣчь о „раздорѣ, возникшемъ между нами и баронами нашими", и о гарантіи (securitas), которую король даетъ баронамъ, обезпечивающей имъ ненарушимое и вѣчное пользованіе ихъ вольностями, и притомъ такой, которую едва ли бы согласился дать своимъ подданнымъ какой бы то ни было король исключительно по Божьему внушенію.

Гарантія эта заключалась въ слѣдующемъ. Бароны избрутъ изъ своей среды двадцать пять человѣкъ и на нихъ возложатъ обязанность блюстителей „пожалованныхъ" королемъ вольностей. Если король или кто-либо изъ его должностныхъ лицъ „нарушитъ какую-либо изъ статей этого мирнаго договора (pacis aut securitatis)", то объ этомъ должно быть сообщено четыремъ изъ этихъ двадцати пяти бароновъ, и они обратятся къ королю или къ его замѣстителю съ требованіемъ въ теченіе сорока дней возстановить нарушенное право. Въ случаѣ неисполненія королемъ или его замѣсти-

телемъ этого требованія, всѣ двадцать пять бароновъ „вмѣстѣ съ общиной всей земли“ постараются всѣми возможными средствами принудить къ этому короля, захватывая его замки, земли, владѣнія и т. п., оставляя неприкосновенными лишь личность короля, королевы и ихъ дѣтей. Всѣ обязаны принести двадцати пяти баронамъ присягу, что будутъ повиноваться имъ въ такихъ случаяхъ, и король не только не будетъ никому препятствовать въ этомъ, но открыто всѣмъ разрѣшаетъ это и даже собственнымъ приказомъ заставитъ всѣхъ, кто добровольно не захочетъ сдѣлать этого, принести двадцати пяти баронамъ присягу въ томъ, что вмѣстѣ съ ними будутъ принуждать и тѣснить короля. Всѣ двадцать пять бароновъ, съ своей стороны, должны присягнуть, что будутъ добросовѣстно исполнять свои обязанности. Рѣшенія въ комитетѣ двадцати пяти должны постановляться большинствомъ присутствующихъ.

Великая Хартія Вольностей есть настоящій мирный договоръ между воюющими сторонами, есть настоящая капитуляція. Если бы мы даже не знали обстоятельствъ, при которыхъ была издана Великая Хартія, то самый текстъ ея не оставляетъ въ этомъ ни тѣни сомнѣнія какъ въ цѣломъ, такъ и въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣльныхъ статьяхъ, трактующихъ о выдачѣ королемъ взятыхъ имъ заложниковъ, о роспускѣ имъ наемныхъ отрядовъ и т. п. Мы не будемъ заниматься этими статьями, имѣвшими чисто временный характеръ, и прямо перейдемъ къ основнымъ параграфамъ Великой Хартіи, трактующимъ о правахъ и вольностяхъ англійскаго народа и каждой изъ составляющихъ его отдѣльныхъ группъ.

На первомъ мѣстѣ церковь и бароны. Своимъ первымъ параграфомъ Хартія объявляетъ свободной англійскую церковь и неприкосновенными права ея и вольности и подтверждаетъ уже дважды передъ тѣмъ изданную Іоанномъ хартію о свободѣ церковныхъ выборовъ. Слѣдующіе за этимъ непосредственно семь параграфовъ (§§ 2—8) заняты исключительно феодальными вопросами (о рельефахъ, которые упла-

чивали королю вступающіе во владѣніе своими ленами наслѣдники его военныхъ держателей, о принадлежащемъ королю правѣ опеки надъ несовершеннолѣтними наслѣдниками умершихъ королевскихъ держателей, о правахъ наслѣдницъ и вдовъ королевскихъ держателей). Чисто феодальными отношеніями занято еще болѣе двѣнадцати параграфовъ Хартіи (трактующихъ о повинностяхъ держателей рыцарскихъ леновъ, объ ихъ замковой службѣ, о земляхъ осужденныхъ преступниковъ, попадающихъ въ руки короля и подлежащихъ возвращенію по истеченіи извѣстнаго срока непосредственнымъ сюзеренамъ этихъ преступниковъ, о нарушеніи королемъ принадлежащаго другимъ сеньерамъ права феодальной опеки, о держателяхъ вымороченныхъ бароній, попавшихъ въ королевскую руку, о правахъ феодальной опеки, принадлежащихъ баронамъ, основавшимъ аббатства на своей землѣ) (§§ 16, 29, 32, 37, 43, 46).

Все это простое констатированіе главныхъ пунктовъ феодальнаго права, необходимое въ виду ихъ постояннаго нарушенія Іоанномъ Безземельнымъ, но едва ли вносящее въ нихъ что-либо новое. Еще Хартія Вольностей Генриха I формулировала эти пункты, хотя и съ нѣсколько меньшей детальностью. Совершенно въ духѣ этой же Хартіи Генриха I и параграфы 15 и 60, гарантирующіе и второстепеннымъ держателямъ (не держащимъ непосредственно отъ короля) неприкосновенность ихъ правъ со стороны ихъ непосредственныхъ сеньеровъ, въ особенности § 60, гласящій, что „всѣ эти вышеназванные обычаи и вольности, которые мы соблаговолили признать подлежащими соблюденію въ нашемъ королевствѣ, насколько это касается насъ въ отношеніи къ нашимъ вассаламъ, всѣ въ нашемъ королевствѣ, какъ міряне, такъ и клирики, обязаны соблюдать, насколько это касается ихъ въ отношеніи къ ихъ вассаламъ“.

Иной характеръ имѣютъ параграфы 34, 12 и 14.

Первый изъ нихъ (§ 34) постановляетъ, что впредь королевская курія никому не будетъ выдавать приказовъ, носящихъ названіе *Praecipe*, для перенесенія иска о собствен-

пости на то или иное держаніе изъ феодальной куріи въ королевскую, нанося этимъ ущербъ свободному человѣку (liber homo), владѣльцу этой феодальной куріи („Приказъ, называемый *Praecipe*, впредь не долженъ выдаваться кому бы то ни было о какомъ-либо держаніи, вслѣдствіе чего свободный человѣкъ могъ бы потерять свою курію“.) Это уже требованіе, идущее далѣе указанныхъ выше. Здѣсь бароны не просто ограждаютъ себя отъ беззаконій, которыя позволялъ себѣ король и его агенты въ отношеніи къ всѣми признаваемымъ феодальнымъ правамъ. Здѣсь они пытаются остановить планомѣрную объединительную работу центральной власти въ сферѣ юрисдикціи, начатую съ такой энергіей при Генрихѣ II, такъ рѣшительно урѣзавшемъ своими *ассизами* *) гражданскую юрисдикцію феодаловъ. Это была со стороны бароновъ попытка затормозить тотъ путь, по которому шло политическое развитіе Англіи съ нормандскаго завоеванія.

Еще болѣе знаменательны въ этомъ отношеніи два другихъ параграфа Хартіи, 12 и 14.

Параграфъ двѣнадцатый гласитъ, что ни щитовыя деньги, ни какое-либо вспомоществованіе (auxilium) не должны взиматься въ англійскомъ королевствѣ иначе, какъ съ согласія общаго совѣта королевства („nisi per commune consilium regni nostri“). Исключеніе допускается лишь въ трехъ случаяхъ: когда нужно выкупить изъ плѣна короля, при возведеніи въ рыцари старшаго сына короля и при выдачѣ замужъ первымъ бракомъ старшей дочери короля; но и въ этихъ случаяхъ пособіе это не должно быть чрезмѣрнымъ; все это относится и къ пособіямъ съ города Лондона.

Параграфъ четырнадцатый опредѣляетъ составъ этого общаго собранія королевства. „А для того, чтобы имѣть этотъ общій совѣтъ королевства“, читаемъ мы въ этомъ параграфѣ, „мы повелимъ позвать архіепископовъ, епи-

---

*) Ассизами при Генрихѣ II Плантагенетѣ называли королевскіе указы, а также нѣкоторыя формы гражданскихъ исковъ.

скоповъ, аббатовъ, графовъ и старшихъ бароновъ (majores barones) нашими письмами за печатью, и, кромѣ того, повелимъ позвать огуломъ, черезъ шерифовъ и бэйлиффовъ *) нашихъ, всѣхъ тѣхъ, кто держитъ отъ насъ непосредственно (in capite); призовемъ мы всѣхъ къ опредѣленному дню, т.-е. по меньшей мѣрѣ за сорокъ дней до срока, и въ опредѣленное мѣсто; и во всѣхъ этихъ пригласительныхъ письмахъ объяснимъ причину созыва; и когда будутъ такимъ образомъ разосланы приглашенія, въ назначенный день будетъ приступлено къ дѣлу при участіи и совѣтѣ тѣхъ, кто окажется налицо, хотя бы и не всѣ приглашенные явились".

Вопросъ о субсидіяхъ королю былъ самымъ больнымъ вопросомъ англійскаго общества этой поры. Финансы были какъ разъ той сферой, въ которой обществу больше всего и тяжелѣе всего приходилось страдать отъ произвола короля, въ особенности такого короля, какимъ былъ Іоаннъ Безземельный. Тутъ всѣ были равны, всѣ, безъ различія классовъ и состояній, не были увѣрены въ завтрашнемъ днѣ, и было вполнѣ естественнымъ, что поднявшіе движеніе бароны прежде всего должны были озаботиться изысканіемъ способовъ оградить на будущее время себя и другихъ отъ безцеремоннаго хозяйничанья правительства въ ихъ карманахъ. Это въ сущности былъ едва ли не самый главный вопросъ изъ всѣхъ вопросовъ, поставленныхъ передъ англійскимъ обществомъ тираническимъ правленіемъ Іоанна Безземельнаго, показавшимъ съ полной ясностью, что если политическій строй Англіи и не былъ чуждъ идеи ограниченія, воплощавшейся въ такъ называемомъ Великомъ Совѣтѣ (Magnum Concilium), куда король звалъ духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ королевства, своимъ „совѣтомъ и согласіемъ" подкрѣплявшимъ его важнѣйшіе правительственные шаги, то что, въ сущности, это обращеніе къ Совѣту было для него лишь пустой формальностью, нисколько его не стѣснявшей.

На положеніи Великаго Совѣта отразилась общая поста-

*) Бэйлиффъ—королевскій чиновникъ, стоявшій во главѣ сотни.

новка королевской власти съ нормандскаго завоеванія, съ ея своеобразнымъ совмѣщеніемъ широко-государственныхъ и чисто феодальныхъ элементовъ. Не то это былъ англо-саксонскій уптенагемотъ, куда король созывалъ „мудрыхъ земли“ для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики, не то—феодальная курія непосредственныхъ вассаловъ короля (tenentes in capite), обязанныхъ „служить“ ему „совѣтомъ и содѣйствіемъ“ (consilium et auxilium), но вмѣстѣ съ тѣмъ и имѣющихъ право на то, чтобы безъ нихъ, безъ этого ихъ „совѣта и содѣйствія“ король не предпринималъ ни одного серьезнаго шага; въ общемъ и тотъ, и другой принципъ взаимно нейтрализовались и были въ одинаковой мѣрѣ ослаблены всемогущей королевской властью, видѣвшей въ Великомъ Совѣтѣ собраніе свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ, роль котораго фактически сводилась къ необязательнымъ для короля совѣтамъ и къ выслушиванію обязательныхъ рѣшеній, принятыхъ королемъ въ кругу своихъ ближайшихъ совѣтниковъ.

При такой постановкѣ этого учрежденія, при такой неопредѣленности его компетенціи и случайности и односторонности его состава оно, конечно, не могло сколько-нибудь серьезно сдерживать королевскую власть, черпавшую свою силу главнымъ образомъ въ общей противоположности интересовъ массы и феодаловъ; королевская власть не могла быть ограничена лишь по ея волѣ созывавшейся кучкой феодаловъ, хотя бы и самыхъ могущественныхъ изъ ихъ среды. Нужно было дать Великому Совѣту иную постановку, превратить его въ учрежденіе, авторитетно и планомѣрно ограничивающее королевскую волю и тѣмъ отнимающее у нея возможность свободно распоряжаться средствами общества.

Двѣнадцатый и четырнадцатый параграфы Великой Хартіи и ставятъ себѣ эту послѣднюю цѣль. Достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ этими параграфами Хартіи, чтобы сразу бросилась въ глаза чисто феодальная постановка этой цѣли. Рѣчь идетъ здѣсь исключительно о феодальномъ налогѣ (щитовыхъ деньгахъ) и о феодальныхъ пособіяхъ (au-

xilia), взимавшихся королемъ со своихъ непосредственныхъ вассаловъ; ни словомъ не упомянуты всякія другія взыманія, такъ назыв. tallagia, отъ которыхъ особенно страдали города. Отнынѣ щитовыя деньги и всякое пособіе королю, выходящее за предѣлы трехъ феодальныхъ случаевъ, могутъ быть даны ему лишь съ разрѣшенія „общаго совѣта королевства“ (§ 12).

Каковъ же составъ этого собранія? Четырнадцатый параграфъ весьма точно указываетъ, кого именно слѣдуетъ звать на такіе совѣты. Онъ называетъ архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ и старшихъ бароновъ, съ одной стороны, и остальныхъ непосредственныхъ держателей короля, съ другой, т.-е. исключительно королевскихъ вассаловъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Но въ то время, какъ въ Великій Совѣтъ (Magnum Concilium) приглашали лишь верхній слой этихъ вассаловъ, духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ королевства, въ совѣтѣ, проектируемомъ Великой Хартіей, имѣютъ право присутствовать и рѣшать вопросы обложенія *всѣ* королевскіе вассалы.

Это настоящій феодальный сеймъ. Здѣсь феодальная точка зрѣнія проведена со всею полнотою. Здѣсь, какъ и въ § 34, бароны совершенно игнорировали всѣ тѣ условія, которыя были созданы нормандскимъ завоеваніемъ, и трактовали Англію какъ чисто феодальное государство. Это былъ очень серьезный шагъ отъ той государственности, которая сложилась въ Англіи послѣ завоеванія. Это была настоящая *феодальная реакція*. Побѣдивъ королевскую власть, бароны получили возможность сообщить своимъ никогда не умиравшимъ и даже послѣ реформъ Генриха II не заглохшимъ политическимъ тенденціямъ форму непререкаемаго основного закона королевства, и они воспользовались этой возможностью.

Но въ какой мѣрѣ? Могли ли бароны вычеркнуть всю предшествующую исторію Англіи? Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы отвѣтъ на него былъ совершенно ясенъ, въ особенности, если мы примемъ во вниманіе условія, при которыхъ баронамъ пришлось дѣйствовать.

Обыкновенно принято выдвигать великодушное безкорыстіе бароновъ, заставившихъ Іоанна Безземельнаго подписать Великую Хартію Вольностей, и этимъ объяснять широту политическаго кругозора Хартіи. Согласно этому взгляду въ 1215-мъ году англійскіе бароны думали не только о себѣ, имъ былъ чуждъ политическій эгоизмъ, такъ рѣзко выраженный у континентальныхъ феодаловъ. Подобнаго рода утвержденія, рѣзко противорѣчащія только что разсмотрѣннымъ параграфамъ Хартіи, очень мало считаются и съ исторіей Англіи, въ частности, съ тѣми общими условіями политическаго развитія Англіи послѣ нормандскаго завоеванія, которыя опредѣлили характеръ и роль англійскаго феодализма.

Англійскіе феодалы могли разсчитывать на вліятельную, а тѣмъ болѣе на главную политическую роль лишь въ союзѣ съ массой. До сихъ поръ о такомъ союзѣ не могло быть и рѣчи. Лишь совершенно исключительное поведеніе Іоанна Безземельнаго могло вызвать его къ жизни, заставить различные элементы общества соединиться для дружнаго отпора общему врагу. Это и дало побѣду иниціаторамъ и вождямъ движенія, и, разъ они выдвинули на первый планъ свои сословные интересы и, отстаивая свои законныя права, воспользовались этимъ случаемъ для проведенія въ жизнь и своихъ давнишнихъ политическихъ стремленій, они могли разсчитывать на успѣхъ, лишь считаясь съ интересами и своихъ союзниковъ, всѣхъ свободныхъ людей англійскаго королевства. Бароны, преслѣдуя прежде всего свои собственные интересы, по необходимости должны были въ той или иной мѣрѣ считаться съ исторически сложившейся политической и соціальной дѣйствительностью, съ той широкой государственностью, которая отводила феодализму скромную и чисто служебную роль, и съ тѣми формами ея, которыя развились къ началу тринадцатаго столѣтія и были разсчитаны не на ту или иную группу общества, а на его цѣлое.

Въ частности, они должны были обезпечить свободной массѣ правильное и закономѣрное функціонированіе общегосударственныхъ судебныхъ учрежденій, для которыхъ такъ

много сдѣлали реформы Генриха II. И мы дѣйствительно видимъ, что дѣлу правосудія Великая Хартія отводитъ весьма видное мѣсто, не забывая при этомъ даже самыхъ низшихъ слоевъ англійскаго общества. Можно даже сказать, что центръ тяжести ея принципіальнаго значенія здѣсь именно и лежитъ, и самые знаменитые ея параграфы, стяжавшіе Великой Хартіи неувядаемую славу (§§ 39 и 40), относятся какъ разъ къ судебному дѣлу.

§ 17 окончательно фиксируетъ въ Уэстминстерѣ такъ называемый Судъ Общихъ Тяжбъ, до тѣхъ поръ все еще передвигавшійся вмѣстѣ съ королемъ, и превращаетъ его, такимъ образомъ, въ учрежденіе, существующее независимо отъ личности короля. §§ 18 и 19 имѣютъ въ виду улучшить процедуру окончательно созданныхъ реформой Генриха II разъѣздныхъ судей по разбору земельныхъ исковъ. § 23 повторяетъ изданное Генрихомъ II запрещеніе шерифамъ и другимъ королевскимъ чиновникамъ рѣшать такъ называемыя коронныя дѣла (placita coronae), т.-е. особенно важныя уголовныя дѣла, которыя должны находиться въ исключительномъ вѣдѣніи королевскихъ судовъ, и, такимъ образомъ, съ своей стороны, признаетъ пагубнымъ совмѣщеніе въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ административной и судебной власти. § 45 требуетъ, чтобы въ судьи, равно какъ и въ представители административной власти назначались лишь люди, свѣдущіе въ законахъ и имѣющіе желаніе ихъ соблюдать. §§ 20, 21 и 22 регулируютъ взиманіе штрафовъ въ пользу короля (такъ назыв. amerciamenta). При взиманіи ихъ слѣдуетъ сообразоваться съ родомъ проступка и съ его важностью; при этомъ основное имущество штрафуемаго, его основной капиталъ, должно оставаться неприкосновеннымъ („salvo contenemento suo“)— у кущца его товаръ („salva mercandisa sua“), у виллана его хозяйственный инвентарь („et villanus eodem modo amercietur salvo wainnagio suo“); „и никакой изъ этихъ штрафовъ не будетъ налагаться иначе, какъ на основаніи клятвенныхъ показаній уважаемыхъ людей изъ сосѣдей штрафуемыхъ (nisi per sacramentum proborum hominum de visneto) (§ 20)“. Въ

§ 26 король обѣщаетъ, что впредь ничего не будетъ брать въ своей канцеляріи за указъ, предписывающій произвести разслѣдованіе дѣла человѣка, арестованнаго по обвиненію въ уголовномъ преступленіи, и не будетъ оказывать въ просьбѣ выдать такой указъ. Чтобы понять все значеніе этого параграфа, нужно вспомнить, что часто даже совершенно ни въ чемъ неповинный человѣкъ могъ мѣсяцы и годы томиться въ предварительномъ заключеніи, прежде чѣмъ власти соблаговолятъ назначить къ разбору его дѣло. § 38 запрещаетъ королевскимъ чиновникамъ привлекать кого бы то ни было къ суду по собственному усмотрѣнію, не приводя достовѣрныхъ свидѣтелей.

Но, указывая на эти параграфы Хартіи, мы не должны забывать въ связи съ ними и уже отмѣченнаго нами § 34, не оставляющаго сомнѣнія, что далеко не все хотѣли бароны сохранить въ судебномъ строѣ, созданномъ реформами Генриха II, рѣшительно устраняя все то, что шло въ разрѣзъ съ ихъ чисто сословными, феодальными интересами. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія и самые знаменитые параграфы Хартіи, §§ 39 и 40.

Согласно общепринятому взгляду, 39 и 40 параграфы Великой Хартіи являются блестящимъ завершеніемъ и широко теоретическимъ освѣщеніемъ приведенныхъ сейчасъ вполнѣ конкретныхъ статей Хартіи, торжественнымъ провозглашеніемъ общихъ принциповъ, сохраняющихъ всю свою жизненность и силу и въ настоящее время, являясь фундаментомъ такъ называемой гражданской свободы. „Ни одинъ свободный человѣкъ не будетъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму или лишенъ имущества, или объявленъ стоящимъ внѣ закона, или изгнанъ, или какимъ-либо инымъ способомъ обездоленъ, и мы не пойдемъ на него и не пошлемъ на него иначе, какъ по законному приговору равныхъ его и по закону страны (nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur, aut dissaisiatur, aut utlagetur, aut exuletur, aut aliquo modo destruatur, nec super eum ibimus, nec super eum mittemus, nisi per legale judicium parium suorum vel per legem terre)“. Такъ гла-

ситъ первый изъ этихъ параграфовъ (39-й), и его дополняетъ слѣдующій непосредственно за нимъ параграфъ сороковой: „Никому не будемъ продавать права и справедливости, никому не будемъ отказывать въ нихъ или замедлять ихъ (nulli vendemus, nulli negabimus, aut differemus, rectum aut justiciam“).

Подъ свободнымъ человѣкомъ въ § 39, какъ и въ § 34, бароны разумѣли прежде всего самихъ себя, а не всю свободную массу среди населенія Англіи. Если въ § 34 объ этомъ свидѣтельствуетъ весь смыслъ параграфа, направленнаго къ ограниченію сеньеріальной куріи свободнаго человѣка отъ законныхъ ограниченій ея компетенціи со стороны королевской куріи, то въ § 39 это особенно ясно изъ заключительной фразы параграфа, въ которой идетъ рѣчь о приговорѣ пэровъ свободнаго человѣка, который никакого другого суда надъ собою, кромѣ чисто феодальнаго суда пэровъ, не желаетъ признавать, игнорируя, такимъ образомъ, широкую компетенцію королевской куріи и ея отдѣленій, состоявшихъ изъ профессіональныхъ судей и отправлявшихъ правосудіе не на феодальныхъ началахъ. Да и вся фразеологія § 39 говоритъ о слишкомъ конкретныхъ фактахъ королевскаго произвола, послужившихъ непосредственнымъ поводомъ къ возстанію бароновъ и прежде всего ихъ непосредственно касавшихся („и не пойдемъ на него и не пошлемъ на него“), чтобы могло быть сомнѣніе, о комъ въ ней прежде всего идетъ рѣчь. Лишь гораздо позже, въ 17 и 18 вѣкѣ, въ разгарь политической борьбы, въ параграфы 39 и 40 былъ вложенъ тотъ широкій смыслъ, который сдѣлалъ ихъ воплощеніемъ широкаго теоретическаго принципа.

Имѣя въ виду привлечь на свою сторону по возможности болѣе широкіе круги англійскаго общества, бароны должны были принять во вниманіе, кромѣ общихъ всѣмъ имъ интересовъ, еще и отдѣльные интересы каждой изъ основныхъ его группъ. Мы уже приводили §§ 15 и 60, которыми бароны обезпечивали своимъ вассаламъ неприкосновенность ихъ правъ, какъ своихъ вассаловъ, прекрасно понимая, что, только опираясь прежде всего на ихъ военную силу, они могли вы-

ступать противъ короля. Видѣли мы, приводя § 20, что бароны не забыли и самого низшаго слоя общества, несвободныхъ виллановъ, желая имѣть на своей сторонѣ эту основную массу англійскаго народа: и у виллана король не долженъ былъ брать въ видѣ штрафа его основной капиталъ, его хозяйственный инвентарь, что̀, впрочемъ, въ одинаковой мѣрѣ затрогивало и интересы его сеньера, которые въ такой же мѣрѣ страдали отъ этого захвата.

Какую роль сыграла въ движеніи 1215-го года эта земледѣльческая масса, мы не знаемъ. Источники молчатъ объ этомъ. Зато мы имѣемъ болѣе опредѣленныя данныя о роли городовъ и прежде всего города Лондона. Мы уже приводили эти данныя и, въ частности, знаемъ, какое рѣшающее значеніе имѣло для исхода движенія то, что къ движенію примкнула столица. И Великая Хартія вполнѣ опредѣленно отражаетъ на себѣ интересы горожанъ.

Двѣнадцатый параграфъ Хартіи, узаконяющій, какъ мы видѣли, общій совѣтъ королевства (commune consilium regni) для разрѣшенія королю щитовыхъ денегъ и иныхъ пособій, выходящихъ за предѣлы трехъ феодальныхъ случаевъ, и требующій, чтобы эти пособія не были чрезмѣрны, прибавляетъ, что это относится и къ пособіямъ, взимаемымъ съ города Лондона. Слѣдующій за нимъ § 13 спеціально занятъ городами: онъ торжественно подтверждаетъ права и вольности Лондона и всѣхъ другихъ городовъ и портовъ. „А городъ Лондонъ“, читаемъ мы здѣсь, „долженъ имѣть всѣ свои древнія вольности и свободные обычаи какъ на сушѣ, такъ и на водѣ; кромѣ того, мы желаемъ и сонзволяемъ, чтобы и всѣ другіе города и порты имѣли всѣ свои вольности и свободные обычаи“. Городскія вольности и для Іоанна Безземельнаго, и для его предшественниковъ всегда являлись источникомъ самыхъ беззаконныхъ вымогательствъ. Постоянно нарушая ихъ, они заставляли горожанъ платить имъ большія суммы за ихъ подтвержденіе. Это было хроническое бѣдствіе, тяжело отражавшееся на хозяйственномъ развитіи городовъ, и указанные параграфы Хартіи затрогивали ихъ самые насущные интересы.

Является, однако, вопросъ: въ какой мѣрѣ это торжественное, но слишкомъ общее подтвержденіе вольностей и свободныхъ обычаевъ Лондона и другихъ городовъ дѣйствительно гарантировало ихъ отъ произвольныхъ взысканій со стороны короля?

Любопытно, что въ текстѣ Хартіи въ томъ ея видѣ, въ какомъ она была представлена королю и подписана имъ немедленно послѣ его капитуляціи и выработки ея окончательной редакціи королемъ и уполномоченными бароновъ, интересы городовъ обезпечивались болѣе конкретнымъ и, слѣдовательно, болѣе дѣйствительнымъ образомъ. Въ § 32 этихъ *Баронскихъ Статей (Capitula que Barones petunt et dominus Rex concedit, The Articles of the Barons)*, соотвѣтствующемъ параграфамъ 12 и 13 окончательной редакціи В. Хартіи, король обязывается не взимать безъ общаго совѣта королевства не только щитовыхъ денегъ и выходящихъ за предѣлы трехъ феодальныхъ случаевъ добровольныхъ (по имени) вспомоществованій (auxilia) со своихъ вассаловъ, но и такихъ же добровольныхъ вспомоществованій, *а также и обычныхъ принудительныхъ сборовъ (taillagia) съ города Лондона и съ другихъ городовъ* („Подобнымъ же образомъ должно поступать и относительно принудительныхъ сборовъ и добровольныхъ вспомоществованій съ города Лондона и съ другихъ городовъ“).

Желая имѣть поддержку со стороны городовъ, бароны обѣщали имъ солидныя гарантіи, а одержавъ съ ихъ помощью побѣду надъ королемъ, они нашли возможнымъ замѣнить ихъ общими малосодержательными обѣщаніями. Бароны, несомнѣнно, очень широко составляли свою политическую программу и очень реально ориентировались въ тогдашней политической и соціальной обстановкѣ, но на роль безкорыстныхъ политическихъ энтузіастовъ, навязываемую имъ позднѣйшими политическими дѣятелями и историками, они во всякомъ случаѣ не претендовали.

Въ какой мѣрѣ бароны являлись реальными политиками, видно также и изъ того, что въ окончательную редакцію В. Хартіи они вставили статью 41, явно шедшую въ разрѣзъ съ ин-

тересами такъ много сдѣлавшихъ для нихъ своей поддержкой городовъ. Статья эта представляетъ всѣмъ иностраннымъ купцамъ право свободно выѣзжать изъ Англіи, въѣзжать въ нее и жить въ ней и путешествовать съ торговыми цѣлями, не подвергаясь никакимъ незаконнымъ взиманіямъ („sine omnibus malis toltis), а уплачивая лишь старинныя, справедливыя и обычаемъ установленныя пошлины. Только въ военное время такой порядокъ нарушается: въ это время купцы воюющей съ Англіей державы подвергаются аресту безъ вреда для ихъ здоровья и имущества, пока не будутъ наведены справки о томъ, какъ обращаются во враждебной странѣ съ англійскими купцами; и если окажется, что эти послѣдніе въ безопасности, такъ же поступать и съ купцами этой страны. Предоставленіе иностраннымъ купцамъ права свободно конкурировать съ англійскими было, конечно, въ интересахъ бароновъ, которые могли благодаря этому дешевле покупать заграничныя вина и другіе предметы роскоши; но оно рѣзко нарушало интересы англійскихъ купцовъ, которые могли лишь крайне враждебно относиться къ всякой попыткѣ поставить иностранцевъ въ одинаковыя съ ними коммерческія условія, дорого цѣня свои дорогою цѣною купленныя торговыя привилегіи.

Весьма важнымъ условіемъ нормально функціонирующей торговой и промышленной жизни является единообразіе мѣръ и вѣсовъ, и § 35 гарантируетъ и это условіе. Какъ горожане, такъ и сельскіе жители не мало терпѣли отъ принадлежавшаго королю права принудительнымъ путемъ покупать черезъ посредство своихъ чиновниковъ для надобностей королевскаго двора и администраціи хлѣбъ и другіе продукты, и 28 статья Хартіи запрещаетъ королевскимъ агентамъ брать у кого-либо хлѣбъ или иные предметы иначе, какъ немедленно уплачивая при этомъ продавцу деньги или получая отъ него согласіе на отсрочку платы. § 30 запрещаетъ шерифамъ, бейлиффамъ и другимъ королевскимъ чиновникамъ брать у свободнаго человѣка лошадей или телѣги для перевозки иначе, какъ съ его согласія.

VIII.

Разсмотрѣвъ основное содержаніе Великой Хартіи Вольностей со стороны выраженныхъ въ ней интересовъ разныхъ классовъ англійскаго общества, мы имѣемъ, какъ намъ кажется, полное основаніе утверждать, что, поднимая движеніе, бароны вполнѣ реально поняли свою задачу, что выставленная ими программа отражала на себѣ всю широту и сложность окружавшей ихъ соціальной и политической дѣйствительности, весьма далекой отъ однообразной простоты и несложности отношеній чисто феодальнаго типа, и поэтому была вполнѣ реальной программой, формулировавшей интересы всѣхъ слоевъ общества, какъ общіе всѣмъ имъ, такъ и спеціально близкіе для каждаго изъ нихъ въ отдѣльности; благодаря этому она могла стать вполнѣ реальной общественной силой, могла объединить вокругъ барововъ подъ общимъ знаменемъ всѣ элементы англійскаго общества и обезпечить имъ побѣду.

Поднимая движеніе, бароны, несомнѣнно, имѣли въ виду прежде всего свои собственные, феодальные интересы. Они не только стремились оградить эти интересы отъ насилій и произвола со стороны королевской власти, но и имѣли, какъ это мы видѣли, разсматривая 12 и 14 параграфы Хартіи, а также §§ 34 и 39, вполнѣ опредѣленную цѣль ввести эту власть въ чисто феодальныя рамки, въ которыя она до сихъ поръ никогда не была заключена, господствуя надъ феодальнымъ порядкомъ, поскольку онъ былъ неизбѣженъ на данной ступени хозяйственнаго и общаго культурнаго развитія, и вполнѣ подчиняя его своимъ общегосударственымъ задачамъ. Этимъ бароны, несомнѣнно, дѣлали крупный шагъ назадъ отъ той государственности, которая сложилась въ Англіи, укрѣпилась и развилась съ нормандскаго завоеванія. Тотъ способъ, какимъ они считали возможнымъ разрѣшить самый больной вопросъ, затрогивавшій самые насущные интересы всѣхъ слоевъ англійскаго общества, вопросъ о субсидіяхъ королю, является въ этомъ отношеніи особенно характер-

нымъ. Широкій государственный союзъ, съ сильной центральной властью и цѣлой системой центральныхъ и областныхъ учрежденій, какой представляла собою Англія послѣ нормандскаго завоеванія и послѣ реформъ Генриха II, они трактуютъ какъ чисто феодальное, договорное соединеніе вассаловъ и ихъ сюзерена—короля. Вопросы обложенія, это—прежде всего ихъ вопросы, и разрѣшаться они должны на ихъ общемъ собраніи, на феодальномъ сеймѣ вассаловъ короля. Бароны здѣсь не только игнорировали общее взаимоотношеніе общественныхъ и политическихъ силъ, какъ оно сложилось послѣ нормандскаго завоеванія, но не хотѣли считаться и съ формами мѣстной ихъ организаціи, унаслѣдованными нормандскими королями отъ англо-саксонской эпохи и составлявшими органически связанные съ цѣлымъ элементы общегосударственной организаціи англійскаго общества.

Въ графствахъ и ихъ „народныхъ собраніяхъ“ объединялись на совершенно нефеодальныхъ началахъ самые разнообразные элементы общества во имя не только своихъ мѣстныхъ, но и общегосударственныхъ интересовъ, въ широкихъ размѣрахъ примѣняя выборное начало какъ въ судебномъ дѣлѣ (въ особенности съ реформъ Генриха II-го), такъ и въ другихъ областяхъ и, въ частности, въ вопросахъ обложенія. Королямъ приходилось очень считаться съ этими мѣстными организаціями въ финансовыхъ вопросахъ. Чтобы получить съ населенія ту или иную сумму, для короля недостаточно было добровольнаго или вынужденнаго согласія Великаго Совѣта. Ему нужно было еще и согласіе мѣстнаго населенія, и въ виду этого короли посылали въ графства разъѣздныхъ судей не только для чисто судебныхъ цѣлей, но и съ чисто фискальными порученіями: они должны были договариваться съ мѣстнымъ населеніемъ въ лицѣ его выборныхъ, избранныхъ въ собраніи графства, относительно той или иной суммы, которую король хотѣлъ получить съ него въ томъ или въ иномъ случаѣ. Выборные производили и раскладку и сборъ налога.

Такой порядокъ обращенія къ мѣстнымъ организаціямъ ста-

новился все болѣе и болѣе обычнымъ по мѣрѣ развитія обложенія движимости. И, между тѣмъ, поднявшіе движеніе 1215-го года бароны рѣшительно игнорировали эту практику англійской государственности, совершенно не желая считаться въ этомъ отношеніи съ живымъ и жизненнымъ организмомъ всесословнаго графства и центръ тяжести политической жизни перенося на чисто феодальный и, въ условіяхъ англійскаго политическаго развитія, совершенно, слѣдовательно, нежизнеспособный институтъ, создавая въ „Общемъ совѣтѣ королевства“ (commune consilium regni) собраніе лишь однихъ непосредственныхъ вассаловъ короля и отстраняя такимъ образомъ отъ политической жизни народъ и народныя учрежденія.

А между тѣмъ, въ тѣхъ условіяхъ, которыя были созданы всей предшествующей исторіей Англіи, правильно и нормально поставленная центральная организація королевства, способная отражать все развивавшіеся и осложнявшіеся интересы общества, непремѣнно должна была отправляться отъ этихъ мѣстныхъ нефеодальныхъ организацій, рискуя въ противномъ случаѣ оказаться совершенно безпочвенной и эфемерной. „Общій совѣтъ королевства“ (Commune consilium regni) въ той постановкѣ, какую даетъ ему Великая Хартія, и оказался совершенно эфемернымъ продуктомъ политическаго творчества бароновъ, поднявшихъ движеніе 1215 г.

При всемъ реализмѣ и трезвости пониманія окружающихъ условій бароны были прежде всего феодалами и, вступая въ соглашеніе съ другими элементами общества, они прежде всего имѣли въ виду свои собственные сословные интересы, которые и выдвинули на первый планъ. Они не хотѣли признать, что при всемъ могуществѣ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ представителей ихъ сословія, какъ цѣлое, какъ соціальная группа и какъ политическая сила, они далеко не были всѣмъ въ англійскомъ обществѣ и въ англійскомъ государствѣ (какъ это могли бы сказать о себѣ французскіе феодалы эпохи первыхъ Капетинговъ, безраздѣльно господствовавшіе надъ массой, давно утратившей свою общенародную организацію, раздробленной на мелкія группы, всецѣло

попавшей въ узкія рамки чисто феодальной государственности), что рядомъ съ ними стоявшая масса была политически организованнымъ цѣлымъ, вмѣщалась въ широкія рамки общегосударственной организаціи, которой были подчинены и они сами, и что эта организація давала ей силу, съ которой должна была считаться всякая политическая комбинація.

Нельзя сказать, чтобы бароны вовсе не считались съ ней. Мы видѣли, что они должны были принимать во вниманіе интересы составлявшихъ ее группъ, желая привлечь ихъ на свою сторону въ начатой ими борьбѣ съ королемъ. Но въ то же время они совершенно оттѣснили народную массу отъ политической жизни, дѣлая эту послѣднюю исключительно своей монополіей. Это была попытка повернуть исторически опредѣлившееся политическое развитіе Англіи въ другую сторону, попытка вполнѣ утопическая, осужденная на полную неудачу. Англійскому обществу уже было тѣсно въ рамкахъ той почти деспотической государственности, которая была создана всѣмъ ходомъ предшествующаго развитія, и ограниченіе королевской власти было уже лишь вопросомъ времени. Но ограниченіе это могло совершиться совсѣмъ инымъ путемъ, который, въ сущности, былъ намѣченъ всѣмъ ходомъ политическаго развитія Англіи: на широкой національной основѣ утвердившаяся государственная власть могла быть ограничена всей націей, а не одной лишь изъ ея составныхъ частей. Къ концу XIII столѣтія это уже стало совершившимся фактомъ, при чемъ ограниченіе это отправлялось какъ разъ отъ мѣстныхъ всесословныхъ организацій, такъ рѣшительно игнорируемыхъ иниціаторами и руководителями движенія 1215-го года.

Такимъ образомъ, поскольку бароны игнорировали мѣстныя организаціи и пытались построить ограничивающее королевскій произволъ учрежденіе (commune consilium regni) на чисто феодальныхъ началахъ, успѣхъ поднятаго ими движенія былъ эфемеренъ. Но, поскольку они считались съ реальными интересами всего англійскаго общества и его отдѣльныхъ элементовъ, ихъ дѣло было національнымъ, и Ве-

ликая Хартія являлась конституціонной грамотой, далеко выходящей за предѣлы феодальныхъ формъ и идей. Давая ясную юридическую формулировку отношеніямъ, уже выработанным или болѣе или менѣе намѣченнымъ всѣмъ своеобразным ходомъ англійской политической жизни, Великая Хартія являлась важнымъ и вполнѣ реальнымъ факторомъ дальнѣйшаго развитія въ качествѣ вполнѣ реальной программы, замѣнявшей неопредѣленныя, туманныя мечты о законахъ короля Эдуарда вполнѣ осязательнымъ и яснымъ юридическимъ документомъ, отчетливо формулировавшимъ права общества и его отдѣльныхъ группъ и обязательства короля и создавшимъ прочный юридическій базисъ для дальнѣйшей борьбы за политическую свободу. Великая Хартія стала знаменемъ, объединявшимъ англичанъ въ критическіе моменты ихъ исторіи, когда имъ приходилось разрѣшать коренные вопросы, которые постепенно выдвигала въ своемъ развитіи ихъ политическая жизнь. Неудивительно, что въ связи съ этимъ и основные, по существу весьма конкретные, параграфы Хартіи получали все болѣе и болѣе широкое истолкованіе и превращались чуть ли не въ отвлеченныя формулы широкихъ принциповъ гражданской и политической свободы.

Для дѣятелей 1215 года статьи Великой Хартіи, и даже самыя знаменитыя изъ нихъ, не имѣли такого широкаго принципіальнаго смысла. Поднимаясь противъ Іоанна Безземельнаго, бароны думали прежде всего объ избавленіи себя отъ опредѣленныхъ золъ, связанныхъ съ опредѣленными злоупотребленіями и насиліями съ его стороны, и хотѣли поставить его власти чисто феодальныя рамки, въ границахъ которыхъ ему трудно было бы нарушать ихъ права. Вводя королевскую власть въ чисто феодальныя рамки, они не останавливались передъ явнымъ посягательствомъ на государственный порядокъ, какъ онъ сложился и развился въ связи съ нормандскимъ завоеваніемъ и реформами Генриха II, и это даетъ намъ право признать Великую Хартію документомъ болѣе феодальнымъ, чѣмъ та политическая дѣятельность, съ которой она имѣла дѣло. Но въ то же время

для успѣха своего дѣла бароны должны были принять во вниманіе и столь же опредѣленные и конкретные интересы и другихъ общественныхъ группъ, въ не меньшей мѣрѣ страдавшіе отъ злоупотребленій и насилій со стороны короля, и для этого обезпечить правильное функціонированіе органовъ того широкаго государственнаго порядка, съ которымъ сами бароны не были склонны считаться. Являясь по своимъ тенденціямъ слишкомъ феодальнымъ для Англіи нормандскихъ и анжуйскихъ королей документомъ, Великая Хартія не можетъ, слѣдовательно, быть признана и чисто феодальнымъ документомъ, поскольку не можетъ быть признанъ чисто феодальнымъ тотъ государственный строй, съ которымъ бароны волей-неволей должны были считаться.

Въ какой мѣрѣ были проникнуты феодальными тенденціями руководители движенія 1215 года, мы уже видѣли. Укажемъ еще на то, что и то средство, съ помощью котораго бароны считали возможнымъ обезпечить неприкосновенность формулированныхъ въ Великой Хартіи правъ, еще болѣе подчеркиваетъ ихъ феодальное пониманіе государственныхъ отношеній. Мы имѣемъ въ виду комитетъ изъ двадцати пяти бароновъ, на обязанности котораго было наблюдать за неприкосновенностью заключеннаго баронами съ королемъ мирнаго договора и, въ случаѣ нарушенія королемъ или его агентами какого-либо изъ параграфовъ Великой Хартіи, даже поднимать противъ него „общину всей земли (communam tocius terre)“.

Несомнѣнно, это очень внушительная гарантія. Но можно ли признать ее нормальнымъ средствомъ и при томъ вполнѣ соотвѣтствующимъ общему характеру политическаго строя Англіи той поры? Вѣдь это—чисто феодальная гарантія, вполнѣ подходящая къ чисто феодальному обществу и государству, представляющему собою, строго говоря, федерацію отдѣльныхъ политическихъ тѣлъ, разрѣшающихъ свои, въ сущности, международныя осложненія, какъ и теперь, съ помощью международной войны, но едва ли умѣстная въ сплоченномъ централизованномъ государствѣ съ широко

поставленными учрежденіями и съ обширными правительственными средствами, какимъ была Англія XIII-го столѣтія. Для такого государства это было чисто революціонное средство, вполнѣ умѣстное въ моменты кризиса, способное вывести общество и государство изъ не поддающагося никакимъ инымъ средствамъ политическаго затрудненія на путь нормальнаго развитія, но едва ли пригодное въ нормальныхъ условіяхъ, въ мирное, такъ сказать, время. Чтобы обезпечить неприкосновенность Великой Хартіи и формулированныхъ ею правъ, англійское общество должно было создать иную гарантію, болѣе соотвѣтствующую его политическому строю и потому болѣе способную охранять и упрочивать санкціонированный Великой Хартіей правовой порядокъ. Сама Великая Хартія не разрѣшила этой задачи, но зато сдѣлала ея разрѣшеніе еще болѣе необходимымъ.

Внимательное изученіе Великой Хартіи въ тѣсной связи съ современной и предшествующей ей исторической дѣйствительностью разсѣеваетъ тѣ иллюзіи, какія создала вокругъ нея позднѣйшая исторія и историческая и юридическая мысль. Намъ видѣе теперь тѣ реальные интересы и реальные мотивы, которыми руководились дѣятели 1215 года, для насъ яснѣе реальный смыслъ параграфовъ Великой Хартіи. Великая Хартія—строго дѣловой документъ, занятый точной формулировкой вполнѣ конкретныхъ по своему содержанію положеній. Декларацій общихъ принциповъ мы напрасно стали бы искать въ ней.

И тѣмъ не менѣе Великая Хартія имѣетъ огромное принципіальное значеніе. Но его надо искать не въ содержаніи Хартіи. Великая Хартія есть мирный договоръ, заключенный королемъ съ баронами послѣ побѣды, одержанной надъ нимъ баронами совмѣстно съ другими элементами англійскаго общества. До тѣхъ поръ королевская власть безраздѣльно господствовала надъ англійскимъ обществомъ, и тотъ правовой строй и гражданскій порядокъ, который существовалъ въ немъ, свою высшую санкцію находилъ въ ней, въ ея соизволеніи, поскольку она видѣла въ немъ необходимое условіе

своей собственной силы. Одержавъ побѣду надъ королемъ, бароны заставили его торжественно признать юридически незыблемыми и ихъ собственныя права и тотъ гражданскій порядокъ, который охранялъ права и интересы всѣхъ свободныхъ людей англійскаго королевства, и узаконить протестъ „общины всей земли“ противъ ихъ нарушенія имъ или его чиновниками. Англія переходила въ новый фазисъ политическаго существованія, рѣшительно порывала съ традиціями „варварской“ государственности, съ характерными для этой послѣдней частно-правовыми и частно-хозяйственными, рѣзко фискальными тенденціями стоящей *надъ* государствомъ королевской власти, и становилась правовымъ государствомъ. Правда, это былъ лишь первый шагъ, но шагъ рѣшительный и безповоротный, за которымъ послѣдовали другіе по тому же пути, приведшему къ реорганизаціи государственнаго строя на началахъ народнаго представительства.

Конституціонная борьба въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ тринадцатаго вѣка.

I.

Явившись результатомъ побѣды общества надъ королевской властью, Великая Хартія Вольностей представляетъ собою настоящій мирный договоръ между воевавшими сторонами. Если до сихъ поръ безраздѣльно и безъ всякихъ ограниченій господствовавшая надъ обществомъ королевская власть находила нужнымъ лишь постольку считаться съ правами и интересами какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и общественныхъ группъ, поскольку это гармонировало съ ея собственными интересами, какъ особой соціальной силы, благодаря своей организованности преобладавшей надъ остальными элементами общества и имѣвшей возможность заставить ихъ служить себѣ, то теперь на нее было наложено обязательство подъ страхомъ вполнѣ правомѣрнаго вооруженнаго отпора со стороны „общины всей земли“ уважать права и вольности всѣхъ и каждаго изъ свободныхъ людей англійскаго королевства, отчетливо формулированныя въ видѣ ясныхъ и никакимъ кривымъ толкованіямъ не поддающихся параграфовъ юридическаго документа, торжественно скрѣпленнаго клятвами и подписями договаривавшихся сторонъ. Царству произвола шло на смѣну царство права и закона.

Если поставить вопросъ, въ какой мѣрѣ Великая Хартія Вольностей обезпечивала неприкосновенность юридически формулированныхъ ею вольностей и правъ англійскаго народа, то придется отвѣтить на него слѣдующимъ образомъ.

Для того, чтобы королевская власть дѣйствительно была введена въ рамки, принципіально отмежеванныя ей Великой Хартіей, и разъ навсегда была лишена фактической возможности выходить за ихъ предѣлы, англійское общество должно было организовать регулярно функціонирующую силу, которая являлась бы въ той или иной мѣрѣ равнодѣйствующей силъ основныхъ его элементовъ и выраженіемъ ихъ политической солидарности и представляла бы собою неотъемлемую часть правительственнаго механизма. Нельзя сказать, чтобы Великая Хартія не предусматривала необходимости такой организованной силы. Параграфъ 61-й какъ разъ и занятъ этимъ вопросомъ: обязанность наблюдать за неприкосновенностью правъ и вольностей англійскаго народа, „пожалованныхъ“ королемъ въ Великой Хартіи, онъ возлагаетъ на комитетъ двадцати пяти, который бароны выберутъ изъ своей среды и который получаетъ право, въ случаѣ нарушенія королемъ или его агентами какого-либо изъ параграфовъ Великой Хартіи и нежеланія въ теченіе сорока дней возстановить по требованію четырехъ изъ комитета двадцати пяти нарушенное право, поднимать противъ короля „общину всей земли“ и съ помощью этой вооруженной силы заставить его исполнить требуемое; причемъ всѣ обязаны принести двадцати пяти баронамъ присягу, что будутъ повиноваться имъ въ такихъ случаяхъ, а бароны эти съ своей стороны должны присягнуть, что будутъ вѣрны своему долгу.

Какъ ни внушительна на первый взглядъ эта гарантія признанныхъ королемъ правъ, но въ ней есть одна особенность, осуждавшая ее на безсиліе въ той политической обстановкѣ, въ которой ей предстояло проявлять свою силу. Для сплоченнаго въ единое политическое цѣлое англійскаго общества, для обширнаго централизованнаго государства, какимъ была Англія уже съ нормандскаго завоеванія, было мало пригодно такое чисто феодальное средство, какъ вооруженное возстаніе, вполнѣ подходившее къ чисто феодальному обществу и государству, представляющему собою, строго говоря, союзъ (федерацію) отдѣльныхъ политическихъ тѣлъ, разрѣшающій

свои по существу международныя осложненія обычнымъ въ такихъ случаяхъ путемъ—войною. Для тогдашней Англіи оно было вполнѣ понятно какъ экстренная мѣра, необходимая въ виду экстренной цѣли, которая была поставлена передъ англійскимъ обществомъ всѣмъ ходомъ его исторіи,—выйти изъ тисковъ деспотическаго режима на широкій путь свободнаго развитія своихъ силъ и свободнаго политическаго творчества, но ужъ вовсе не какъ способъ обезпеченія правового порядка въ обычное, мирное время. Руководившіе движеніемъ бароны оказались въ этомъ случаѣ неспособными стать на болѣе широкую, не-феодальную точку зрѣнія. Взявъ на время судьбы государства въ собственныя руки, они, при всемъ своемъ пониманіи потребностей широкихъ круговъ англійскаго общества, все-таки представляли себѣ идеальный политическій строй въ феодальныхъ терминахъ, и, благодаря этому, предложенныя ими средства политической реформы не могли быть вполнѣ удовлетворительны.

Заложивъ въ Англіи основы правового порядка, который долженъ былъ смѣнить безраздѣльно господствовавшую систему правительственнаго произвола, Великая Хартія не создала вполнѣ удовлетворительныхъ техническихъ средствъ, которыя бы гарантировали проведеніе въ жизнь юридически поставленныхъ ею принциповъ и дѣлали невозможнымъ возвращеніе къ старому порядку. Великая Хартія явилась лишь первымъ—и чрезвычайно важнымъ—шагомъ англійскаго общества по пути къ свободѣ. Она юридически формулировала выдвинутую жизнью задачу и тѣмъ создала почву для правомѣрной борьбы и дала въ руки обществу широкую и опредѣленную программу, способную объединить самые различные общественные элементы въ ихъ стремленіи къ свободѣ, въ какія бы конкретныя историческія формы ни облекалась эта послѣдняя въ каждый данный историческій моментъ.

II.

Таковы были политическіе результаты общественнаго движенія начала тринадцатаго вѣка, и уже они одни могли бы обезпечить этому столѣтію почетное мѣсто въ исторіи политическаго развитія Англіи. Но это былъ только первый крупный шагъ, сдѣланный англійскимъ обществомъ въ тринадцатомъ вѣкѣ на пути къ политическому освобожденію. За нимъ послѣдовали и дальнѣйшіе шаги, и къ концу столѣтія неразрѣшенная Великой Хартіей задача была въ основѣ рѣшена и Англія окончательно перешла къ конституціонному режиму.

Намъ бы хотѣлось представить въ возможно краткомъ очеркѣ тотъ сложный и болѣзненный процессъ, который пришлось пережить англійскому обществу для того, чтобы перейти къ этому режиму. Это была эпоха ожесточенной и нерѣдко кровавой борьбы, то глухой, то вполнѣ открытой, какъ между обществомъ и правящей кликой, такъ и между разными группами самого общества, борьбы тѣмъ болѣе знаменательной, что она не велась просто на почвѣ ничѣмъ неприкрытыхъ интересовъ, но освѣщалась опредѣленно формулированными политическими принципами, свидѣтельствующими о томъ, что политическое сознаніе широкихъ круговъ англійскаго общества сдѣлало къ этому времени очень серьезные успѣхи и что правительственному произволу и насилію нельзя уже было опираться на политическую неразвитость и политическое суевѣріе общества и волей-неволей приходилось склоняться передъ общественными требованіями. Эта эпоха борьбы была вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохой конституціонныхъ опытовъ. Каждая изъ борющихся сторонъ старалась въ моментъ своего торжества провести въ жизнь свое пониманіе основной политической задачи времени и создать такую политическую форму, которая бы обезпечила торжество ея интересовъ и идеаловъ. Жизнь не медлила произносить свой приговоръ надъ этими продуктами политическаго творчества, воздавая каждому по заслугамъ, по его

соотвѣтствію реальному взаимоотношенію общественныхъ силъ, какъ оно сложилось въ Англіи съ давнихъ поръ, пока наконецъ не восторжествовала та форма, которая болѣе всего отражала на себѣ это взаимоотношеніе и являлась органическимъ продуктомъ всей предшествующей исторіи.

Іоаннъ Безземельный подписалъ Великую Хартію, лишь уступая силѣ. Для него это былъ единственный выходъ изъ созданнаго имъ положенія; онъ принужденъ былъ имъ воспользоваться, но вовсе не считалъ себя при этомъ связаннымъ взятыми на себя обязательствами и, какъ только гроза миновала, не теряя времени, сталъ принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы уничтожить результаты побѣды, одержанной надъ нимъ вооруженной коалиціей его подданныхъ, впервые дружно выступившихъ противъ своего общаго врага въ защиту права и закона. Сторону короля принялъ его сюзеренъ, папа Иннокентій III, и прислалъ въ Англію буллу. Въ ней онъ объявилъ несправедливымъ, противозаконнымъ и позорнымъ то дѣло, во главѣ котораго стояли бароны, а самихъ барововъ отлученными отъ церкви и въ силу данной ему Богомъ власти освобождалъ Іоанна отъ торжественно данной имъ клятвы добросовѣстно и безъ всякаго злого умысла соблюдать статьи Великой Хартіи, а въ заключеніе признавалъ Хартію неимѣющей силы и какъ бы несуществующей. Были вызваны королемъ съ континента наемные отряды, и опять началась война.

Мы не будемъ слѣдить за ея перипетіями. Кончилась она благодаря внезапной смерти Іоанна Безземельнаго. На престолъ вступилъ его малолѣтній сынъ Генрихъ, было учреждено регентство и немедленно же была вновь издана Великая Хартія Вольностей. Чрезвычайно характерно, что стоявшіе теперь у власти бароны не сочли нужнымъ связывать себя 12-мъ и 14-мъ параграфами Хартіи, требующими созыва всѣхъ прямыхъ вассаловъ короля для разрѣшенія экстренныхъ налоговъ съ нихъ (выходящихъ за предѣлы трехъ феодальныхъ случаевъ), и параграфы эти, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, были выпущены въ этомъ новомъ изданіи

Великой Хартіи. На сравнительно долгое время борьба затихла, но, какъ оказалось, лишь для того, чтобы возобновиться съ новой силой, какъ только король, объявивъ себя совершеннолѣтнимъ и сбросивъ стѣснявшія его путы докучливой опеки, сталъ править самостоятельно, совершенно не считаясь съ тѣми границами, какія ставилъ ему законъ, а руководствуясь лишь собственными интересами и совѣтами тѣхъ, чьи интересы совпадали съ его собственными.

Передъ англійскимъ обществомъ онять сталъ во всемъ своемъ жизненномъ значеніи тотъ же вопросъ, который оно рѣшало при Іоаннѣ Безземельномъ, но рѣшило въ сущности только теоретически вопросъ о томъ, стать ли Англіи правовымъ государствомъ или же по прежнему быть ареной неограниченнаго произвола короля и его администраціи. Съ нимъ жизнь тѣсно связала другой, едва ли менѣе важный вопросъ, еще болѣе обострившій общественную борьбу. Разъ абсолютизму суждено было уступить мѣсто иному, болѣе совершенному государственному порядку, то каковъ долженъ былъ быть этотъ новый порядокъ, кому должна была принадлежать въ немъ руководящая роль, тѣсной ли группѣ самыхъ могущественныхъ феодаловъ или же болѣе широкимъ общественнымъ кругамъ, представителямъ интересовъ по возможности всей націи, по крайней мѣрѣ ея свободныхъ элементовъ? Вокругъ этихъ двухъ основныхъ вопросовъ и сосредоточивается политическая борьба эпохи Генриха III, при свѣтѣ ихъ и получаютъ смыслъ нерѣдко крайне запутанныя событія, наполняющія вторую половину продолжительнаго царствованія этого короля (1216—1272 г.).

Великую Хартію англійское общество добыло дружными усиліями своихъ свободныхъ элементовъ, забывшихъ на время свою сословную и классовую рознь и сплотившихся въ проникнутое однимъ чувствомъ и одной мыслью „воинство Божье и святой церкви“. Нужны были исключительно тяжелыя условія, чтобы вызвать такое единство чувствъ и дѣйствій среди англійскаго общества, нужна была вся совокупность внутреннихъ и внѣшнихъ осложненій, созданныхъ рѣзко про-

тивообщественной и грубо деспотической политикой Іоанна Безземельнаго, его крайне безславной чисто династической войной съ Франціей, завершившейся разгромомъ при Бувинѣ и потерей континентальныхъ владѣній, его едва ли менѣе позорной борьбой съ церковью, безграничными вымогательствами и совершенно ни передъ чѣмъ не останавливавшимся издѣвательствомъ надъ правомъ и закономъ. Безъ этихъ условій, дѣлавшихъ безмѣрно тяжелымъ существованіе каждаго англичанина начала XIII столѣтія, къ какому бы сословію или классу онъ ни принадлежалъ, англійское общество едва ли бы было способно сдѣлать крупный шагъ къ ограниченію королевской власти и къ утвержденію въ странѣ правового порядка, потому что сословная рознь была еще очень сильна въ немъ, какъ ни тяжела была для всѣхъ сословій та школа фискальнаго и всякаго иного деспотизма, которую имъ пришлось сообща проходить въ теченіе полутора столѣтій и которая развивала въ нихъ чувство солидарности и общественное сознаніе. Столь же исключительныя условія необходимы были и для того, чтобы англійское общество могло дать совмѣстный отпоръ правительственному произволу, воспрянувшему съ новой силой при Генрихѣ III, съ момента его совершеннолѣтія.

Самостоятельное правленіе Генриха III означало для Англіи до тѣхъ поръ безпримѣрное здѣсь господство какъ въ свѣтской, такъ и въ духовной администраціи, высшей и низшей, иностранныхъ авантюристовъ, которыхъ привезли съ собой, главнымъ образомъ изъ Франціи, многочисленные родственники короля и королевы, привлеченные къ англійскому двору также перспективой обогащенія и политическаго вліянія, и прислалъ папа для замѣщенія церковныхъ должностей, а также—и это было едва ли не большее еще зло—совершенно беззастѣнчивое хозяйничанье въ странѣ римскаго первосвященника, видѣвшаго въ Англіи лишь свое богатое помѣстье и безъ всякаго стѣсненія облагавшаго какъ англійское духовенство, такъ и міранъ самыми разнообразными и всякую мѣру превышавшими налогами и вовлекавшаго своего

послушнаго вассала, короля, въ самыя рискованныя и крайне губительныя для національныхъ интересовъ Англіи международныя авантюры. Какъ сами королевскіе родственники, такъ и ихъ клевреты—мало того, что захватили въ свои загребущія руки всѣ самыя высокія и самыя доходныя мѣста, вытѣснивъ оттуда природныхъ англичанъ, но при этомъ совершенно не желали считаться съ писанными и неписанными законами страны, вполнѣ откровенно и открыто заявляя, что въ Англіи единственный источникъ права и закона—воля и власть короля. Окруживъ себя подобными совѣтниками и предоставивъ такимъ людямъ власть и вліяніе въ самыхъ различныхъ областяхъ центральнаго и мѣстнаго управленія, Генрихъ III подвергалъ, слѣдовательно, величайшей опасности все то, что давала англійскому обществу Великая Хартія. Англія очутилась какъ бы подъ игомъ завоевателей. Ея національному достоинству была нанесена глубочайшая обида, которую одинаково болѣзненно чувствовали всѣ сословія и классы общества.

Оскорбленное національное чувство и явилось той связью, которая опять соединила разрозненные элементы англійскаго общества въ защитѣ попраннаго права и опять сдѣлала для нихъ возможной побѣду надъ королевской властью и попытку ввести ее въ болѣе опредѣленныя ограничительныя рамки. Какъ и передъ 1215 годомъ, подняли движеніе и стали во главѣ его бароны, имѣя на своей сторонѣ полное и горячее сочувствіе всего народа. Ихъ первый рѣшительный шагъ относится къ 1246 году. Въ этомъ году папа Иннокентій IV потребовалъ съ англійской церкви огромную сумму денегъ. Это уже былъ не первый случай подобнаго рода. Чаша терпѣнія переполнилась и бароны, собравшіеся въ Лондонѣ (куда они были приглашены королемъ въ качествѣ членовъ Великаго Совѣта, или, какъ къ этому времени уже стали говорить, парламента), составили и послали папѣ письмо, въ которомъ нарисовали яркую картину бѣдствій, терпимыхъ отъ папскаго престола англійскою церковью и народомъ. Въ письмѣ говорилось о ежегодно взимающихся

папой съ англійской церкви денежныхъ суммахъ, на которыя онъ не имѣетъ никакого права, о захватѣ имъ принадлежащаго баронамъ права представленія кандидатовъ на приходы и о самовольномъ замѣщеніи этихъ приходовъ итальянцами, не знающими англійскаго языка, на душевную погибель прихожанамъ и опустошеніе королевства, о ложащихся тяжкимъ бременемъ на церковь папскихъ пенсіяхъ и провизіяхъ, о налогахъ, которые безъ королевскаго разрѣшенія взимаетъ со всей страны римскій первосвященникъ, отправляя для этого въ Англію своихъ ненавистныхъ народу посланцевъ. „Если эти бѣдствія не будутъ какъ можно скорѣе исправлены вами“, заявляли въ заключеніе бароны, „есть много основаній опасаться, что и церкви римской, и королю будетъ грозить такая бѣда, что не легко будетъ помочь имъ“.

Письмо это не произвело на папу никакого впечатлѣнія и вовсе не измѣнило его англійской политики. Онъ попрежнему продолжалъ эксплоатировать національное богатство Англіи для осуществленія своихъ совершенно чуждыхъ ея интересамъ цѣлей и попрежнему встрѣчалъ полную поддержку со стороны Генриха III, совершенно неспособнаго идти наперекоръ требованіямъ своего сюзерена и къ тому же прекрасно понимавшаго, что добрыя отношенія съ папой небезвыгодны и ему самому, что съ разрѣшенія и при поддержкѣ папы онъ самъ можетъ эксплоатировать англійскую церковь и народъ, угнетая ихъ безконечными поборами и вымогательствами въ противность Великой Хартіи и другимъ грамотамъ, изданнымъ въ защиту вольностей церкви и народа.

Въ 1254 году Иннокентій IV предложилъ Генриху для его младшаго сына Эдмунда корону Обѣихъ Сицилій. Корона эта еще находилась въ рукахъ Гогенштауфеновъ, съ которыми папскій престолъ велъ упорную и безпощадную борьбу. Предложенную корону еще нужно было завоевать, и папа бралъ на себя это дѣло; для осуществленія же его нужны были деньги, которыя и обязывался уплатить, подъ

страхомъ конфискаціи своего королевства, англійскій король, разъ онъ принималъ папское предложеніе. Генрихъ согласился на эту сдѣлку и обязался уплатить папѣ огромную по тому времени сумму въ 140.000 марокъ (марка равнялась $13^1/_3$ шилл.). Ни духовные, ни свѣтскіе магнаты королевства, которыхъ обыкновенно созывали въ такихъ важныхъ случаяхъ въ Великій Совѣтъ, на этотъ разъ не только не были созваны, но даже и вовсе не были освѣдомлены о заключенномъ королемъ договорѣ съ папой. Англійское общество и не подозрѣвало, какой ему готовится сюрпризъ. Каково же было изумленіе и негодованіе созваннаго въ 1257 году въ Лондонѣ Великаго Совѣта, когда король представилъ ему поваго [сицилійскаго короля въ англійскомъ костюмѣ, объявилъ о заключенной сдѣлкѣ и объ ея условіяхъ, прибавивъ при этомъ, что предложенную его сыну сицилійскую корону онъ принялъ съ согласія англійской церкви, и въ заключеніе потребовалъ для уплаты папѣ десятую часть всѣхъ церковныхъ доходовъ, доходъ со всѣхъ вакантныхъ бенефицій въ теченіе пяти лѣтъ и доходы еще изъ нѣсколькихъ другихъ источниковъ. Какъ ни возмущены были духовные магнаты, немедленно же заявившіе, что они въ первый разъ слышатъ объ этомъ договорѣ короля съ папой, но у нихъ не хватило мужества отвѣтить на требованіе короля рѣшительнымъ отказомъ и они предложили королю 52.000 марокъ, но вмѣсто благодарности услышали отъ него выраженіе его крайняго неудовольствія.

Весь этотъ эпизодъ произвелъ на англійское духовенство крайне удручающее впечатлѣніе. Оно рѣшилось, наконецъ, на открытый коллективный протестъ и, собравшись на свой церковный парламентъ (конвокацію) въ Кентербери, составило здѣсь и отправило королю петицію изъ пятидесяти пунктовъ, въ которой подробно указывало на всѣ притѣсненія и обиды и опредѣленно требовало реформъ. Настроеніе какъ среди духовенства, такъ и среди мірянъ становилось все напряженнѣе.

Но король оставался глухъ ко всему и въ слѣдующемъ

году опять созвалъ въ Лондонѣ Великій Совѣтъ (или, по утвердившейся уже тогда терминологіи, парламентъ, parliamentum) и опять потребовалъ денегъ для уплаты папѣ, еще неуплаченныхъ по обязательству, въ размѣрѣ третьей части всей собственности въ странѣ. У всѣхъ присутствовавшихъ въ собраніи даже въ ушахъ зазвенѣло, говоритъ современный хроникеръ, когда они это услышали. Сдерживавшееся до тѣхъ поръ общественное негодованіе прорвалось бурнымъ потокомъ. Бароны рѣшительно заявили, что они больше не могутъ тратить свои скудныя средства, и на короля посыпался градъ негодующихъ заявленій. Ему указывали на то, что благодаря своему безумію онъ, въ противность разуму и достоинству, не посовѣтовавшись съ знатью, согласился принять предложенную папой сицилійскую корону и тѣмъ открылъ широкій путь папскимъ вымогательствамъ. Его упрекали въ томъ, что онъ не соблюдалъ обѣщаній, которыя давалъ церкви, и нарушалъ грамоты, которыя столько разъ давалъ за деньги, что въ противность законамъ и обычаямъ королевства онъ предоставилъ своимъ своднымъ братьямъ, иноземцамъ, самыя вліятельныя мѣста въ управленіи и не позволялъ своей канцеляріи издавать противъ нихъ никакихъ приказовъ, хотя ихъ наглость и злоупотребленія, какія позволяли себѣ ихъ подручные, всѣмъ извѣстны. Обращаясь къ собранію, Симонъ де-Монфоръ графъ Лестерскій указывалъ на наглое поведеніе иностранцевъ, обогащенныхъ королемъ на счетъ его собственныхъ подданныхъ и доведшихъ страну почти до гибели, до того, что власть короля уже безсильна и не имѣетъ средствъ принуждать къ исполненію законовъ и отражать внѣшнихъ враговъ, и требовалъ надъ ними немедленнаго суда. Исключительно дурное управленіе короля требуетъ и мѣръ исключительныхъ,—такъ резюмировало собраніе свои бурные дебаты и рѣшительно отказалось давать требуемыя королемъ для уплаты папѣ деньги. Папскій посланецъ сталъ было грозить королю и магнатамъ отлученіемъ отъ церкви, заявляя, что король обязался и за нихъ, и за ихъ земли, но

собраніе единодушно дало ему негодующій отвѣтъ, что всѣ они—свободные люди и не во власти короля связывать ихъ такими обязательствами.

Но на этомъ бароны не остановились. Черезъ нѣсколько дней (30 апрѣля 1258 года) они явились къ королю, чтобы предъявить ему свои рѣшительныя требованія. „Въ условленный день, когда приближался третій часъ“, разсказываетъ современный лѣтописецъ, „знатные и храбрые мужи, графы, бароны и рыцари, явились ко двору, т.-е. въ Уэстминстеръ, въ полныхъ воинскихъ доспѣхахъ и при шпагѣ; но при входѣ въ королевскій залъ они сняли свои мечи и положили ихъ на полъ и, явившись передъ королемъ, привѣтствовали его со всѣмъ слѣдуемымъ ему уваженіемъ“. При грозномъ зрѣлищѣ этихъ покрытыхъ кольчугами бароновъ короля охватилъ внезапный страхъ.—„Что это, господа“,—сказалъ онъ,—„я вашъ плѣнникъ?“—„Нѣтъ, спръ король“,—отвѣчалъ Рожеръ Биго,—„нѣтъ! Но необходимо, чтобы гнусные и нестерпимые выходцы изъ Пуату, равно какъ и всѣ другіе иностранцы, бѣжали изъ вашего и нашего присутствія. Вотъ въ чемъ нашъ секретъ, и всѣ мы открываемъ его вамъ въ интересахъ достоинства, чести и пользы вашей власти и всего вашего королевства. Дайте клятву во всемъ слѣдовать нашимъ совѣтамъ; это—лучшее средство и лучшее утѣшеніе, какое только вы можете найти“.—„А какъ же вы будете видѣть, что я желаю слѣдовать вашимъ совѣтамъ?“— спросилъ король. На это бароны отвѣчали: —„Поклянитесь, коснувшись святого Евангелія, вы и вашъ сынъ и наслѣдникъ Эдуардъ, что вы ничего не станете дѣлать безъ совѣта двадцати четырехъ мудрыхъ мужей, епископовъ, графовъ и бароновъ, избранныхъ нами, что вы никоимъ образомъ не вздумаете налагать на вашихъ подданныхъ невѣдомаго до сихъ поръ ярма, противнаго праву вашего королевства, и что вы немедленно передадите королевскую печать вѣрному человѣку, котораго вамъ назначатъ двадцать четыре“. Всѣ единодушно требовали реформъ и избранія комитета двадцати четырехъ для ихъ проведенія.

Королю оставалось только подчиниться. Черезъ два дня онъ издалъ прокламацію, въ которой обязывался еще до Рождества произвести требуемыя реформы, руководясь совѣтомъ достойныхъ и вѣрныхъ людей англійскаго королевства, а также совѣтомъ папскаго легата, если къ тому времени онъ окажется въ Англіи, и, подъ страхомъ церковной кары со стороны римскаго престола, крѣпко соблюдать всѣ постановленія, какія будутъ изданы для этого, и прибавлялъ, что его старшій сынъ и наслѣдникъ Эдуардъ далъ клятву признавать для себя обязательнымъ все вышеуказанное. Въ тотъ же день (2 мая) была издана королемъ и другая прокламація, которой онъ доводилъ до общаго свѣдѣнія, что онъ далъ вельможамъ и магнатамъ своего королевства и скрѣпилъ своей клятвой согласіе на то, чтобы были произведены въ королевствѣ реформы двѣнадцатью членами королевскаго совѣта, уже избранными для этого, и другими двѣнадцатью, которые будутъ избраны изъ среды магнатовъ, когда они соберутся въ Оксфордѣ черезъ мѣсяцъ послѣ Троицы, и обязывался нерушимо соблюдать все, что они постановятъ, отъ всѣхъ требуя такого же соблюденія; такую же клятву далъ, по словамъ короля, и принцъ Эдуардъ.

Парламентъ былъ распущенъ, и магнаты разъѣхались по домамъ, чтобы черезъ пять недѣль собраться въ Оксфордѣ и приступить къ осуществленію обѣщанныхъ королемъ реформъ. Эти пять недѣль были временемъ чрезвычайно оживленной дѣятельности и для свѣтскихъ, и для духовныхъ бароновъ. Никто не вѣрилъ искренности королевскихъ обѣщаній. Всѣ прекрасно понимали, что всѣ эти торжественныя заявленія короля, какъ устныя, такъ и письменныя, ни на одинъ шагъ не двинутъ дѣла реформы, разъ общество не выставитъ въ подкрѣпленіе своихъ требованій внушительной организованной силы, съ которой должны будутъ считаться всѣ тѣ, для кого господство ничѣмъ неограничиваемаго произвола являлось необходимымъ условіемъ власти и богатства. Нужно было создать такую силу, а также съ возможной полнотой и опредѣленностью формулировать свои тре-

бованія, чтобы явиться въ Оксфордъ не съ пустыми руками. Вожди бароновъ, графы Лестерскій (Симонъ де Монфоръ), Глостерскій и Герефордскій, и многіе другіе представители знати въ виду всякихъ возможныхъ неожиданностей со стороны короля и окружавшихъ его иностранныхъ авантюристовъ торжественно заключили другъ съ другомъ союзъ и мобилизовали своихъ вассаловъ. Была выработана и составлена петиція, которая должна была быть представлена королю въ Оксфордскомъ парламентѣ, и въ ней подробно были указаны всѣ злоупотребленія, съ которыми должна была покончить намѣченная комиссія реформъ. Духовенство съ своей стороны, собравшись на конвокацію въ Мертонѣ, составило резолюцію, въ которой въ сильныхъ выраженіяхъ изображалось все то, что приходилось терпѣть церкви въ противность божескому закону, каноническому праву и вольностямъ, самимъ же королемъ за нею утвержденнымъ, указывалось на необходимость реформъ и въ заключеніе постановлялось, что всякій, виновный въ расточеніи собственности вакантныхъ церквей, даже если это будетъ самъ король, долженъ быть немедленно отлученъ отъ церкви. Чтобы сталъ вполнѣ ясенъ конкретный смыслъ этого послѣдняго заявленія, слѣдуетъ замѣтить, что однимъ изъ самыхъ вопіющихъ бѣдствій, какія приходилось терпѣть церкви отъ королевскаго произвола, было постоянное злоупотребленіе правомъ замѣщенія церковныхъ вакансій: король подолгу не замѣщалъ епископскихъ каѳедръ и мѣстъ аббатовъ и совершенно свободно распоряжался принадлежавшими каѳедрамъ и аббатствамъ помѣстьями, извлекая изъ нихъ все, что только можно было извлечь, разоряя ихъ земли и крестьянъ и приводя въ полный упадокъ ихъ хозяйство.

Къ 11 іюня 1258 года бароны и прелаты съѣхались въ Оксфордъ. Не довѣряя королю и опасаясь съ его стороны какихъ-либо сюрпризовъ, бароны явились въ полномъ вооруженіи и съ большими отрядами зависимыхъ отъ нихъ вооруженныхъ людей, изъ которыхъ составилось цѣлое войско въ 60.000 человѣкъ. Съ тѣми же цѣлями предосторожности они

приняли мѣры къ бдительной охранѣ морскихъ портовъ. Какъ только собраніе было открыто, королю была представлена петиція, о которой мы только что упоминали, и началось ея бурное обсужденіе. Состояла она изъ 29 пунктовъ, въ которыхъ бароны подробно указывали всѣ непорядки и злоупотребленія властью со стороны короля и органовъ центральнаго и мѣстнаго управленія и требовали немедленныхъ реформъ. Въ частности они требовали передачи природнымъ англичанамъ королевскихъ замковъ какъ на морскомъ берегу, такъ и въ другихъ мѣстахъ, и запрещенія частнымъ лицамъ укрѣплять свои замки на морскомъ берегу или на сосѣднемъ островѣ, а также того, чтобы король не выдавалъ находящихся подъ его опекой наслѣдницъ его умершихъ вассаловъ за неровней, „то есть за людей не изъ націи англійскаго королевства“. Другіе пункты касались злоупотребленій, притѣсненій и вымогательствъ, которыя позволяли себѣ разъѣздные судьи и губернаторы графствъ (шерифы), а также королевскіе чиновники, бравшіе у продавцовъ товары для надобностей королевскаго двора. Всѣ эти злоупотребленія представляли собою прямое нарушеніе параграфовъ Великой Хартіи, которая только при томъ условіи могла регулировать жизненныя отношенія, если бы общество располагало органомъ, представлявшимъ его организованную, регулярно и правомѣрно дѣйствующую силу, грозную для всякаго посягательства на право и законъ. Бароны сами ясно понимали всю настоятельность болѣе дѣйствительнаго ограниченія власти короля и, требуя реформъ, они въ сущности имѣли въ виду эту основную реформу политическаго строя, которая одна могла серьезно улучшить общее управленіе и искоренить тѣ бѣдствія, на какія они жаловались въ своей петиціи.

Послѣ разсмотрѣнія петиціи былъ окончательно сформированъ комитетъ двадцати четырехъ, и онъ немедленно же приступилъ къ составленію конституціи. Вотъ ея основныя черты. При королѣ долженъ находиться постоянный *совѣтъ пятнадцати*. Эти пятнадцать „будутъ имѣть право давать

королю добросовѣстные совѣты относительно управленія королевствомъ и относительно всего, касающагося короля и королевства, и исправлять все, что найдутъ необходимымъ исправить". Подъ контролемъ ихъ будетъ находиться верховный юстиціарій и другія высшія должностныя лица. Постановленія въ совѣтѣ пятнадцати дѣлаются большинствомъ голосовъ. Совѣтъ этотъ избирается комитетомъ двадцати четырехъ такимъ образомъ: двѣнадцать членовъ комитета, принадлежащіе къ баронской партіи, избираютъ двоихъ изъ остальныхъ двѣнадцати, т.-е. изъ партіи королевской, а эти послѣдніе въ свою очередь избираютъ двоихъ изъ партіи баронской; составившійся такимъ образомъ комитетъ четырехъ и выбираетъ членовъ совѣта пятнадцати, которыхъ утверждаетъ затѣмъ комитетъ двадцати четырехъ. Три раза въ годъ, въ опредѣленные сроки, для выясненія общаго состоянія королевства и для обсужденія общихъ нуждъ его и короля, собирается *парламентъ*, который можетъ, впрочемъ, собираться и въ экстренныхъ случаяхъ, и тогда его созываютъ особымъ приказомъ короля. Парламентъ состоитъ всего лишь изъ двадцати семи членовъ: изъ совѣта пятнадцати, только что упомянутаго, и изъ двѣнадцати выборныхъ, избранныхъ для этого баронами. Эти двадцать семь и рѣшаютъ общія дѣла отъ лица „всей общины страны", и то, что они рѣшатъ, будетъ имѣть обязательную силу для всей общины, которая такимъ образомъ избавляется отъ издержекъ, сопряженныхъ съ ея присутствіемъ въ парламентѣ. Высшіе сановники государства, каковы канцлеръ, великій юстиціарій, казначей королевства, а также губернаторы графствъ (шерифы) назначаются на одинъ годъ и по истеченіи его обязаны отдавать отчетъ въ своей дѣятельности передъ королемъ, совѣтомъ пятнадцати и своими замѣстителями.

И члены совѣта пятнадцати, и двѣнадцать выборныхъ для присутствованія въ парламентѣ, и высшіе сановники государства были тутъ же избраны комитетомъ двадцати четырехъ. Власть высшихъ сановниковъ, а также губернаторовъ и фискальныхъ чиновниковъ была точно опредѣлена и

подчинена королевскому совѣту пятнадцати, и имъ воспрещены были всякія вымогательства. Было постановлено, что должностными лицами въ высшемъ финансовомъ учрежденіи страны, въ такъ называемой Палатѣ Шахматной Доски, должны быть только уважаемые люди, и къ нимъ однимъ должны поступать государственные доходы, а не въ какія-либо другія руки. Въ каждомъ графствѣ должно было быть выбрано по четыре рыцаря, которые бы отъ всѣхъ въ графствѣ принимали жалобы на несправедливости и обиды, причиненныя имъ шерифами, бэйлифами и другими представителями мѣстной администраціи, и возбуждали преслѣдованіе противъ этихъ должностныхъ лицъ передъ судомъ верховнаго юстиціарія въ первый же пріѣздъ его въ графство. Королевскіе замки, до сихъ поръ находившіеся почти исключительно въ рукахъ иностранцевъ, должны были быть переданы природнымъ англичанамъ, которые должны присягнуть, что будутъ честно и лойяльно охранять ихъ для короля и его наслѣдниковъ, что передадутъ ихъ одному королю и его наслѣдникамъ и притомъ лишь по приказанію королевскаго совѣта. Комитету двадцати четырехъ было поручено отъ имени короля произвести также и необходимыя реформы. Былъ избранъ и другой комитетъ двадцати четырехъ, который долженъ былъ имѣть чисто временный характеръ, для разсмотрѣнія и рѣшенія вопроса о субсидіи, которую просилъ у парламента король, чтобы разсчитаться съ папой за сицилійскую корону.

III.

Таковы были основы новаго политическаго порядка, выработаннаго Оксфордскимъ парламентомъ 1258-го года, такъ называемымъ Безумнымъ или Бѣшенымъ парламентомъ (такъ прозвали его враги). Немедленно же были приняты указанныя парламентомъ мѣры противъ иностранцевъ. Ихъ заставили выдать находившіеся въ ихъ рукахъ королевскіе замки и вернуть полученныя отъ королевскихъ щедротъ богатства.

Часть ихъ бѣжала въ страхѣ, въ числѣ ихъ и королевскіе родственники, а остальные были изгнаны. Была подтверждена Великая Хартія Вольностей, а 18-го октября король и его сынъ Эдуардъ особыми прокламаціями заявили о своемъ согласіи съ Оксфордскими Провизіями и такимъ образомъ торжественно санкціонировали дѣло реформы. Англія получала новую политическую форму, которая должна была обезпечить общество отъ вопіющихъ золъ, въ такомъ изобиліи изливаемыхъ на страну правительствомъ, свободнымъ отъ общественнаго контроля, неограниченнымъ въ своихъ полномочіяхъ и вдохновляемымъ своекорыстными интересами фактически правящей въ данный моментъ клики.

Является вопросъ: въ какой мѣрѣ указанная форма могла выполнять эту задачу? Насколько она была способна обезпечивать неприкосновенность права и закона? Та или иная степень удовлетворительности политической формы опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ она представляетъ и даетъ удовлетвореніе законнымъ интересамъ всего общества, всѣхъ его группъ, не закрѣпляя фактическаго господства однѣхъ группъ надъ другими. Заботливость, съ какой комитетъ двадцати четырехъ оберегалъ „общину всей земли“ отъ издержекъ, которыя ей пришлось бы понести, если бы она принимала (черезъ своихъ представителей) участіе въ собраніяхъ парламентовъ, едва ли могла ввести кого-нибудь въ заблужденіе относительно истинныхъ мотивовъ отстраненія „общины“ отъ активной политической жизни и ограниченія состава парламента лишь двѣнадцатью баронскими избранниками, временно (обыкновенно три раза въ годъ) какъ бы приком андировывавшимися къ совѣту пятнадцати для совмѣстнаго съ нимъ обсужденія нуждъ страны. Если мы обратимъ еще вниманіе на то, что и самый этотъ совѣтъ пятнадцати, ограничивающій королевскую власть, также состоялъ изъ баронскихъ избранниковъ и притомъ почти исключительно изъ членовъ комитета двадцати четырехъ, ихъ избиравшаго, и что въ этотъ комитетъ, совмѣщавшій въ себѣ функціи и учредительнаго собранія, которое должно было дать странѣ

новую политическую форму, и верховнаго учрежденія въ реформированномъ государствѣ, входили исключительно члены баронскаго класса, то для насъ станетъ совершенно очевидной олигархическая тенденція конституціи 1258 года.

Переворотъ 1258 года, произведенный баронами, опиравшимися на вооруженную силу своихъ зависимыхъ людей и на горячее сочувствіе всего народа, отдалъ власть въ ихъ собственныя руки, и, создавая новый государственный порядокъ, они, конечно, сдѣлали все, чтобы и формально закрѣпить за собою эту власть. Вершителями судебъ страны явилась тѣсная группа самыхъ крупныхъ феодаловъ, не пожелавшая подѣлиться властью даже съ членами своего сословія, съ остальными крупными вассалами короля (съ majores barones, по терминологіи Великой Хартіи), не говоря уже о массѣ мелкихъ королевскихъ вассаловъ и о еще болѣе широкихъ группахъ второстепенныхъ вассаловъ и простыхъ свободныхъ людей. Въ этомъ отношеніи конституція 1258 года далеко оставляетъ за собою даже ту чисто феодальную форму ограниченія королевской власти, какую намѣчаютъ 12 и 14 параграфы Великой Хартіи, обезпечивающіе активное участіе въ политической жизни страны всѣмъ королевскимъ вассаламъ, какъ старшимъ баронамъ, такъ и младшимъ. Мало того. Она является въ этомъ отношеніи шагомъ назадъ даже по сравненію съ тѣмъ порядкомъ, который утвердился съ нормандскаго завоеванія, какъ извѣстно, поставившаго королевскую власть на недосягаемую высоту: какъ ни незначительно могло быть политическое вліяніе Великаго Совѣта, куда король приглашалъ для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ въ государствѣ духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ, но зато оно не являлось монополіей тѣснаго кружка и было открыто всякому сколько-нибудь значительному королевскому вассалу, съ мнѣніемъ котораго правительство находило нужнымъ считаться.

Нужно ли послѣ этого прибавлять, что конституція, въ которой нашли свое выраженіе лишь интересы очень узкой соціальной группы, едва ли была способна обезпечивать

интересы всего общества? Это теоретическое соображеніе очень скоро оказалось совершенно реальнымъ фактомъ. Пока дѣло шло объ „очищеніи отъ иноземной проказы страны, въ которой родились они и отцы ихъ“, захватившіе власть бароны проявляли чрезвычайно энергичную дѣятельность. Но когда задача эта, къ великой радости всего народа, была выполнена, новое правительство все не приступало къ реформамъ, такъ опредѣленно намѣченнымъ Оксфордскимъ парламентомъ, и мы имѣемъ не мало основаній предполагать, что оно и не имѣло серьезнаго намѣренія приступать къ нимъ. Повидимому, большинство ставшихъ у власти барономъ видѣло въ изгнаніи иностранцевъ и въ захватѣ узурпированной ими власти конечную цѣль переворота 1258 года. Національное движеніе, вызванное господствомъ иностранныхъ авантюристовъ и безцеремоннымъ, перешедшимъ всякіе предѣлы, хозяйничаньемъ въ странѣ римскаго первосвященника, выдвинуло бароновъ въ роли вождей народнаго дѣла и они воспользовались этимъ положеніемъ, чтобы осуществить свои никогда не умиравшіе политическіе идеалы и стремленія. При Іоаннѣ Безземельномъ баронамъ самимъ приходилось поднимать и организовать общественное движеніе и привлекать къ нему различные элементы общества, и въ виду этого они принуждены были серьезно считаться съ интересами всѣхъ сословій и классовъ. Оттого-то выставленная ими программа и отличалась такой широтой, далеко выходя за предѣлы чисто феодальныхъ формъ и идей, по существу далеко не чуждыхъ инициаторамъ движенія и нашедшихъ свое весьма опредѣленное выраженіе въ 12 и 14, а также 34-мъ и нѣкоторыхъ другихъ параграфахъ Великой Хартіи. Движеніе пятидесятыхъ годовъ тринадцатаго столѣтія выросло стихійно, и баронамъ оставалось только овладѣть имъ и направить его къ опредѣленной цѣли. Неудивительно, что въ этомъ случаѣ они болѣе откровенно стали проводить свою сословную точку зрѣнія и нашли возможнымъ даже съузить ее въ сторону чистѣйшей олигархіи, не желавшей дѣлиться попавшей въ ея руки властью даже съ людьми одного съ нею сословія. Скорѣе слѣдуетъ

удивляться, что среди олигарховъ оказались люди, не забывавшіе интересовъ „общины“ и вполнѣ серьезно относившіеся къ возложенной на нихъ обязанности избавить страну отъ тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ ей приходилось такъ много терпѣть благодаря господству какъ въ центрѣ, такъ и въ областяхъ не знавшей надъ собой никакого контроля, вѣками воспитывавшейся въ школѣ произвола администраціи.

Первое мѣсто среди такихъ людей занималъ Симонъ де Монфоръ, графъ Лестерскій. Въ парламентѣ, засѣдавшемъ въ опредѣленномъ новой конституціей составѣ въ февралѣ 1259 года, между нимъ и графомъ Глостерскимъ, вождемъ олигархическаго большинства, произошло крупное столкновеніе. Протестъ графа Лестерскаго противъ рѣзко олигархическихъ тенденцій новаго правительства произвелъ впечатлѣніе, и въ мартѣ былъ изданъ королевскій ордонансъ, доводившій до общаго свѣдѣнія, что члены королевскаго совѣта пятнадцати и двѣнадцать выборныхъ, избранныхъ для присутствованія въ парламентѣ, берутъ на себя тѣ же обязательства въ отношеніи къ своимъ вассаламъ, какія взялъ на себя король въ отношеніи къ собственнымъ вассаламъ.

Едва ли, впрочемъ, это оффиціальное заявленіе сколько-нибудь измѣнило политику олигарховъ и сколько-нибудь подвинуло дѣло реформы. Обществу самому пришлось напомнить имъ объ ихъ обязанностяхъ. Произошло это въ октябрѣ того же 1259 года, когда въ Уэстминстерѣ засѣдалъ парламентъ. По свидѣтельству современной хроники, въ день св. Эдуарда (13-го октября) англійское рыцарство, или, какъ выражается авторъ хроники, „община баккалавровъ Англіи“ (communitas bacheleriae Angliae) заявила сыну короля Эдуарду, а также графу Глостерскому и другимъ членамъ новаго правительства, что въ то время, какъ король исполнилъ все, что постановили и потребовали отъ него бароны, „сами бароны ничего не сдѣлали на пользу государства, какъ обѣщали, и имѣютъ въ виду только собственную выгоду и всевозможный ущербъ королю, и что, если это не измѣнится къ лучшему, пусть реформы производятся инымъ порядкомъ“.

Эдуардъ отвѣчалъ увѣреніемъ, что хотя онъ давалъ клятву въ октябрѣ неохотно, но тогда имѣлъ и теперь имѣетъ непоколебимое намѣреніе выполнить ее и готовъ умереть за общину Англіи и на пользу государства, и рѣшительно поставилъ на видъ олигархамъ, что если они не выполнятъ своей клятвы, то онъ до смерти будетъ стоять за общину и добьется исполненія обѣщаннаго (т.-е. выполненія программы реформъ, намѣченныхъ Оксфордскими Провизіями).

Демонстрація эта показалась олигархамъ слишкомъ выразительной, чтобы ее можно было оставить безъ вниманія. „Тогда бароны“, прибавляетъ тотъ же хроникеръ, „видя, что лучше, если они сами выполнятъ свои обѣщанія, а не кто-либо иной, опубликовали свои постановленія“. Это были такъ называемыя Уэстминстерскія Провизіи. Въ нихъ были указаны мѣры, какія должны быть приняты для огражденія народа отъ злоупотребленій общегосударственныхъ и феодальныхъ судовъ и для охраны интересовъ второстепенныхъ держателей отъ произвола феодаловъ и ихъ арендаторовъ, и предписывалось избрать въ каждомъ графствѣ по четыре рыцаря для контроля надъ дѣятельностью губернаторовъ (шерифовъ), причемъ губернаторы въ текущемъ году должны быть прямо назначены юстиціаріемъ, казначеемъ королевства и баронами Палаты Шахматной Доски (членами высшаго финансоваго учрежденія въ странѣ), но съ слѣдующаго года они будутъ уже избираться баронами Палаты Шахматной Доски для каждаго графства изъ четырехъ кандидатовъ, выбранныхъ собраніемъ графства; въ заключеніе, всѣмъ, потерпѣвшимъ въ послѣдніе семь лѣтъ тотъ или иной ущербъ, предоставлялось право являться съ жалобами къ назначеннымъ для этого судьямъ, и въ виду этого шерифамъ предписывалось распорядиться, чтобы въ каждой сотнѣ (округѣ, на которые дѣлилось графство) было избрано по двѣнадцати человѣкъ для разслѣдованія этихъ жалобъ.

Это были очень серьезныя мѣры, примѣненіе которыхъ могло дать обществу весьма существенныя гарантіи. Въ частности, великимъ благомъ могло бы явиться участіе общества

въ назначеніи представителей мѣстной администраціи и въ контролѣ надъ ними: примѣненіе выборнаго начала къ замѣщенію должности губернатора, надѣленнаго чрезвычайно широкими и разнообразными полномочіями, и установленіе надъ ними общественнаго контроля въ лицѣ четырехъ выборныхъ отъ графства могли бы очень ослабить почву для произвола, къ которому такъ склонна не связанная съ обществомъ и не отвѣтственная передъ нимъ бюрократія. Къ сожалѣнію только, захватившіе власть олигархи издали Уэстминстерскія Провизіи лишь подъ давленіемъ внѣшней необходимости и, повидимому, вовсе не имѣли намѣренія проводить ихъ въ жизнь. На эту мысль наводитъ насъ тотъ характерный фактъ, что въ окончательной (латинской) редакціи Уэстминстерскихъ Провизій опущены весьма существенные пункты (какъ разъ о представленіи графствами своихъ собственныхъ кандидатовъ въ губернаторы и объ учрежденіи общественнаго контроля надъ дѣятельностью этихъ послѣднихъ въ лицѣ четырехъ рыцарей, избранныхъ въ каждомъ графствѣ, и объ избраніи въ каждомъ графствѣ по двѣнадцати человѣкъ для разслѣдованія жалобъ на представителей мѣстной власти со стороны лицъ, потерпѣвшихъ тотъ или иной ущербъ отъ нихъ въ послѣднія семь лѣтъ), стоящіе во французскомъ текстѣ этихъ Провизій, представляющемъ собою полный протоколъ резолюцій, принятыхъ октябрскимъ парламентомъ подъ впечатлѣніемъ внушительной демонстраціи „общины баккалавровъ Англіи“. Очевидно, что, какъ только это впечатлѣніе изгладилось, олигархи рѣшили предать забвенію какъ разъ тѣ пункты Провизій, которые ближе всего касались интересовъ массы свободныхъ землевладѣльцевъ, какъ рыцарскаго званія, такъ и простыхъ свободныхъ.

IV.

Мы достаточно ознакомились съ характеромъ и съ тенденціями новаго правительства, выдвинутаго революціей 1258 года, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ оно способно было уми-

ротворить страну. Задачи этой оно неспособно было выполнить, да и не обнаружило желанія выполнять ее. Пока бароны требовали освобожденія страны отъ позорнаго ига иноземныхъ авантюристовъ и отъ рабскаго подчиненія папѣ и стремились положить конецъ политическому порядку, предоставлявшему королевской власти полную возможность распоряжаться средствами народа для удовлетворенія личныхъ прихотей и фантазій ея носителя и для насыщенія ненасытной алчности цѣлой тучи ея фаворитовъ и отдававшему народъ въ жертву безконтрольной администраціи, они являлись борцами національнаго дѣла, и на ихъ сторонѣ было горячее сочувствіе всѣхъ классовъ англійскаго общества. Но дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ, когда бароны предложили странѣ новую политическую форму. Новая политическая форма оказалась формой ихъ собственнаго господства и настолько узкой и по тенденціямъ своимъ исключительной, что уже не могло быть и рѣчи о народномъ сочувствіи. Даже среди болѣе широкаго баронскаго круга новая политическая организація не могла быть популярной. Страна не могла ждать отъ новаго правительства проведенія въ жизнь намѣченныхъ Бѣшенымъ парламентомъ реформъ. Правительство совершенно недвусмысленно показывало, что добровольно не примется за ихъ проведеніе. Конституція 1258 года объявила тѣсную группу высшаго баронства представителями интересовъ „общины всей земли“, а это равнялось захвату этой группой власти какъ надъ королемъ, такъ и надъ „общиной“. Чисто олигархическая политика новаго правительства, оттолкнувъ отъ него массу, создала почву для монархической реакціи. Во всякомъ случаѣ король и его партія постепенно начинали поднимать голову, тѣмъ болѣе, что и среди самихъ захватившихъ власть барововъ вскорѣ обнаружились рѣзкія несогласія, которыми очень искусно пользовались король и его приверженцы, чтобы вернуть утраченное положеніе.

Уже въ 1261 году ясно обнаружились враждебныя намѣренія короля по отношенію къ конституціи. Въ слѣдующемъ году папа разрѣшилъ короля отъ торжественно данной имъ

въ 1258 году клятвы соблюдать Оксфордскія Провизіи. Политическая атмосфера все болѣе и болѣе сгущалась. Лѣтомъ 1263 года на требованіе, предъявленное Симономъ Монфоромъ, подтвердить Оксфордскія Провизіи король отвѣчалъ отказомъ, и Монфоръ началъ противъ него военныя дѣйствія. Подъ знамена графа Лестерскаго стали всѣ тѣ, для кого интересы „общины“ не являлись лишь громкой фразой, очень удобной для прикрытія узко сословныхъ интересовъ, для кого ограниченіе королевскаго самодержавія означало политическое освобожденіе всей „общины“, предоставленіе ей права самой, черезъ своихъ представителей, рѣшать всѣ свои жизненные вопросы и свободно развивать свои силы, до тѣхъ поръ скованныя гнетомъ правительственнаго механизма, служившаго прежде всего интересамъ правящей группы и ея главы. Если движеніе пятидесятыхъ годовъ носило въ значительной мѣрѣ стихійный характеръ и было сильно больше своей отрицательной стороной, протестомъ противъ господства иноземцевъ и противъ правительственнаго произвола, какъ онъ давалъ себя знать въ своихъ отдѣльныхъ, вполнѣ конкретныхъ проявленіяхъ, то движеніе начала шестидесятыхъ годовъ уже освѣщалось вполнѣ опредѣленными принципами, свидѣтельствующими о томъ, что за сравнительно короткій періодъ интенсивной политической жизни и борьбы политическое сознаніе англійскаго общества сдѣлало очень крупные успѣхи.

Къ счастью для насъ мы имѣемъ возможность составить достаточно опредѣленное понятіе о политической теоріи, популярной среди тѣхъ широкихъ общественныхъ круговъ, представителемъ интересовъ которыхъ выступилъ Симонъ де-Монфоръ (графъ Лестерскій). До насъ дошла латинская поэма, написанная какъ разъ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, вскорѣ послѣ битвы при Льюисѣ, происшедшей между королевскими войсками и войсками Монфора въ 1264 году, и посвященная описанію этой битвы и изложенію взглядовъ неизвѣстнаго автора поэмы. Поэма эта („Битва при Льюисѣ“) была весьма популярна среди тѣхъ самыхъ общественныхъ

группъ, героемъ которыхъ былъ Симонъ де-Монфоръ, и, несомнѣнно, выражала ихъ политическіе взгляды. Прежде, чѣмъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ событій вооруженной борьбы, для насъ не лишнимъ будетъ остановиться на политической теоріи автора названной поэмы. Она дастъ намъ возможность болѣе отчетливо уяснить себѣ смыслъ этой борьбы и то мѣсто, которое послѣдняя занимаетъ въ исторіи политическаго развитія англійскаго общества.

Основную причину борьбы авторъ поэмы видитъ въ томъ, что король желаетъ править совершенно свободно, сообразуясь только съ своей волей. Только такъ царствовать и значитъ царствовать въ истинномъ смыслѣ этого слова, говорятъ друзья короля. Воля короля есть законъ. Король въ данномъ случаѣ поступаетъ лишь такъ, какъ имѣетъ право поступать и всякій крупный баронъ съ своей собственностью. Если баронъ дурно распоряжается своей собственностью, то самъ онъ и терпитъ убытокъ, и никто не вмѣшивается въ его дѣла. Король хочетъ только того, чтобы ему была предоставлена такая же свобода, которой къ тому же пользовались его предшественники. Поэтому бароны не имѣютъ права вмѣшиваться въ назначенія на высшія должности или въ дѣло охраны замковъ и въ иныя дѣла, касающіяся одного лишь короля.

На это бароны отвѣчаютъ, что они въ равной мѣрѣ обязаны защищать королевство какъ отъ внѣшнихъ нападеній, такъ и отъ еще болѣе опасныхъ внутреннихъ враговъ. Изгоняя дурныхъ совѣтниковъ короля, они дѣйствуютъ не противъ короля, а противъ его злѣйшихъ враговъ. Самъ ли король дѣйствуетъ злонамѣренно или же подъ вліяніемъ дурныхъ совѣтовъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ бароны одинаково обязаны выступать на защиту своей страны.

Король не выше закона. Онъ спрашиваетъ: „Почему я долженъ быть ограниченъ въ выборѣ должностныхъ лицъ, съ помощью которыхъ я правлю?“ Авторъ поэмы отвѣчаетъ на это, что истинная свобода не есть совершенно неограниченная свобода. „Не всякое ограниченіе устраняетъ свободу,

не всякое принужденіе отнимаетъ власть". Законъ, ограничивающій королевскую власть, не умаляетъ ея, но возвышаетъ достоинство короля. Не считается въ Богѣ безсиліемъ, что онъ не можетъ грѣшить. Наоборотъ, въ этомъ его высочайшее могущество, великая слава и великая власть. „И король можетъ дѣлать все, что хорошо, но не можетъ дѣлать дурного. И это даръ Божій. Тѣ, кто оберегаетъ короля отъ искушенія грѣшить, сами служатъ королю, и онъ долженъ быть благодаренъ имъ за то, что они освобождаютъ его отъ опасности стать рабомъ. Такъ какъ его народъ есть народъ Божій, ввѣренный ему Богомъ, то онъ долженъ любить его и помогать ему". „Если король будетъ любить, то и его будутъ любить; если онъ будетъ справедливо править, его будутъ почитать; если онъ свернетъ на ложный путь, его должны вернуть на прежній путь тѣ, кого онъ угнеталъ несправедливо, и лишить его власти, если онъ не пожелаетъ исправиться; если же пожелаетъ, они должны поднять его и помочь ему". „Между государемъ и подданными должна быть взаимная зависимость. Пусть государь такъ царствуетъ, чтобы у него никогда не являлось желанія не обращаться къ своимъ подданнымъ. Государь, который захочетъ освободиться отъ зависимости отъ своихъ подданныхъ, увидитъ результатъ этого въ своей погибели".

Король не можетъ самъ выбирать себѣ совѣтниковъ. Если онъ станетъ выбирать ихъ одинъ, онъ легко ошибется. Поэтому ему необходимо посовѣтоваться съ общиной королевства и узнать, какъ думаетъ объ этомъ все общество, которому собственные его законы извѣстны болѣе, чѣмъ кому другому. „Люди, прибывшіе изъ областей, не такіе идіоты, чтобы не знать лучше другихъ правовъ своей страны, оставляемыхъ предками потомкамъ. Вотъ отъ нихъ-то и можно собрать свѣдѣнія о томъ, что касается всей общины, равно какъ и о томъ, кого по справедливости слѣдуетъ избрать (въ совѣтники) для пользы королевства; и тогда тѣ, кто захочетъ, сумѣетъ и будетъ въ состояніи принести эту пользу, пусть и будутъ сдѣланы совѣтниками и помощниками короля".

Напрасно думаетъ король, что всякій баронъ можетъ совершенно свободно распоряжаться своей собственностью и разорять ее: вѣдь отъ этого страдаетъ все королевство, и барону не предоставлена такая свобода. Никто не можетъ поступать исключительно такъ, какъ онъ хочетъ: надъ всѣми есть власть, и самая высшая власть принадлежитъ всей общинѣ и выражается въ законѣ. „Не приличествуетъ называться свободой той свободѣ, которая позволяетъ глупцамъ властвовать неразумно. Свобода должна быть ограничена предѣлами права, и если предѣлы эти нарушены, она должна быть признана заблужденіемъ“. Король не можетъ измѣнить законъ. „Часто говорятъ: воля короля—законъ. Но истина иное говоритъ, потому что король падаетъ, а законъ остается“. Король долженъ помнить, что онъ призванъ править не для собственной выгоды, а для блага другихъ. Если онъ дѣйствительно любитъ свой народъ, онъ будетъ обо всемъ сообщать своимъ совѣтникамъ и будетъ обо всемъ совѣтоваться съ ними, какъ бы мудръ онъ ни былъ, для того, чтобы всѣ были единомышленны, какъ училъ этому своихъ учениковъ Христосъ.

Итакъ, законъ, какъ выраженіе общественнаго сознанія, и король, ограниченный закономъ, правящій для блага общества, окруженный совѣтниками, указанными ему обществомъ, и созывающій представителей общества, этого носителя высшей власти въ государствѣ,—такова въ двухъ словахъ сущность политической теоріи конституціонной партіи, объединившейся подъ знаменами Симона де-Монфора.

Теорія эта не такъ ужъ далека отъ взглядовъ творцовъ конституціи 1258 г., которые тоже считали необходимымъ, чтобы королевскіе совѣтники и высшіе сановники въ государствѣ были выборными, а не назначались королевской властью, и которые также ссылались на „общину всей земли“ и на ея интересы. Но въ то время, какъ для дѣятелей 1258 года политическій горизонтъ съуживался предѣлами сословія, къ которому они сами принадлежали и за которымъ однимъ они признавали право и выбирать для короля совѣт-

никовъ, и представлять въ парламентѣ интересы „общины“, авторъ поэмы, изображающій взгляды конституціоналистовъ шестидесятыхъ годовъ, считаетъ необходимымъ, чтобы совѣтники короля были дѣйствительно избранниками „общины“, а не узкой группы самаго верхняго слоя общества, и чтобы король совѣтовался также и съ самой „общиной“ въ лицѣ ея представителей изъ разныхъ областей страны.

Къ концу 1263 года борющіяся стороны согласились обратиться къ третейскому суду французскаго короля, знаменитаго Людовика IX Святого. Приговоръ святого короля, произнесенный имъ въ концѣ января слѣдующаго года и извѣстный подъ названіемъ Амьенской Мизы (the Mise of Amiens), не удовлетворилъ, однако, Симона де-Монфора и его партію. Да онъ и не могъ удовлетворить ихъ, такъ какъ отмѣнялъ Оксфордскія Провизіи и всѣ основанныя на нихъ распоряженія, статуты и обязательства и возвращалъ королю всю полноту его власти и свободу въ управленіи вплоть до права звать въ свой совѣтъ какъ туземцевъ, такъ и иностранцевъ. Приговоръ, возстановлявшій въ полной силѣ самодержавный произволъ короля и его администраціи и возвращавшій всѣхъ ненавистныхъ народу иноземныхъ фаворитовъ короля, возвращалъ страну къ тѣмъ самымъ политическимъ условіямъ, которыя сдѣлали необходимой революцію 1258 г., и, конечно, не могъ дать ей успокоенія. Большинство бароновъ, почти весь средній классъ Англіи („fere omnis communa mediocris regni Angliae“) и въ особенности жители Лондона и Пяти Портовъ не признали этого приговора, и опять началась война.

17 мая 1264 года между королевскимъ войскомъ и арміей Симона де-Монфора произошла битва при Льюисѣ. Король былъ разбитъ и вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола Эдуардомъ и главными своими приверженцами попалъ въ плѣнъ къ побѣдителямъ. Подъ знаменами Монфора сражались, между прочимъ, и студенты оксфордскаго университета, незадолго передъ тѣмъ закрытаго Генрихомъ III за симпатіи учащихся и учащихъ этого знаменитаго уже тогда разсадника знанія

къ развивавшемуся въ обществѣ освободительному движенію. Побѣжденные должны были подписать предложенную имъ капитуляцію, такъ называемую Льюисскую Мизу, передававшую высшую власть въ государствѣ комиссіи трехъ третейскихъ судей и возлагавшую на нихъ обязанность реформировать управленіе въ духѣ тутъ же намѣченныхъ общихъ принциповъ. Фактическимъ главою государства сталъ Симонъ де-Монфоръ, и уже въ началѣ іюня онъ разослалъ по графствамъ отъ имени короля приказы, которыми въ каждомъ графствѣ назначались особые охранители мира. Въ свою очередь эти охранители мира должны были распорядиться, чтобы собраніе каждаго графства выбрало по четыре рыцаря и къ 22 числу того же мѣсяца прислало ихъ въ Лондонъ для обсужденія въ парламентѣ вмѣстѣ съ прелатами и магнатами королевства дѣлъ, касающихся короля и королевства. Парламентъ этотъ долженъ былъ составить новую конституцію. До насъ дошелъ текстъ этой конституціи. Вотъ ея основные пункты.

„Для реформированія состоянія королевства Англіи“, читаемъ мы въ этой „Формѣ управленія государемъ королемъ и королевствомъ“ (Forma regiminis domini regis et regni), „должны быть избраны и назначены трое честныхъ и вѣрныхъ изъ королевства, которые будутъ имѣть отъ государя короля право и власть избрать или назначить, вмѣсто самого государя короля, девять совѣтниковъ; изъ нихъ поочередно, по меньшей мѣрѣ, трое должны находиться при дворѣ; и по совѣту этихъ девяти король будетъ издавать повелѣнія и распоряженія объ охранѣ замковъ и о всѣхъ другихъ дѣлахъ королевства; по совѣту же этихъ девяти будетъ государь король назначать юстиціарія, канцлера, казначея и другихъ должностныхъ лицъ, старшихъ и младшихъ, вѣдающихъ то, что относится до управленія дворцомъ и королевствомъ. Первые избиратели (electores sive nominatores) принесутъ клятву, что согласно своей совѣсти выберутъ или назначатъ совѣтниковъ, въ которыхъ они будутъ увѣрены, какъ въ людяхъ полезныхъ и вѣрныхъ чести Бога и церкви,

государю королю и королевству. И совѣтники, а также всѣ должностныя лица, старшія и младшія, при своемъ назначеніи принесутъ клятву, что по мѣрѣ силъ будутъ добросовѣстно исполнять свои обязанности къ чести Божьей и церкви и на пользу государю королю и королевству, безъ всякаго иного вознагражденія, кромѣ съѣстного и питья, какія обыкновенно подаются къ столу". Удалять тѣхъ или иныхъ изъ членовъ совѣта и назначать на ихъ мѣсто другихъ король можетъ лишь по совѣту трехъ избирателей, а удалять и замѣщать должностныхъ лицъ, старшихъ и младшихъ, онъ можетъ лишь по совѣту девяти совѣтниковъ. Какъ въ коллегіи избирателей, такъ и въ совѣтѣ девяти дѣла рѣшаются большинствомъ двухъ третей голосовъ. Назначеніе преемниковъ или замѣстителей избирателей принадлежитъ королю, прелатамъ и баронамъ. И избиратели, и члены совѣта девяти, и охранители замковъ, а также всѣ другія должностныя лица всегда должны быть прирожденные англичане. Но иностранцамъ и, въ частности, купцамъ разрѣшается мирно пріѣзжать въ Англію и жить здѣсь. „Ордонансъ (ordinatio) этотъ составленъ въ Лондонѣ съ согласія, по желанію и по повелѣнію государя короля, а также прелатовъ, бароновъ и общины, здѣсь тогда присутствовавшей".

Въ качествѣ избирателей оказались выбранными графъ Лестерскій (Симонъ де-Монфоръ), графъ Глостерскій (сынъ умершаго въ 1262 году главы олигарховъ) и епископъ Чичестерскій Стефанъ Беркстэдъ, при чемъ главная роль естественно перешла къ графу Лестерскому.

Творцы новой конституціи не видѣли въ ней окончательной формы для политической жизни Англіи. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ того, что эта конституція должна была оставаться въ силѣ лишь до конца царствованія Генриха и нѣкоторое время при его преемникѣ. По-видимому, она была предназначена лишь создать общія условія для свободной отъ всякихъ тормазовъ дѣятельности побѣдившей самодержавіе конституціонной партіи и ея вождей на поприщѣ умиротворенія страны путемъ проведенія давно

уже намѣченныхъ жизнью реформъ и утвержденія основъ правового порядка. То новое, что узаконялось въ политической жизни Англіи дѣятельностью ставшихъ во главѣ управленія людей, было привлеченіе „общины всей земли“ къ активному участію въ рѣшеніи судебъ страны черезъ свободно избранныхъ представителей. Какъ мы только что видѣли, сама конституція 1264 года была составлена въ парламентѣ, въ которомъ на равныхъ правахъ со свѣтскими и духовными баронами присутствовали и представители „общины“, пославшей сюда по четыре „самыхъ полноправныхъ и самыхъ уважаемыхъ“ рыцаря, выбранныхъ отъ каждаго графства.

Въ слѣдующемъ, 1265 году, Симонъ де-Монфоръ опять созвалъ отъ имени короля парламентъ, и въ немъ „община“ была представлена еще полнѣе. Бароновъ свѣтскихъ и духовныхъ въ этотъ парламентъ было приглашено сравнительно немного (это были лишь приверженцы графа Лестерскаго и его дѣла въ лицѣ одного архіепископа, 12 епископовъ, пяти графовъ и 18 бароновъ, къ которымъ было присоединено потомъ еще 10 бароновъ). Но зато сюда получили приглашеніе 105 аббатовъ, пріоровъ и декановъ и магистры двухъ рыцарскихъ орденовъ (тамплiэровъ и іоаннитовъ), по два рыцаря отъ каждаго графства (duos milites de legalioribus, probioribus et discretioribus militibus singulorum comitatum) и по два горожанина (duos de discretioribus, legalioribus et probioribus tam civibus, quam burgensibus) отъ городовъ Йорка, Линкольна и прочихъ городовъ Англіи, а также отъ бароновъ и уважаемыхъ людей Пяти Портовъ“ (baronibus et probis hominibus Quinque Portuum).

Безъ преувеличенія можно сказать, что это привлеченіе „общины“ къ активной политической жизни, это введеніе практики призыва въ парламентъ свободно избранныхъ представителей отъ графствъ и городовъ является самымъ крупнымъ фактомъ англійской политической исторіи изучаемой нами эпохи, начинающимъ новую эру въ государственной жизни англійскаго общества. Этотъ крупный шагъ, можно

сказать, былъ навязанъ Монфору и его сотрудникамъ самой жизнью. Они прекрасно понимали, что сколько-нибудь прочная политическая форма въ условіяхъ англійскаго развитія должна была опираться на массу и отправляться отъ ея исторически сложившихся организацій. На этой широкой основѣ утвердился въ свое время и вѣка существовалъ деспотическій режимъ Вильгельма Завоевателя. На ней же одной могъ установиться и новый, свободный государственный порядокъ, шедшій на смѣну уже отжившему и осужденному общественнымъ сознаніемъ бюрократическому всевластію, когда-то не чуждому культурныхъ задачъ, теперь же являвшемуся тормазомъ и бичомъ общественнаго прогресса. Теперь уже нельзя было ограничиваться одними болѣе или менѣе эффектными ссылками на „общину всей земли“ при проведеніи тѣхъ или иныхъ политическихъ мѣропріятій, нерѣдко ничего общаго съ интересами „общины“ не имѣвшихъ. Свободная организованная масса — а только о ней пока и могла быть рѣчь, такъ какъ полусвободное, крѣпостное крестьянство по самому своему соціальному положенію еще въ счетъ не шло—уже давно стучалась въ двери парламента, и открытіе для нея этихъ дверей было лишь вопросомъ времени. Къ половинѣ тринадцатаго вѣка въ процессѣ политическаго роста англійскаго общества наступилъ кризисъ: все развивавшіяся силы общественнаго организма, находившіяся до тѣхъ поръ какъ бы въ связанномъ состояніи, сразу прорвались черезъ сковывавшія ихъ историческія рамки, ища новыхъ, болѣе широкихъ и свободныхъ политическихъ формъ. Удержать ихъ въ ихъ прежнихъ рамкахъ было уже невозможно. Понималъ это не только Симонъ де-Монфоръ и его единомышленники. То же самое ясно стало и королю и руководителямъ его партіи, и они не замедлили доказать это, какъ только власть опять вернулась въ ихъ руки.

Разрѣшать выдвигаемыя жизнью все болѣе и болѣе сложныя государственныя задачи съ помощью одного лишь бюрократическаго механизма правительство уже вовсе не могло, и если до сихъ поръ оно, такъ сказать, неоффиціально

обращалось къ общественному содѣйствію, посылая своихъ агентовъ въ графства, чтобы тамъ, на мѣстѣ, съ помощью „народнаго собранія“ графства и его выборныхъ дать окончательную, уже вполнѣ конкретную форму рѣшенію, принятому въ центрѣ, то теперь оно принуждено было открыто стать на путь вполнѣ оффиціальнаго привлеченія народныхъ представителей къ участію наравнѣ съ духовными и свѣтскими магнатами королевства въ обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ въ государствѣ. Если путь этотъ впервые былъ открытъ Симономъ де-Монфоромъ, призвавшимъ въ парламентъ выборныхъ представителей отъ графствъ и городовъ, то указанъ онъ былъ всѣмъ ходомъ общественнаго и политическаго развитія Англіи. Симонъ де-Монфоръ, очутившись въ положеніи полновластнаго главы государства и получивъ благодаря этому полную возможность проводить въ жизнь исповѣдуемые имъ политическіе принципы, лишь далъ соотвѣтствующее политическое выраженіе окончательно опредѣлившемуся къ его времени взаимоотношенію общественныхъ силъ Англіи. И безъ Симона де-Монфора политическое развитіе Англіи пошло бы по этому же пути, потому что это былъ путь единственно возможный и необходимый.

V.

Графу Лестерскому недолго пришлось держать въ своихъ рукахъ власть. Роялистамъ удалось опять собрать и организовать свои силы. Во главѣ ихъ сталъ наслѣдный принцъ Эдуардъ, удачно бѣжавшій изъ почетнаго плѣна, въ которомъ онъ, какъ и король, содержался со времени пораженія при Льюисѣ. 4 августа 1265 года произошла битва при Ивзэмѣ. Симонъ де-Монфоръ былъ убитъ и войско его было разбито на-голову. Борьба, однако, этимъ не кончилась и продолжалась еще болѣе года. Только въ октябрѣ 1266 года былъ заключенъ воюющими сторонами миръ. Условія его дошли до насъ въ изданномъ 31 октября этого же года королевскомъ ордонансѣ (въ такъ называемомъ Dictum de Ke-

nilworth). Конституція 1264 года отмѣнялась; король возстановлялся во всей полнотѣ своей власти и ему возвращались всѣ принадлежавшія коронѣ владѣнія и всякія иныя права, незаконно перешедшія во время предшествовавшихъ неурядицъ въ другія руки; всѣ грамоты, обязательства и другіе документы, изданные и выданные королемъ и принцемъ Эдуардомъ „и другими вѣрными“ „по поводу Оксфордскихъ Провизій или по поводу бывшаго въ королевствѣ замѣшательства по настоянію Симона де-Монфора, графа Лестерскаго, и его сообщниковъ“, равно какъ и „вредные и предосудительные“ акты и договоры о недвижимости, исходившіе отъ самого графа Симона и отъ его сообщниковъ, объявлялись недѣйствительными.

Все это было вполнѣ осуществимо для вернувшагося къ власти правительства Генриха III. Но едва ли могло быть осуществлено другое его распоряженіе, направленное на такую сферу человѣческихъ проявленій, которая менѣе всего поддается запретительнымъ воздѣйствіямъ предержащей власти и, можетъ быть, именно поэтому такъ подзадориваетъ ея полицейскій пылъ. За короткое время, протекшее со дня смерти Симона де-Монфора, этотъ народный герой и борецъ за свободу (такъ на него смотрѣли въ самыхъ широкихъ кругахъ англійскаго общества, воплощая въ немъ все то, чѣмъ горѣли сердца людей, боровшихся вмѣстѣ съ нимъ противъ королевскаго абсолютизма), уже сталъ національнымъ святымъ, и по всей Англіи успѣла распространиться молва о чудесахъ, которыя творились на его могилѣ. Эта народная канонизація графа Лестерскаго въ значительной мѣрѣ отравляла торжество побѣдителей, и среди статей королевскаго ордонанса, устанавливающаго условія мирнаго договора съ побѣжденными, мы читаемъ запрещеніе считать Симона графа Лестерскаго святымъ и праведникомъ и распространять слухи о его чудесахъ. Окончательно борьба прекратилась, однако, лишь къ осени слѣдующаго 1267 года.

Характерно, что въ созванномъ въ ноябрѣ того же года въ Марлборо парламентѣ присутствовали и народные пред-

ставители въ лицѣ рыцарей отъ графствъ. Парламентъ этотъ какъ бы подвелъ итоги всей эпохѣ ожесточенной борьбы и, вновь издавъ съ нѣкоторыми пропусками Уэстминстерскія Провизіи 1259 года, сдѣлалъ закономъ королевства многое изъ того, чего требовали бароны на Бѣшеномъ Парламентѣ 1258 года. Очевидно, жизнь далеко ушла впередъ за эти безъ малаго девять лѣтъ, если то, чего съ оружіемъ въ рукахъ не могли добиться поднявшіе борьбу противъ королевскаго деспотизма бароны, теперь возводилось въ законъ самой королевской властью въ моментъ полнаго ея торжества надъ всѣми ея врагами.

При преемникѣ Генриха III приглашеніе въ парламентъ, на ряду съ духовными и свѣтскими магнатами, и представителей отъ графствъ и отъ городовъ становится все болѣе и болѣе частымъ. Этому въ сильнѣйшей мѣрѣ способствовало то, что Эдуарду I приходилось вести безконечныя войны то съ Уэлзомъ, то съ Франціей, то съ Шотландіей и волей-неволей приходилось обращаться къ націи за помощью и поддержкой и для этого призывать ея представителей, такъ какъ инымъ путемъ добывать необходимыя для покрытія военныхъ расходовъ средства было крайне затруднительно и не всегда возможно. При всей властности своего характера и при всѣхъ своихъ автократическихъ замашкахъ Эдуардъ I принужденъ былъ признать и торжественно провозгласить великій политическій и конституціонный принципъ, согласно которому *то, что касается всѣхъ, должно быть всѣми одобрено*. Формулу эту встрѣчаемъ въ пригласительныхъ письмахъ, отправленныхъ королемъ архіепископамъ кентерберійскому и йоркскому и всѣмъ епископамъ Англіи и призывавшихъ ихъ въ парламентъ, который долженъ былъ собраться въ Уэстминстерѣ въ воскресенье послѣ зимняго Мартина въ 1295 году.

Парламентъ этотъ считается образцовымъ парламентомъ (a model parliament) по полнотѣ, съ какой въ немъ были представлены основные элементы англійскаго общества той поры. Присутствовать въ немъ были приглашены оба архі-

епископа, всѣ епископы, ихъ архидіаконы, пріоры капитуловъ ихъ епархій, по одному представителю отъ каждаго капитула и по два представителя отъ духовенства каждой епархіи, 67 аббатовъ, пріоръ госпитальеровъ и магистры двухъ другихъ духовно-рыцарскихъ орденовъ, семь графовъ и 41 баронъ, а также по два рыцаря отъ каждаго графства и по два горожанина отъ каждаго города. Духовные и свѣтскіе лорды получили именныя приглашенія отъ короля, при чемъ въ письмахъ къ архіепископамъ и епископамъ король просилъ ихъ явиться лично и прислать пріоровъ капитуловъ, архидіаконовъ и представителей отъ капитуловъ и отъ духовенства ихъ епархій; что же касается рыцарей отъ графствъ и представителей отъ городовъ, то они были приглашены приказами, отправленными королемъ шериффамъ (губернаторамъ) графствъ; этими приказами предписывалось шериффамъ каждому въ своемъ графствѣ немедленно же распорядиться о томъ, чтобы были избраны отъ каждаго графства по два рыцаря и отъ каждаго города и отъ каждаго бурга по два горожанина изъ болѣе уважаемыхъ и болѣе способныхъ къ труду (et ad laborandum potentioribus), и чтобы эти лица явились къ королю къ назначенному дню и въ указанное мѣсто, имѣя полномочіе исполнять здѣсь за себя и за общины своихъ графствъ и городовъ то, что здѣсь будетъ постановлено общимъ совѣтомъ.

Признавъ и торжественно провозгласивъ конституціонный принципъ въ его общей, отвлеченной формѣ („то, что касается всѣхъ, должно быть всѣми одобрено“), Эдуардъ I вскорѣ принужденъ былъ признать его и въ его совершенно реальномъ, вполнѣ конкретномъ примѣненіи. Произошло это всего лишь черезъ два года послѣ созыва „образцоваго“ парламента 1295 года.

Провозглашеніе политическаго принципа и облеченіе его въ плоть и кровь реальной дѣйствительности, это—двѣ различныя вещи, вовсе не слѣдующія съ логической необходимостью одна за другой, и событія 1297 года съ полной ясностью показали это, краснорѣчиво свидѣтельствуя о томъ,

что только наличность въ обществѣ организованныхъ силъ, готовыхъ и способныхъ отстаивать провозглашенный принципъ со всей энергіей жизненно заинтересованныхъ людей, можетъ превратить чисто теоретическое положеніе, подъ давленіемъ крайне затруднительныхъ обстоятельствъ оффиціально высказанное правительственною властью и даже облеченное въ форму вполнѣ дѣлового документа, въ жизненное начало реальнаго политическаго порядка, болѣе соотвѣтствующаго новому взаимоотношенію общественныхъ силъ, уже не вмѣщающихся въ старыхъ политическихъ рамкахъ. То, что идеологу представляется какъ борьба принциповъ, ихъ логическая игра, въ дѣйствительности представляетъ собою борьбу реальныхъ интересовъ общественныхъ группъ, въ теоретическихъ положеніяхъ находящихъ лишь свое выясненіе и болѣе или менѣе точную формулировку. Побѣда того или иного принципа, общественнаго или политическаго, означаетъ капитуляцію или просто уступку со стороны господствовавшей раньше группы, вынужденной предоставить другимъ группамъ право на общественное и политическое самоопредѣленіе, котораго до сихъ поръ они были лишены, и, какъ всякая побѣда, она является лишь завершеніемъ общественной борьбы. И англійскому обществу для того, чтобы окончательно упрочить конституціонный порядокъ, въ формѣ теоретическаго принципа признанный за нимъ главою правящей группы, пришлось опять вступить въ борьбу съ все еще не желавшей оставлять своей самодержавной позиціи королевскою властью, и, только одержавъ надъ ней на этотъ разъ безкровную, но отъ этого еще болѣе славную побѣду, ему удалось обезпечить себѣ активное участіе въ рѣшеніи судебъ страны. Этотъ моментъ въ исторіи политическаго освобожденія англійскаго общества вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы остановить на немъ вниманіе читателя.

VI.

Войны съ Уэлзомъ, Шотландіей и Франціей вызвали большое напряженіе платежныхъ силъ страны и создали почву

для общественнаго недовольства, тѣмъ болѣе серьезнаго, что Эдуардъ весьма нерѣдко прибѣгалъ къ совершенно произвольнымъ взиманіямъ, не дѣлая при этомъ исключенія ни для одного изъ общественныхъ классовъ,—ни для клира, ни для мірянъ, ни для землевладѣльцевъ, ни для городского населенія. Особенно тяжело приходилось купцамъ, вывозившимъ уже знаменитую тогда англійскую шерсть. Король заставлялъ ихъ платить ему огромныя вывозныя пошлины, а нерѣдко и просто приказывалъ брать у нихъ всю наличную шерсть и выдавать имъ расписки изъ государственнаго казначейства, по которымъ они могли бы потомъ получить слѣдуемое за шерсть вознагражденіе (что было для нихъ далеко не легкимъ дѣломъ).

Первымъ возвысило голосъ противъ такого безцеремоннаго хозяйничанья правительства въ общественныхъ карманахъ духовенство. Когда въ парламентѣ, засѣдавшемъ въ Эдмондсбери въ ноябрѣ 1296 года, король обратился къ присутствовавшимъ съ требованіемъ денегъ, архіепископъ кентерберійскій и примасъ Англіи Уинчелзи отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на изданную незадолго передъ тѣмъ папою Бонифаціемъ VIII буллу Clericis laicos, грозившую отлученіемъ духовенству, если оно будетъ платить, и свѣтскимъ властямъ, если они будутъ требовать десятую, двадцатую, сотую и пр. деньгу въ видѣ налога съ доходовъ или съ имущества церкви или ея служителей. Когда такой же отвѣтъ дала созванная архіепископомъ въ январѣ 1297 года конвокація изъ духовенства его провинціи, король объявилъ англійское духовенство лишеннымъ королевскаго покровительства, а затѣмъ и вовсе изъялъ его изъ подъ защиты законовъ. Въ отвѣтъ на это Уинчелзи отлучилъ отъ церкви враговъ ея. Тогда Эдуардъ приказалъ взять въ королевскую руку свѣтскіе фьефы духовенства кентерберійской провинціи.

Въ концѣ февраля король созвалъ въ Солсбери собраніе изъ однихъ свѣтскихъ бароновъ и предложилъ баронамъ отправляться на войну въ Гасконь, въ то время какъ самъ онъ отправится во Фландрію. Подъ разными предлогами ба-

роны стали отказываться. Тогда Эдуардъ заявилъ имъ, что онъ отниметъ у нихъ ихъ земли и отдастъ тѣмъ, кто пожелаетъ отправиться въ Гасконь. Между нимъ и вождями бароновъ: Рожеромъ Биго графомъ Норфокскимъ, маршаломъ Англіи, и Гэмфри Богеномъ графомъ Герефордскимъ, коннетаблемъ Англіи, произошло крупное пререканіе. Собраніе было прервано. Бароны разъѣхались и стали готовиться къ войнѣ съ королемъ.

Подъ знамена графовъ Норфокскаго и Герефордскаго собралось болѣе тридцати крупныхъ феодаловъ. Подъ ихъ командой находилась весьма внушительная по тому времени военная сила въ полторы тысячи хорошо вооруженныхъ всадниковъ. Не начиная еще военныхъ дѣйствій, бароны ограничивались пока тѣмъ, что не позволяли королевскимъ чиновникамъ собирать деньги, шерсть, шкуры и другіе предметы въ своихъ помѣстьяхъ.

Эдуардъ принялъ тонъ диктатора и издалъ повелѣніе, чтобы вся шерсть въ странѣ была взята въ королевскую руку, а купцамъ были выданы расписки. Столь же самовольно распорядился король, чтобы отъ каждаго графства было доставлено ему по 2000 четвертей пшеницы и столько же овса, а также запасъ говядины и свинины, а затѣмъ разослалъ по странѣ приказъ, чтобы всѣ, обладающіе земельнымъ доходомъ въ 20 фунтовъ стерл., чьими бы вассалами они ни были, конны и оружны являлись въ ополченіе, которое должно собраться въ Лондонѣ къ 7 іюля, а затѣмъ отправиться за море вмѣстѣ съ королемъ. Нужно замѣтить, что до сихъ поръ народное ополченіе никогда не созывалось для наступательной войны.

Къ назначенному сроку ополченіе собралось. Король созвалъ бароновъ въ соборъ св. Павла и предложилъ графамъ Норфокскому и Герефордскому приступить къ исполненію своихъ обязанностей маршала и коннетабля и составить списки ополченцевъ. И Биго, и Богенъ отказались повиноваться, ссылаясь на то, что они явились на собраніе не въ силу оффиціальнаго приказа, а по особой просьбѣ короля. Это былъ, конечно, лишь предлогъ, предлогъ, заранѣе обдуманный и об-

сужденный на собраніи, которое графы и бароны тайно устроили въ лѣсу на уэлзской границѣ, чтобы установить опредѣленный планъ дѣйствій. Отвѣтъ маршала и коннетабля привелъ короля въ сильнѣйшее раздраженіе, но въ то же время король почувствовалъ и понялъ, что имѣетъ дѣло съ организованной общественной силой, въ отношеніи къ которой полицейскія репрессіи безсильны и безплодны. Эдуардъ рѣшилъ апеллировать къ народу, предварительно помирившись съ архіепископомъ кентерберійскимъ и возвративъ ему конфискованныя владѣнія его каѳедры.

Современный хроникеръ оставилъ намъ описаніе чувствительной сцены, происшедшей 14 іюля передъ уэстминстерскимъ дворцомъ. На устроенный передъ дворцомъ деревянный помостъ взошелъ король съ наслѣдникомъ престола въ сопровожденіи примаса и графа Уорика и со слезами на глазахъ обратился къ народу съ рѣчью, въ которой, признавая, что, быть можетъ, онъ не такъ хорошо и мирно управлялъ, какъ бы слѣдовало королю, онъ просилъ народъ помнить, что тѣ частицы изъ народнаго имущества, которыя народъ далъ ему самъ или королевскіе слуги безъ его, короля, вѣдома, путемъ вымогательствъ взяли у народа, были истрачены имъ на дѣло защиты націи отъ враговъ, жаждущихъ ея погибели. Теперь онъ отправляется сражаться за народъ. Если ему удастся вернуться, пусть народъ приметъ его, какъ теперь принимаетъ, и онъ вернетъ народу все, взятое у него. Если же ему не суждено вернуться, пусть народъ коронуетъ себѣ въ короли его сына. По лицу архіепископа потекли слезы, и онъ обѣщалъ оставаться вѣрнымъ королю и исполнить все, о чемъ говорилъ король. Народъ поднятіемъ рукъ засвидѣтельствовалъ королю свои вѣрноподданническія чувства.

Бароны не присутствовали при этомъ. Они продолжали настаивать на безцѣльности и опасности похода во Фландрію, указывая на то, что страна и безъ того разорена и что королю слѣдуетъ прекратить поборы и болѣе серьезно соблюдать Великую Хартію, и рѣшительно отказывались идти съ королемъ на войну. Король предложилъ имъ подтвердить Ве-

ликую Хартію, если они дадутъ ему пособіе въ видѣ восьмой деньги за себя и пятой деньги съ городовъ. Не получивъ, повидимому, отъ нихъ удовлетворительнаго отвѣта, Эдуардъ обратился съ тѣмъ же предложеніемъ къ самымъ значительнымъ изъ явившихся въ ополченіе людей, пригласивъ ихъ въ свои апартаменты, и этотъ импровизированный парламентъ, находясь подъ не остывшимъ еще впечатлѣніемъ отъ сцены королевскаго всенароднаго покаянія—а руководители движенія, между тѣмъ, уже удалились,—разрѣшилъ ему просимое пособіе. Чувствуя, однако, всю неконституціонность такого шага, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю шаткость почвы, на которую онъ становился, король поручилъ архіепископу кентерберійскому вступить въ переговоры съ главами оппозиціи и склонить ихъ дать свое согласіе на разрѣшенный при такой крайне сомнительной обстановкѣ налогъ. Переговоры не привели ни къ чему, и король разослалъ приказъ о взиманіи налога, а также о захватѣ у купцовъ 8000 мѣшковъ шерсти и рѣшилъ немедленно же отправиться за море.

Но духъ его не былъ спокоенъ, и прежде, чѣмъ сѣсть на корабль, онъ счелъ необходимымъ еще разъ апеллировать къ народу. Съ этою цѣлью были разосланы по странѣ „открытыя письма“, въ которыхъ король напоминалъ о своей ссорѣ съ графами и о своихъ попыткахъ къ примиренію съ ними и опровергалъ слухъ, будто бы ему была представлена графами петиція съ жалобой на разнаго рода притѣсненія и будто бы онъ отказался принять ее; если такая петиція и существуетъ и въ ней содержатся жалобы на его частыя обращенія къ народу за пособіями, то онъ и самъ вполнѣ понимаетъ всю справедливость этихъ жалобъ, но проситъ народъ припомнить, что онъ истратилъ взятыя у него деньги не на пріобрѣтеніе территоріи, а на защиту себя и народа; если ему удастся вернуться, онъ съ радостью возмѣститъ все; если же не удастся, это сдѣлаютъ за него его наслѣдники; войны требуютъ интересы всѣхъ, и онъ долженъ исполнять свои обязанности.

Петиція, о которой говорилъ король, дѣйствительно суще-

ствовала, и онъ не успѣлъ еще покинуть англійскіе берега, какъ она была представлена ему отъ имени всѣхъ сословій королевства. „Вотъ бѣдствія, на которыя указываютъ государю-королю архіепископы, епископы, аббаты и пріоры, графы и бароны и вся община земли и смиренно просятъ его, чтобы онъ къ чести своей и для спасенія народа своего изволилъ ихъ исправить“. Таковы начальныя слова этого документа, за которыми слѣдуетъ обстоятельное изложеніе самыхъ бѣдствій. Указавъ на незаконность предъявленнаго королемъ общинѣ требованія отправляться во Фландрію, куда ни сами они, ни предки ихъ не призывались воевать, авторы петиціи заявляютъ, что, если бы даже они и обязаны были отправляться туда, то не могли бы этого сдѣлать, такъ какъ сильно угнетены разнаго рода налогами, пособіями и захватами (пшеницы, овса, солода, кожъ, быковъ, коровъ, солонины). Они не могутъ дать теперь пособія королю по причинѣ бѣдности, въ какую они впали благодаря этимъ налогамъ и захватамъ, такъ что имъ еле хватаетъ на житье, а есть многіе, у которыхъ нѣтъ никакихъ средствъ къ существованію, и они не въ состояніи воздѣлывать свои земли. Кромѣ того, вся страна чувствуетъ себя сильно угнетенной вслѣдствіе того, что съ ними не обращаются согласно законамъ и обычаямъ страны, какъ обращались обыкновенно съ ихъ предками, и вслѣдствіе того, что у нихъ нѣтъ теперь вольностей, которыя они привыкли имѣть... „Ибо многіе чувствуютъ себя угнетенными оттого, что они привыкли, чтобы съ ними обращались согласно статьямъ, содержащимся въ Великой Хартіи, всѣ статьи которой теперь выпущены къ величайшему ущербу для всего народа. Поэтому они просятъ государя нашего короля, чтобы онъ соизволилъ это исправить для своей чести и для спасенія своего народа“. За этимъ слѣдуютъ жалобы на несоблюденіе Лѣсной Ассизы и Лѣсной Хартіи и на налогъ на шерсть, чрезвычайно обременительный, доходящій до 40 шиллинговъ и до 7 марокъ ($= 13^1/_3$ шиллинг. $\times 7$) на мѣшокъ. Въ заключеніе община выражала королю самыя лучшія пожеланія, но не находила полезнымъ походъ во Фландрію.

Пользуясь тѣмъ, что часть его совѣта уже переправилась во Фландрію, король отказался дать отвѣтъ на эту петицію, заявивъ, что онъ не можетъ сдѣлать этого безъ своего совѣта, и, издавъ приказъ собрать съ духовенства третью часть его свѣтскихъ доходовъ (не дожидаясь результата совѣщаній конвокаціи кентерберійской провинціи, рѣшавшей вопросъ о субсидіи королю), 22 августа отправился во Фландрію, оставивъ сына своего Эдуарда регентомъ королевства.

Въ тотъ же день графы Норфокскій и Герефордскій въ сопровожденіи двухъ бароновъ явились въ Палату Шахматной Доски (иначе Палата Казначейства) и здѣсь выразили протестъ противъ захвата шерсти, произведеннаго по королевскому повелѣнію, и потребовали отъ бароновъ казначейства (членовъ палаты), чтобы они послали шериффамъ (губернаторамъ графствъ) приказъ пріостановить сборъ съ народа восьмой деньги, какъ незаконный, до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ формальное подтвержденіе Великой Хартіи. Къ нимъ присоединились лондонскіе горожане, которыхъ, по словамъ лѣтописца, они „склонили выступить совмѣстно съ ними за дѣло возстановленія своихъ вольностей“.

Узнавъ объ этомъ, король прислалъ распоряженіе, чтобы восьмую деньгу продолжали собирать, но издали бы прокламацію о томъ, что этотъ налогъ не будетъ служить прецедентомъ. Прокламація эта успѣха не имѣла. Правительству пришлось созвать парламентъ. Приглашены были въ него лишь духовные и свѣтскіе бароны и рыцари отъ графствъ. Мѣстомъ собранія былъ назначенъ Лондонъ. Графы Норфокскій и Герефордскій привели съ собой полторы тысячи всадниковъ и большой отрядъ отборныхъ пѣхотинцевъ и согласились войти въ городъ лишь послѣ того, какъ получили отъ правительства разрѣшеніе поставить у воротъ столицы свою стражу, „чтобы, вступивъ безъ оружія, они не оказались запертыми, какъ овцы въ овчарнѣ“. Въ парламентѣ графы категорически потребовали подтвержденія Великой Хартіи, дополненной новыми статьями, основанными на поданной королю въ августѣ петиціи и тутъ же представленными регенту. Регенту ничего не оставалось,

какъ согласиться на требованіе графовъ, такъ внушительно обставленное, и 10 октября онъ подтвердилъ Великую и Лѣсную Хартіи, утвердилъ новыя статьи Великой Хартіи и немедленно же отправилъ ихъ своему отцу для окончательнаго подтвержденія, которое и произошло 5 ноября (1297 года).

Новыя статьи, которыми была дополнена Великая Хартія послѣ этого *Подтвержденія Хартій* (Confirmatio Cartarum), дошли до насъ въ двухъ редакціяхъ, французской и латинской. Латинская редакція, такъ называемый *Статутъ о неразрѣшеніи налога* (Statutum de tallagio non concedento) отличается болѣе категорическимъ тономъ и, повидимому, представляетъ собою сокращенное и не вполнѣ точное изложеніе французскаго подлинника. Французскій текстъ состоитъ изъ семи статей. Въ первой статьѣ король доводитъ до общаго свѣдѣнія, что онъ подтвердилъ Великую Хартію Вольностей, а также Лѣсную Хартію, и требуетъ ихъ опубликованія и примѣненія ихъ всѣми должностными лицами въ королевствѣ, а во второй статьѣ объявляетъ не имѣющими юридической силы всѣ рѣшенія, постановленныя должностными лицами въ противность этимъ Хартіямъ. Въ третьей статьѣ король предписываетъ разослать эти хартіи съ его королевской печатью во всѣ каѳедральныя церкви, чтобы онѣ хранились тамъ и два раза въ годъ прочитывались передъ народомъ, а въ четвертой требуетъ, чтобы всѣ архіепископы и епископы подвергали великому отлученію всѣхъ, кто дѣломъ, словомъ или отвѣтомъ пойдетъ противъ этихъ хартій; отлученія эти должны произноситься дважды въ годъ; а кто не захочетъ этого дѣлать, того должны принудить къ этому архіепископы кентерберійскій и йоркскій. Въ пятой статьѣ король постановляетъ за себя и за своихъ наслѣдниковъ, что пособія деньгами и трудомъ, которыя были разрѣшены ему передъ этимъ для военныхъ и иныхъ надобностей, равно какъ и сдѣланные имъ захваты натурою ни въ какомъ случаѣ не будутъ сдѣланы прецедентомъ. „И пожаловали мы также“, читаемъ мы въ шестой статьѣ, „за себя и за нашихъ наслѣдниковъ архіепископамъ, епископамъ, аббатамъ и пріорамъ и другимъ людямъ

святой церкви, а также графамъ и баронамъ и всей общинѣ земли, что *мы ни для какой надобности не будемъ брать такого рода пособій и не будемъ дѣлать подобнаго рода захватовъ въ нашемъ королевствѣ иначе, какъ съ общаго согласія всего королевства и для общей пользы этого же королевства, исключая древнія пособія и захваты, слѣдуемые по закону и по обычаю*". Седьмою статьей король, удовлетворяя просьбу большей части общины королевства, отмѣняетъ несправедливую пошлину на шерсть, равную сорока шиллингамъ съ мѣшка, и постановляетъ, что впредь онъ не будетъ брать такой или иной какой пошлины безъ ихъ общаго согласія и ихъ доброй воли, оставляя, однако, себѣ и своимъ наслѣдникамъ пошлину на шерсть, шкуры и кожи, раньше разрѣшенную общиной королевства.

Оговорки, которыя мы сейчасъ видѣли въ послѣднихъ трехъ статьяхъ французскаго текста, отсутствуютъ въ соотвѣтствующихъ статьяхъ латинской редакціи этого документа. Тамъ мы читаемъ буквально слѣдующее:

I. „*Никакой налогъ или пособіе не будетъ впредь налагаться или взиматься въ королевствѣ нашемъ нами или наслѣдниками нашими безъ воли и общаго согласія архіепископовъ, епископовъ и другихъ прелатовъ, графовъ, барововъ, рыцарей, горожанъ и иныхъ свободныхъ людей въ королевствѣ нашемъ*".

II. „Никакой слуга нашъ или наслѣдниковъ нашихъ не будетъ брать хлѣба, шерсти, кожъ или другого чьего бы то ни было имущества безъ воли и согласія того, кому принадлежитъ это имущество".

III. „Впредь ничего не должны брать съ мѣшка шерсти подъ видомъ и названіемъ несправедливой пошлины".

Очевидно, оговорки нужны были лишь королю, чтобы хоть сколько-нибудь замаскировать свое пораженіе, свою капитуляцію передъ обществомъ и его организованными силами. Современникамъ же, равно какъ и послѣдующимъ поколѣніямъ, эта общественная побѣда являлась во всемъ своемъ блескѣ и во всей своей безусловной непререкаемости, и ла-

тинская версія „Статей, вставленныхъ въ Великую Хартію“, оставленная намъ однимъ хроникеромъ, передаетъ именно такое пониманіе смысла этого крупнаго событія въ исторіи политическаго освобожденія англійскаго народа.

Завоевавъ себѣ право вполнѣ самостоятельно распоряжаться своимъ достояніемъ для удовлетворенія государственныхъ надобностей, поставивъ взиманіе налоговъ въ необходимую зависимость отъ опредѣленно выраженнаго согласія самого общества, англійскій народъ пріобрѣлъ прочный базисъ для развитія своего политическаго самоопредѣленія въ тѣхъ формахъ, какія были подготовлены всѣмъ своеобразнымъ ходомъ его исторіи. Съ этихъ поръ парламентскій режимъ сталъ въ Англіи на вполнѣ твердую почву, въ особенности послѣ того, какъ былъ выдвинутъ и вошелъ въ жизнь принципъ, что субсидіи королю должны разрѣшаться парламентомъ лишь послѣ того, какъ правительство удовлетворитъ ходатайства, предъявленныя ему въ парламентѣ народными представителями. Естественнымъ заключеніемъ нашего очерка и будетъ общая характеристика англійскаго парламента въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сложился къ половинѣ слѣдующаго, четырнадцатаго столѣтія, когда принципъ, формулированный въ 1297 году все же съ серьезными оговорками, получилъ въ статутѣ 1340 года свое широкое теоретическое выраженіе въ томъ смыслѣ, что впредь народъ не могъ облагаться никакимъ налогомъ „иначе, какъ съ общаго согласія прелатовъ, графовъ, бароновъ и другихъ магнатовъ и общинъ королевства и въ парламентѣ“.

VII.

На англійскомъ парламентѣ съ рѣдкой отчетливостью запечатлѣлась вся своеобразная исторія англійскаго политическаго и соціальнаго развитія, и въ этомъ отношеніи онъ чрезвычайно интересенъ для всякаго, кто изучаетъ возникновеніе политическихъ и общественныхъ формъ. То своеобразное сочетаніе феодализма и широкой государственности, ко-

торое такъ характерно для англійской политической организаціи уже со второй половины одиннадцатаго вѣка, съ момента нормандскаго завоеванія, цѣликомъ отразилось и на организаціи англійскаго парламента съ его Верхней Палатой, или *Палатой Лордовъ,* и его Нижней Палатой, или *Палатой Общинъ,* уже окончательно сложившимися къ половинѣ четырнадцатаго столѣтія.

Самое слово *парламентъ* (parliamentum) вошло въ политическій обиходъ Англіи еще до того, какъ королевская власть стала приглашать для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ въ государствѣ выборныхъ представителей отъ графствъ и отъ городовъ. Намъ уже не одинъ разъ приходилось отмѣчать этотъ фактъ при изученіи событій, предшествовавшихъ установленію въ Англіи народнаго представительства. Но тогда это слово примѣнялось къ тому учрежденію, которое въ прежнее время обозначалось терминомъ *Великій Совѣтъ* (Magnum Concilium) и представляло собою собраніе духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ королевства, созывавшихся королемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ нуждался въ ихъ совѣтѣ и содѣйствіи. Все это были прямые вассалы короля. Но тѣмъ не менѣе это не было чисто феодальное учрежденіе, феодальный сеймъ, куда имѣлъ право быть приглашеннымъ каждый прямой вассалъ короля. Благодаря тому, что королевская власть въ Англіи съ Вильгельма Завоевателя, опираясь на народъ и на общенародныя учрежденія, сохранившіяся отъ англо-саксонской эпохи, имѣла возможность удержать за феодализмомъ роль лишь необходимой при господствѣ натуральнаго хозяйства формы организаціи правительственныхъ средствъ и поставить феодаловъ въ полное къ себѣ подчиненіе, какъ своихъ служилыхъ людей, эти послѣдніе не могли претендовать на то положеніе, которое занимали феодалы въ государствѣ съ слабой королевской властью, почти превратившейся въ формальный сюзеренитетъ (какъ это было, напримѣръ, во Франціи при первыхъ Капетингахъ); не могли они, въ частности, претендовать и на право присутствовать въ Великомъ Совѣтѣ. Король имѣлъ полную возможность звать въ этотъ

совѣтъ лишь тѣхъ изъ своихъ служилыхъ людей, съ мнѣніемъ которыхъ онъ находилъ нужнымъ въ данный моментъ считаться. Вслѣдствіе этого Великій Совѣтъ болѣе напоминаетъ *Собраніе Мудрыхъ* страны, *Витенагемотъ* англо-саксонской поры, чѣмъ феодальный сеймъ. Да къ тому же онъ и явился прямымъ продолженіемъ Витенагемота, который въ свою очередь сталъ пріобрѣтать къ концу англо-саксонскаго періода феодальный отпечатокъ, отражая на себѣ феодализаціонный процессъ, развивавшійся въ обществѣ.

Правда, нельзя отрицать и того, что среди самихъ феодаловъ, вообще, какъ мы знаемъ, далеко не склонныхъ мириться со скромной ролью служилыхъ людей, какую отводила имъ англійская государственность, и не разъ дѣлавшихъ попытки завоевать себѣ болѣе самостоятельное политическое положеніе, идея чисто феодальной постановки Великаго Совѣта была весьма популярна, и въ моменты, благопріятные феодальнымъ теченіямъ въ англійскомъ обществѣ, ей удавалось добиться и юридическаго признанія. Мы уже видѣли это, когда знакомились съ политическими идеями бароновъ, совмѣстно съ другими классами англійскаго общества заставившихъ Іоанна Безземельнаго подписать Великую Хартію Вольностей. Бароны, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ § 14 Великой Хартіи, ставили *общій совѣтъ королевства* (commune consilium regni nostri) на чисто феодальную почву, давая право на участіе въ немъ лишь прямымъ вассаламъ короля. Но этимъ феодальнымъ мечтамъ не суждено было осуществиться, и короли продолжали звать въ Великій Совѣтъ лишь тѣхъ, кого имъ было угодно звать изъ среды своихъ вассаловъ, и такой порядокъ удержался въ отношеніи къ баронамъ и тогда, когда вмѣстѣ съ ними стали приглашать для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ въ королевствѣ и выборныхъ представителей отъ графствъ и отъ городовъ, когда Великій Совѣтъ превратился въ *Верхнюю Палату* парламента.

Чтобы засѣдать въ этой *Палатѣ Лордовъ*, недостаточно было, какъ и въ прежнее время, когда существовалъ еще только одинъ Великій Совѣтъ, быть королевскимъ вассаломъ,

недостаточно было владѣть баронiей, или такъ называемой „баронской честью“ (равной $13^1/_3$ рыцарскихъ леновъ): для этого нужно было еще получить отъ короля спецiальное именное приглашенiе. Король могъ послать такое приглашенiе человѣку иного круга, а вовсе непремѣнно своему вассалу, напримѣръ, извѣстному юристу, знанiя котораго могли пригодиться собранiю, которому нерѣдко приходилось рѣшать сложные юридическiе вопросы. Съ теченiемъ времени установился принципъ, въ силу котораго, разъ данное лицо получило отъ короля хотя бы однажды такое приглашенiе, оно этимъ самымъ прiобрѣтало для себя и для своихъ потомковъ право пожизненно засѣдать въ Верхней Палатѣ, становилось наслѣдственнымъ совѣтникомъ короля, пэромъ королевства. Но и это установленiе принципа наслѣдственности по отношенiю къ членамъ Палаты Лордовъ не ослабляло тѣмъ не менѣе всей реальности того факта, что источникомъ права засѣдать въ Верхней Палатѣ являлась воля короля, стоявшая выше феодальныхъ правъ и принциповъ. Такимъ образомъ, если можетъ быть рѣчь о Палатѣ Лордовъ, какъ о феодальномъ элементѣ англiйскаго парламента, то только съ тѣми ограниченiями, какiя необходимо дѣлать вообще, когда мы говоримъ объ англiйскомъ феодализмѣ. На Палатѣ Лордовъ этотъ феодализмъ отпечатлѣлся со всѣмъ своеобразiемъ своей общей постановки въ условiяхъ политическаго развитiя англiйскаго общества, какъ оно опредѣлилось съ момента норманд-скаго завоеванiя.

Еще болѣе своеобразный продуктъ политическаго развитiя средневѣковой Англiи представляетъ собою *Нижняя Палата*, или *Палата Общинъ* (the House of Commons) въ томъ ея видѣ, въ какомъ она является въ разсматриваемую нами эпоху. Если своей верхней палатой англiйскiй парламентъ отразилъ на себѣ англiйскiй феодализмъ во всемъ его своеобразiи, то своей Палатой Общинъ онъ всецѣло стоитъ на англо-саксонской, до-феодальной и анти-феодальной почвѣ. Если своей Верхней Палатой онъ примыкаетъ въ извѣстной мѣрѣ къ французскимъ Генеральнымъ Штатамъ и аналогичнымъ имъ

собраніямъ *государственныхъ чиновъ,* характеризующимъ такъ называемую *сословную монархію,* эту своеобразную форму широкой государственности, построенной на феодальныхъ началахъ, то его Нижняя Палата сильно отклоняетъ его отъ этого политическаго образца. Палата Общинъ менѣе всего можетъ быть отождествлена съ „третьимъ чиномъ“ (tiers état) Генеральныхъ Штатовъ средневѣковой Франціи, состоявшимъ, какъ извѣстно, изъ представителей отъ городовъ, этихъ коллективныхъ сеньерій феодальной Франціи, изъ представителей интересовъ торговаго и промышленнаго класса.

Нижняя Палата средневѣковаго англійскаго парламента представляла интересы не какого-либо одного класса, но всей свободной массы населенія Англіи, за исключеніемъ сравнительно небольшой группы свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ, получившихъ отъ короля именныя приглашенія засѣдать въ Палатѣ Лордовъ. Наряду съ депутатами отъ городовъ въ Нижней Палатѣ присутствовали и такъ называемые *рыцари отъ графствъ* (Knights of the shire), представлявшіе интересы всѣхъ свободныхъ землевладѣльцевъ графства ниже ранга личныхъ совѣтниковъ короны, членовъ верхней палаты. Нижняя Палата есть собраніе представителей мѣстныхъ корпорацій свободныхъ людей, мѣстныхъ общинъ (communitates или universitates по средневѣковой терминологіи), какими являлись графства и города. Она сама есть организованная корпорація выборныхъ представителей этихъ мѣстныхъ корпорацій (communitas communitatum).

Намъ уже приходилось говорить о той роли, какую англійское всесословное графство, это главное наслѣдіе англо-саксонской эпохи, играло въ политической жизни страны, въ особенности послѣ реформъ Генриха II, внесшихъ такъ много жизни въ „народныя собранія“ графствъ и такъ тѣсно связавшихъ ихъ дѣятельность съ дѣятельностью центральныхъ органовъ суда и управленія. Приходилось уже намъ указывать и на то, какъ часто „народныя собранія“ графствъ прибѣгали къ выбору комиссій въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ нужно было сноситься съ присланными въ графство коро-

левскими агентами какъ по финансовымъ, такъ и по всякимъ инымъ дѣламъ. Еще задолго до того, какъ представители отъ графствъ стали призываться въ парламентъ для совмѣстнаго съ духовными и свѣтскими баронами обсужденія съ королемъ дѣлъ королевства, этимъ выбраннымъ отъ „народныхъ собраній“ графствъ „полноправнымъ и честнымъ“ рыцарямъ очень часто приходилось обсуждать такія дѣла или по крайней мѣрѣ договариваться насчетъ приведенія въ исполненіе принятыхъ при ихъ обсужденіи рѣшеній съ командированными въ графство королевскими чиновниками.

Эти избранные „народнымъ собраніемъ“ графства „честные и полноправные рыцари“ какъ на мѣстѣ, такъ и въ парламентѣ представляли интересы всѣхъ свободныхъ землевладѣльцевъ графства безъ различія военныхъ держателей (рыцарей въ собственномъ смыслѣ) и простыхъ свободныхъ держателей (фриголдеровъ), державшихъ свои земли какъ непосредственно отъ короля (прямыхъ королевскихъ вассаловъ), такъ и отъ другихъ лордовъ (сеньеровъ),—словомъ, интересы всѣхъ тѣхъ, кто составлялъ общину, корпорацію графства (communitas) и на собраніяхъ графства отправлялъ всѣ судебныя, политическія, административныя и фискальныя обязанности, лежавшія на графствѣ, какъ на исконной организаціи мѣстныхъ силъ для общегосударственныхъ цѣлей.

Крупные бароны, свѣтскіе и духовные, не принимали участія въ жизни графства: ихъ держанія (лены) освобождали ихъ отъ лежавшей на всѣхъ другихъ землевладѣльцахъ обязанности являться въ „народныя собранія“ графства, и даже къ пріѣзду въ графство королевскихъ странствующихъ судей, когда необходимо было присутствіе въ собраніи всѣхъ, на комъ только лежала эта повинность, бароны могли ограничиваться присылкой своихъ управляющихъ. Ихъ ареной было не „народное собраніе“ графства, а Великій Совѣтъ. По отношенію къ нимъ всѣ остальные землевладѣльцы графства, естественно, чувствовали свою способность и сознавали общность своихъ интересовъ въ противоположность интересамъ этихъ магнатовъ, далеко не склонныхъ стоять за нихъ

передъ королемъ и его сановниками въ Великомъ Совѣтѣ и въ то же время рѣшавшихъ здѣсь за нихъ вопросы обложенія.

Уже съ момента нормандскаго завоеванія среднie и мелкie землевладѣльцы были главною опорою королевской власти противъ крупныхъ феодаловъ, усиленіе которыхъ было бы равносильнымъ ихъ угнетенію. Только въ рѣдкіе моменты общественнаго возбужденія, вызваннаго обостреніемъ правительственнаго произвола, являлась солидарность между феодалами и свободной массой; но и въ такіе моменты эта послѣдняя имѣла всѣ основанія еще разъ убѣждаться въ томъ, что ея интересы и интересы феодаловъ далеко не совпадаютъ. Достаточно припомнить чисто феодальную постановку общаго совѣта королевства въ Великой Хартіи и чисто олигархическую конституцію 1258 года. Все это должно было сплачивать свободныхъ землевладѣльцевъ графствъ въ солидарныя общественныя группы и развивать въ нихъ сознаніе своихъ отдѣльныхъ интересовъ, которые съ возникновеніемъ парламента и получили своихъ представителей въ лицѣ засѣдавшихъ въ Нижней Палатѣ рыцарей отъ графствъ.

Но не одними семьюдесятью четырьмя рыцарями графствъ, сильными своей солидарностью и органической связью съ послaвшими ихъ мѣстными организаціями, были представлены въ Нижней Палатѣ интересы свободной массы. Наряду съ рыцарями здѣсь засѣдали и представители отъ городовъ, представители интересовъ ремесленниковъ и купцовъ. Если рыцари отъ графствъ представляли интересы средняго и мелкаго землевладѣнія, то депутаты отъ городовъ являлись представителями интересовъ движимаго, денежнаго капитала, который все болѣе и болѣе привлекалъ фискальное вниманіе правительства по мѣрѣ осложненія государственныхъ задачъ и увеличенія потребностей фиска. Обложеніе движимости становилось наряду съ поземельнымъ налогомъ въ разныхъ его формахъ однимъ изъ главныхъ источниковъ правительственныхъ средствъ англійскаго королевства, и чѣмъ дальше, тѣмъ значеніе его все болѣе и болѣе увеличивалось. Англія начала вести крупную торговлю

шерстью и кожами, и эти продукты становятся главнымъ предметомъ обложенія и всякаго рода фискальныхъ манипуляцій. Естественно, что интересы начавшаго играть такую видную роль денежнаго капитала рано или поздно должны были получить и политическое признаніе, и ихъ представители должны были занять мѣсто въ парламентѣ, въ его Нижней Палатѣ. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ, какъ мы знаемъ, Симономъ де-Монфоромъ, призвавшимъ въ парламентъ 1265 года, наряду съ двумя рыцарями отъ каждаго графства, и по двое горожанъ отъ Йорка, Линкольна и „прочихъ бурговъ Англіи“, а также отъ „бароновъ и честныхъ мужей“ Пяти Портовъ, и съ конца столѣтія приглашеніе въ парламентъ по два представителя отъ городовъ становится такимъ же обычнымъ явленіемъ, какъ и призывъ рыцарей отъ графствъ.

Рыцари отъ графствъ, съ одной стороны, и депутаты отъ городовъ, съ другой, были представителями двухъ соціальныхъ слоевъ, въ условіяхъ англійскаго политическаго развитія нашедшихъ почву для взаимнаго сближенія, которое должно было отразиться и на дѣятельности Нижней Палаты. „Народное собраніе“ графства было той ареной, на которой давно уже сообща дѣйствовали землевладѣльцы и представители города. На обычныхъ ежемѣсячныхъ собраніяхъ графства горожане не присутствовали, освобожденные отъ этой повинности своими городскими привилегіями и, въ частности, правомъ имѣть собственный судъ внутри своихъ стѣнъ (а эти ежемѣсячныя собранія и созывались прежде всего для судебныхъ цѣлей). Но на экстренныя собранія, созывавшіяся въ полномъ составѣ къ пріѣзду странствующихъ судей и въ другихъ важныхъ случаяхъ, всѣ лежавшіе въ предѣлахъ графства города обязаны были высылать по двѣнадцати своихъ представителей, которые и должны были участвовать вмѣстѣ съ остальными членами собранія въ отправленіи всѣхъ обязанностей, лежавшихъ на собраніи, какъ судебныхъ, такъ и всякихъ иныхъ, и въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ вопросовъ (и прежде всего фискальныхъ), съ

какими обращалась къ нимъ центральная власть черезъ своихъ агентовъ.

Эта совмѣстная дѣятельность въ собраніяхъ графства, общія мѣстныя связи и общая потребность отстаивать интересы пославшихъ ихъ общественныхъ организацій отъ всякихъ поползновеній со стороны засѣдавшихъ въ Верхней Палатѣ феодаловъ,—все это должно было постепенно сблизить рыцарей отъ графствъ съ представителями отъ городовъ, сплотить ихъ въ одно организованное цѣлое и тѣмъ сообщить Нижней Палатѣ авторитетъ и силу, которыхъ не имѣлъ и не могъ имѣть „третій чинъ“ французскихъ Генеральныхъ Штатовъ, состоявшій изъ однихъ горожанъ, предоставленныхъ самимъ себѣ и лишенныхъ той поддержки, какую депутаты англійскихъ городовъ находили у рыцарей графствъ, не менѣе рыцарей, чѣмъ бароны Верхней Палаты, и далеко не склонныхъ поступаться своимъ достоинствомъ передъ этими послѣдними. Неудивительно, что уже въ четырнадцатомъ вѣкѣ политическій центръ тяжести утвердился въ Нижней Палатѣ, въ Палатѣ Общинъ, этой корпораціи выборныхъ представителей организованныхъ корпорацій свободныхъ людей страны, той самой свободной массы, которая еще съ Вильгельма Завоевателя, укрѣпивъ свою связь съ королевской властью, пересиливала феодальные элементы и отводила имъ сравнительно скромное мѣсто въ политической жизни страны.

Въ теченіе нѣкотораго времени въ Нижней Палатѣ засѣдали и выборные представители отъ низшаго духовенства. Какъ мы видѣли, въ парламентъ 1295 года были приглашены Эдуардомъ I черезъ архіепископовъ и епископовъ пріоры капитуловъ и архидіаконы, а также по одному уполномоченному отъ каждаго капитула и по двое уполномоченныхъ отъ духовенства каждой епархіи. Реальнымъ основаніемъ для этой попытки короля ввести въ парламентъ представителей массы духовенства (духовные бароны вмѣстѣ со свѣтскими засѣдали въ Палатѣ Лордовъ) была все развивавшаяся практика обложенія церковной движимости, т.-е. церковной десятины и другихъ чисто церковныхъ доходовъ. Но духовен-

ство предпочитало обсуждать и рѣшать вопросы церковнаго обложенія на своихъ собственныхъ, чисто сословныхъ собраніяхъ, на такъ называемыхъ *конвокаціяхъ*, организованныхъ на началѣ представительства и обыкновенно собиравшихся (одна въ Кентербери для духовенства кентерберійской провинціи, а другая въ Йоркѣ для духовенства йоркской провинціи) одновременно съ парламентомъ; здѣсь оно чувствовало себя болѣе обезпеченнымъ отъ давленія со стороны свѣтской власти и сравнительно скоро вовсе перестало посылать своихъ депутатовъ въ Палату Общинъ.

Въ такія формы отлился англійскій парламентъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Но уже къ концу тринадцатаго столѣтія онъ сталъ на вполнѣ твердую почву послѣ того, какъ англійское общество завоевало себѣ драгоцѣнное право давать правительству для удовлетворенія потребностей государства лишь то, что само общество разрѣшало ему черезъ своихъ свободно избранныхъ представителей. „Пусть государь такъ царствуетъ, чтобы у него никогда не являлось надобности не обращаться къ своимъ подданнымъ“, мечталъ авторъ поэмы „Битва при Льюисѣ“, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ конституціоналисты, сражавшіеся подъ знаменами Монфора. Прошло всего тринадцать лѣтъ, и эта мечта стала суровымъ фактомъ политической дѣйствительности, и тѣмъ, кто не хотѣлъ признавать его, суждено было „увидѣть результатъ этого въ своей погибели“. Какія испытанія ни выпадали потомъ на долю англійскаго общества, но они не могли уже отнять у него того, что дали ему побѣды, одержанныя имъ надъ абсолютизмомъ въ тринадцатомъ вѣкѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Великая Хартія Вольностей.

Іоаннъ, Божьей милостью король Англіи, сеньеръ Ирландіи, герцогъ Нормандіи и Аквитаніи, и графъ Анжу, архіепископамъ, епископамъ, аббатамъ, графамъ, баронамъ, юстиціаріямъ, чинамъ лѣсного вѣдомства, шериффамъ, бэйлиффамъ, слугамъ и всѣмъ должностнымъ лицамъ и вѣрнымъ своимъ привѣтъ. Знайте, что мы по Божьему внушенію и для спасенія души нашей и всѣхъ предшественниковъ и наслѣдниковъ нашихъ, въ честь Бога и для возвышенія святой церкви и для улучшенія королевства нашего, по совѣту достопочтенныхъ отцовъ нашихъ Стефана, кентерберійскаго архіепископа, примаса всей Англіи и святой римской церкви кардинала, Генриха, дублинскаго архіепископа, Уилльяма лондонскаго, Петра уинчестерскаго, Жослена базскаго и гластонберійскаго, Гугона линкольнскаго, Уолтера устерскаго, Уилльяма ковентрійскаго и Бенедикта рочестерскаго епископовъ; магистра Пандульфа, сеньера папы субдіакона и члена его двора, брата Эймерика, магистра храмового воинства въ Англіи, и благородныхъ мужей: Уилльяма Маршалла графа Пемброка, Уильяма графа Солсбери, Уильяма графа Уоррена, Уилльяма графа Аронделла, Алана де-Галлоуэй констабля Шотландіи, Уорена, сына Джеролда, Петра, сына Гереберта, Губерта de-Burgo, сенешала Пуату, Гугона де-Невилль, Матвѣя, сына Гереберта, Томаса Бассета, Алана Бассета, Филиппа д'Обиньи, Роберта де-Ропсли, Джона Маршала, Джона, сына Гугона, и другихъ вѣрныхъ нашихъ.

1. Во-первыхъ, дали мы передъ Богомъ свое согласіе и настоящей хартіей нашей подтвердили за насъ и за наслѣдниковъ нашихъ на вѣчныя времена, чтобы англійская церковь была свободна и владѣла своими правами въ цѣлости и своими вольностями неприкосновенными, что̀ явствуетъ изъ того, что свободу выборовъ, которая признается важнѣйшей и болѣе всего необходимой англійской церкви, мы по чистой и доброй волѣ, еще до несогласія, возникшаго между нами и баронами нашими, пожаловали и грамотой нашей подтвердили и получили подтвержденіе ея отъ сеньера папы Иннокентія Третьяго, которую и мы будемъ соблюдать, и желаемъ, чтобы ее добросовѣстно на вѣчныя времена соблюдали и наслѣдники наши. Пожаловали мы также всѣмъ свободнымъ людямъ королевства нашего за насъ и за наслѣдниковъ нашихъ на вѣчныя времена всѣ нижеписанныя вольности, чтобы имѣли ихъ и владѣли ими они и ихъ наслѣдники отъ насъ и отъ наслѣдниковъ нашихъ.

2. Если кто изъ графовъ или бароновъ или другихъ держателей, держащихъ отъ насъ непосредственно (in capite) за военную повинность, умретъ, и въ моментъ его кончины наслѣдникъ его будетъ совершеннолѣтенъ и обязанъ будетъ платить рельефъ, то онъ (наслѣдникъ) долженъ получить свое наслѣдство послѣ уплаты стариннаго рельефа, т.-е. наслѣдникъ или наслѣдники графа (долженъ уплатить) за цѣлую графскую баронію сто фунтовъ (стерлинговъ), наслѣдникъ или наслѣдники барона за цѣлую баронію сто фунтовъ, наслѣдникъ или наслѣдники рыцаря, владѣющаго цѣлымъ рыцарскимъ фьефомъ, сто шиллинговъ самое большее; а кто меньше долженъ платить, пусть и даетъ меньше, согласно древнему обычаю фьефовъ.

3. Если же наслѣдникъ кого-либо изъ такихъ (держателей) окажется несовершеннолѣтнимъ и находящимся подъ опекой, то, достигнувъ совершеннолѣтія, пусть получаетъ свое наслѣдство безъ уплаты рельефа и пошлины.

4. Опекунъ земли этого наслѣдника, который несовершеннолѣтенъ, долженъ брать съ земли наслѣдника только умѣ-

ренные доходы и умѣренные обычные платежи и умѣренныя повинности, и при этомъ не нанося ущерба и разоренія ни людямъ, ни вещамъ; и если мы поручимъ опеку какой-либо изъ такихъ земель шериффу или кому-либо другому, который долженъ будетъ давать намъ отчетъ о доходахъ ея, и онъ разоритъ и опустошитъ эту находящуюся подъ его опекой землю, то мы возьмемъ съ него штрафъ, и земля пусть будетъ поручена двумъ полноправнымъ и честнымъ людямъ изъ этого фьефа, которые и будутъ давать отчетъ о доходахъ намъ или тому, кому мы назначимъ; и если мы подаримъ или продадимъ кому-либо опеку надъ какой-нибудь изъ такихъ земель, и онъ произведетъ на ней разореніе или опустошеніе, то онъ лишится этой опеки, и она будетъ передана двумъ полноправнымъ и честнымъ людямъ изъ этого фьефа, которые такимъ же образомъ, какъ сказано выше, будутъ давать намъ отчетъ.

5. Опекунъ же, пока будетъ держать въ опекѣ землю, будетъ поддерживать дома, парки, помѣщенія для скота, пруды, мельницы и прочее, относящееся къ этой землѣ, изъ доходовъ этой земли и обязанъ будетъ передать наслѣднику, когда тотъ достигнетъ совершеннолѣтія, всю его землю снабженной плугами и другимъ сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ, сколько требуется его въ рабочее время и сколько можно имѣть его, сообразуясь разумно съ доходами съ земли.

6. Наслѣдники будутъ вступать въ бракъ такъ, чтобы не было неравнаго брака, и такимъ при томъ образомъ, чтобы до заключенія брака объ этомъ доводилось до свѣдѣнія ближнихъ изъ кровныхъ родственниковъ самого наслѣдника.

7. Вдова послѣ смерти мужа своего немедленно же и безъ всякихъ затрудненій пусть получаетъ приданое и свое наслѣдство и пусть ничего не платитъ за свою вдовью часть или за свое приданое, или за свое наслѣдство, каковымъ наслѣдствомъ мужъ ея и сама она владѣли въ день смерти мужа, и пусть остается въ домѣ своего мужа въ теченіе сорока дней послѣ смерти его, въ теченіе которыхъ ей будетъ выдѣлена ея вдовья часть.

8. Никакая вдова не должна быть принуждаема къ браку, пока желаетъ жить безъ мужа, такъ, однако, чтобы представила ручательство, что не выйдетъ замужъ безъ нашего согласія, если она отъ насъ держитъ, или безъ согласія своего сеньера, отъ котораго она держитъ, если она отъ кого-либо другого (а не отъ насъ) держитъ.

9. Ни мы, ни наши чиновники не будемъ захватывать ни земли, ни дохода съ нея за долгъ, пока движимости должника достаточно для уплаты долга; и поручители самого должника не будутъ принуждаемы (къ уплатѣ его долга), пока самъ главный должникъ будетъ въ состояніи уплатить долгъ; и если главный должникъ окажется не въ состояніи уплатить долгъ, не имѣя откуда заплатить, поручители отвѣчаютъ за долгъ и, если пожелаютъ, могутъ получить земли и доходы должника и владѣть ими до тѣхъ поръ, пока не получатъ возмѣщенія долга, который они передъ этимъ за него уплатили, если только главный должникъ не докажетъ, что онъ уже разсчитался съ этими поручителями.

10. Если кто возьметъ что-нибудь, больше или меньше, взаймы у евреевъ и умретъ раньше, чѣмъ этотъ долгъ будетъ уплаченъ, долгъ этотъ не будетъ давать процентовъ, пока наслѣдникъ (умершаго) будетъ несовершеннолѣтенъ, отъ кого бы онъ ни держалъ (свою землю), и если долгъ этотъ попадетъ въ наши руки, мы взыщемъ только то имущество, которое значится въ долговомъ обязательствѣ.

11. Если кто умретъ, оставшись должнымъ евреямъ, жена его должна получить свою вдовью часть и ничего не обязана давать въ уплату этого долга; и если у умершаго остались дѣти несовершеннолѣтнія, имъ должно быть обезпечено необходимое соотвѣтственно держанію умершаго, а изъ остатка долженъ быть уплаченъ долгъ, но такъ, чтобы повинности, слѣдуемыя сеньерамъ (умершаго), не потерпѣли при этомъ никакого ущерба; такимъ же образомъ надлежитъ поступать и съ долгами другимъ, не евреямъ.

12. Ни щитовыя деньги, ни пособіе (auxilium) не должны взиматься въ королевствѣ нашемъ иначе, какъ по общему

совѣту королевства нашего (nisi per commune consilium regni nostri), если это не для выкупа нашего изъ плѣна и не для возведенія въ рыцари перворожнаго сына нашего и не для выдачи первымъ бракомъ замужъ дочери нашей первородной; и для этого должно выдавать лишь умѣренное пособіе; подобнымъ же образомъ надлежитъ поступать и относительно пособій съ города Лондона.

13. И городъ Лондонъ долженъ имѣть всѣ древнія вольности и свободные свои обычаи какъ на сушѣ, такъ и на водѣ. Кромѣ того, мы желаемъ и сонзволяемъ, чтобы всѣ другіе города и бурги, и мѣстечки, и порты имѣли всѣ вольности и свободные свои обычаи.

14. А для того, чтобы имѣть общій совѣтъ королевства при обложеніи пособіемъ въ другихъ случаяхъ, кромѣ трехъ вышеназванныхъ, или для обложенія щитовыми деньгами, мы повелимъ позвать архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ и старшихъ бароновъ (majores barones) нашими письмами за нашей печатью; и кромѣ того повелимъ позвать огуломъ, черезъ шериффовъ и бэйлиффовъ нашихъ, всѣхъ тѣхъ, которые держатъ отъ насъ непосредственно (in capite); (повелимъ позвать мы всѣхъ ихъ) къ опредѣленному дню, т.-е. по меньшей мѣрѣ за сорокъ дней до срока, и въ опредѣленное мѣсто; и во всѣхъ этихъ призывныхъ письмахъ объяснимъ причину приглашенія; и когда будутъ такимъ образомъ разосланы приглашенія, въ назначенный день будетъ приступлено къ дѣлу при участіи и совѣтѣ тѣхъ, которые окажутся налицо, хотя бы и не всѣ приглашенные явились.

15. Мы не позволимъ впредь никому брать пособіе съ своихъ свободныхъ людей, кромѣ какъ для выкупа его изъ плѣна и для возведенія въ рыцари его перворожнаго сына и для выдачи замужъ первымъ бракомъ его первородной дочери; и для этого надлежитъ брать лишь умѣренное пособіе.

16. Никто не долженъ быть принуждаемъ къ несенію большей службы за свой рыцарскій ленъ или за другое свободное держаніе, чѣмъ та, какая слѣдуетъ съ него.

17. Общія тяжбы не должны слѣдовать за нашей куріей, но должны разбираться въ какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ.

18. Разслѣдованія о новомъ захватѣ, о смерти предшественника и о послѣднемъ представленіи на приходъ должны производиться только въ своихъ графствахъ и такимъ образомъ: мы или, если мы будемъ находиться за предѣлами королевства, нашъ верховный юстиціарій, будемъ посылать двухъ судей въ каждое графство четыре раза въ годъ, которые вмѣстѣ съ четырьмя рыцарями каждаго графства, избранными графствомъ, должны будутъ разбирать въ графствѣ въ опредѣленный день и въ опредѣленномъ мѣстѣ графства вышеназванныя ассизы.

19. И если въ день, опредѣленный для собранія графства, вышеназванныя ассизы не могутъ быть разсмотрѣны, то должно остаться столько рыцарей и свободныхъ держателей изъ тѣхъ, которые присутствовали въ этотъ день въ собраніи графства, чтобы съ ихъ помощью могли быть составлены надлежащимъ образомъ судебные приговоры, соотвѣтственно тому, болѣе важное или менѣе важное будетъ каждое изъ дѣлъ (подлежащихъ ихъ рѣшенію).

20. Свободный человѣкъ будетъ штрафоваться за малый проступокъ только сообразно роду проступка, а за большой проступокъ будетъ штрафоваться сообразно важности проступка, при чемъ должно оставаться неприкосновеннымъ его основное имущество (salvo contenemento suo); такимъ же образомъ (будетъ штрафоваться) и купецъ, и его товаръ останется неприкосновеннымъ; и виллань такимъ же образомъ будетъ штрафоваться, и у него останется неприкосновеннымъ его инвентарь, если они подвергнутся штрафу съ нашей стороны; и никакой изъ названныхъ выше штрафовъ не будетъ наложенъ иначе, какъ на основаніи клятвенныхъ показаній честныхъ людей изъ сосѣдей (обвиняемыхъ).

21. Графы и бароны будутъ штрафоваться не иначе, какъ при посредствѣ своихъ пэровъ, и не иначе, какъ сообразно роду проступка.

22. Клирикъ будетъ штрафоваться въ качествѣ держателя своего свѣтскаго держанія не иначе, чѣмъ другіе (держатели), названные выше, а не сообразно величинѣ своей церковной бенефиціи.

23. Ни община, ни отдѣльный человѣкъ не должны быть принуждаемы сооружать мосты на рѣкахъ, кромѣ тѣхъ, которые издревле обязаны дѣлать это по праву.

24. Ни шериффъ, ни констебль, ни коронеры, ни другіе чиновники наши не должны разбирать дѣлъ, подсудныхъ нашей коронѣ.

25. Всѣ графства, сотни, уэпентеки и трети [1]) должны отдаваться на откупъ за плату, какая установлена издревле, безъ всякой надбавки, за исключеніемъ нашихъ доменіальныхъ помѣстій.

26. Если кто-либо, держащій отъ насъ свѣтскій ленъ, умретъ, и шевиффъ или бэйлиффъ нашъ предъявитъ нашъ приказъ объ уплатѣ долга, который умершій долженъ былъ намъ, то пусть шериффъ или бэйлифъ нашъ наложитъ запрещеніе на движимое имущество умершаго, найденное на свѣтскомъ ленѣ, и составитъ ему опись въ размѣрѣ суммы этого долга, въ присутствіи полноправныхъ людей, такъ, однако, чтобы ничего не было отчуждено изъ этого имущества, пока не будетъ уплаченъ намъ долгъ, вполнѣ выяснившійся; а остатокъ пусть будетъ оставленъ душеприказчикамъ, чтобы они могли выполнить завѣщаніе умершаго; а если ничего намъ онъ не былъ долженъ, то вся движимость пусть будетъ оставлена за умершимъ, при чемъ должны быть обезпечены женѣ его и дѣтямъ слѣдуемыя имъ части.

27. Если какой-либо свободный человѣкъ умретъ безъ завѣщанія, движимость его пусть будетъ распредѣлена руками близкихъ родственниковъ его и друзей подъ наблюденіемъ

---

[1]) Англія дѣлилась на графства, а графства на сотни; Йоркское же графство (Йоркширъ) дѣлилось на трети (trethingi, иначе ridings), а трети на wapentakes. *Примѣч. переводчика.*

церкви, при чемъ должна быть обезпечена уплата долговъ каждому, кому умершій былъ долженъ.

28. Ни констебль, ни другой какой-либо нашъ чиновникъ не долженъ брать ни у кого хлѣбъ или другое имущество иначе, какъ немедленно же уплативъ за него деньги или же получивъ отъ продавца добровольное согласіе на отсрочку (уплаты).

29. Никакой констебль не долженъ принуждать рыцаря платить деньги взамѣнъ охраны замка, если тотъ желаетъ лично охранять его или черезъ другого честнаго человѣка, если самъ онъ не можетъ сдѣлать этого по уважительной причинѣ; а если мы поведемъ или пошлемъ его въ походъ, онъ будетъ свободенъ отъ обязанности охраны замка соразмѣрно времени, въ теченіе какого онъ былъ въ походѣ по нашему повелѣнію.

30. Никакой шериффъ или бэйлиффъ нашъ или кто-либо другой не долженъ брать лошадей или повозки у какого-либо свободнаго человѣка для перевозки иначе, какъ съ согласія этого свободнаго человѣка.

31. Ни мы, ни чиновники наши не будемъ брать лѣсъ для укрѣпленій или для другихъ надобностей нашихъ иначе, какъ съ согласія самого того, кому этотъ лѣсъ принадлежитъ.

32. Мы не будемъ удерживать у себя земель тѣхъ, кто обвиненъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, дольше года и дня, а затѣмъ земли эти должны быть возвращены сеньерамъ этихъ леновъ.

33. Всѣ запруды на будущее время должны быть совсѣмъ сняты съ Темзы и съ Медуэя и по всей Англіи, кромѣ берега моря.

34. Приказъ, называемый *Praecipe*, впредь не долженъ выдаваться кому бы то ни было о какомъ-либо держаніи, вслѣдствіе чего свободный человѣкъ могъ бы потерять свою курію.

35. Одна мѣра вина пусть будетъ по всему нашему королевству, и одна мѣра пива, и одна мѣра хлѣба, именно

лондонская четверть, и одна ширина крашеныхъ суконъ и некрашеныхъ и суконъ для панцырей, именно два локтя между краями; то же, что о мѣрахъ, пусть относится и къ вѣсамъ.

36. Ничего впредь не слѣдуетъ давать и брать за приказъ о разслѣдованіи о жизни или членахъ, но онъ долженъ выдаваться даромъ, и въ немъ не должно быть отказа.

37. Если кто держитъ отъ насъ per feodifirmam или per socagium или per burgagium [1]), а отъ кого-либо другого держитъ землю за военную повинность (рыцарскую службу), мы не будемъ имѣть опеки надъ наслѣдникомъ и надъ землею его, которую онъ держитъ отъ другого, на основаніи этой feodifirmae, или socagii, или burgagii; не будемъ мы имѣть опеки и надъ этой feodifirma, или надъ socagium, или надъ burgagium, если сама эта feodifirma не обязываетъ нести военную повинность. Мы не будемъ имѣть опеки надъ наслѣдникомъ или надъ какой-либо землею, которую онъ держитъ отъ другого за рыцарскую службу, на томъ основаніи, что онъ (въ то же время) и отъ насъ держитъ землю на правѣ parvae sergenteriae, обязанный давать намъ ножи или стрѣлы или что-либо подобное.

38. Впредь никакой чиновникъ не долженъ привлекать кого-либо къ отвѣту (на судѣ, съ примѣненіемъ ордаліи) лишь на основаніи своего собственнаго устнаго заявленія, не привлекая для этого заслуживающихъ довѣрія свидѣтелей.

39. Ни одинъ свободный человѣкъ не будетъ арестованъ или заключенъ въ тюрьму, или лишенъ владѣнія, или объявленъ стоящимъ внѣ закона, или изгнанъ, или какимъ-либо (инымъ) способомъ обездоленъ, и мы не пойдемъ на него и не пошлемъ на него иначе, какъ по законному приговору равныхъ его (его пэровъ) и по закону страны.

40. Никому не будемъ продавать права и справедливости, никому не будемъ отказывать въ нихъ или замедлять ихъ.

---

1) Feodifirma, socagium и burgagium—разные виды свободнаго, но не военнаго, не рыцарскаго держанія, именно: денежное держаніе, простое свободное держаніе и городское держаніе (держаніе по городскому праву).
Примѣч. переводчика.

41. Всѣ купцы должны имѣть право свободно и безопасно выѣзжать изъ Англіи и въѣзжать въ Англію, и пребывать, и ѣздить по Англіи, какъ на сушѣ, такъ и по водѣ, для того, чтобы покупать и продавать безъ всякихъ незаконныхъ пошлинъ, уплачивая лишь старинныя и справедливыя, обычаемъ установленныя пошлины, за исключеніемъ военнаго времени и если они будутъ изъ земли, воюющей противъ насъ; и если такіе окажутся въ нашей землѣ въ началѣ войны, они должны быть задержаны безъ ущерба для ихъ тѣла и имущества, пока мы или великій юстиціарій нашъ не узнаемъ, какъ обращаются съ купцами нашей земли, находящимися тогда въ землѣ, воюющей противъ насъ; и если наши тамъ въ безопасности, то и тѣ другіе должны быть въ безопасности въ нашей землѣ.

42. Каждому пусть впредь будетъ позволено выѣзжать изъ нашего королевства и возвращаться въ полной безопасности, по сушѣ и по водѣ, лишь сохраняя вѣрность намъ; изъятіе дѣлается, въ интересахъ общей пользы королевства, только для нѣкотораго короткаго времени въ военное время; исключаются сидящіе въ заключеніи и поставленные, согласно закону королевства, внѣ закона, а также люди изъ земли, воюющей съ нами, и купцы, съ которыми надлежитъ поступать такъ, какъ сказано выше.

43. Если кто держалъ землю, принадлежащую къ какому-нибудь выморочному лену, какъ баронія Уоллингфордъ, Ноттингэмъ, Булонь, Лэнкастеръ или другіе выморочные лены, которые находятся въ нашей рукѣ и представлютъ собою бароніи, и умеръ, то наслѣдникъ его дастъ не какой-либо иной рельефъ и будетъ нести не какую-либо иную службу, а лишь тотъ рельефъ, какой онъ давалъ бы барону, и ту службу, какую онъ несъ бы барону, если бы баронія находилась въ рукахъ (самого) барона; и мы такимъ же образомъ будемъ держать ее, какимъ держалъ ее (самъ) баронъ.

44. Люди, которые живутъ за предѣлами лѣсного округа, впредь не должны являться передъ нашими лѣсными судьями въ силу общихъ приглашеній, если они не являются сторо-

ною въ дѣлѣ или поручителями кого-либо изъ тѣхъ, которые привлечены къ суду по лѣснымъ дѣламъ.

45. Мы будемъ назначать судей, констеблей, шериффовъ и бэйлиффовъ лишь изъ тѣхъ, которые знаютъ законъ королевства и имѣютъ желаніе его добросовѣстно исполнять.

46. Всѣ бароны, которые основали аббатства и имѣютъ грамоты англійскихъ королей или старинныя держательскія права въ отношеніи къ нимъ, должны имѣть опеку надъ ними на время вакансій, какъ имъ надлежитъ имѣть.

47. Всѣ лѣса, которые стали заповѣдными королевскими лѣсами при насъ, немедленно же должны перестать быть ими; такъ же надлежитъ поступать и съ рѣками, которыя были объявлены нами заповѣдными.

48. Всѣ дурные обычаи, существующіе относительно заповѣдныхъ королевскихъ лѣсовъ и выдѣленныхъ въ нихъ для охоты заповѣдныхъ мѣстъ, а также должностныхъ лицъ, завѣдующихъ этими лѣсами и мѣстами, шериффовъ и ихъ слугъ, рѣкъ и ихъ охранителей, немедленно же должны быть подвергнуты разслѣдованію въ каждомъ графствѣ черезъ посредство двѣнадцати присяжныхъ рыцарей изъ того же графства, которые должны быть избраны честными людьми того же графства, и въ теченіе сорока дней послѣ того, какъ будетъ произведено разслѣдованіе, должны быть ими совершенно уничтожены, чтобы больше никогда не возобновляться, такъ, однако, чтобы мы предварительно объ этомъ были увѣдомлены или нашъ юстиціарій, если мы не будемъ находиться въ Англіи.

49. Всѣхъ заложниковъ и (всѣ) грамоты, которые были выданы намъ англичанами въ обезпеченіе мира или вѣрной службы, мы немедленно возвратимъ.

50. Мы совсѣмъ отстранимъ отъ должностей родственниковъ Жерара de Athyes, чтобы впредь они не занимали никакой должности въ Англіи, Анжелара de Cygony, Петра и Жіона и Андрея de Cancellis, Жіона de Cygony, Жофруа de Martyny и его братьевъ, Филиппа Марка и братьевъ его и Жофруа, племянника его, и все потомство ихъ.

51. И немедленно же послѣ возстановленія мира удалимъ изъ королевства всѣхъ иноземныхъ рыцарей, стрѣлковъ, сержантовъ, наемниковъ, которые прибыли съ лошадьми и оружіемъ во вредъ королевству.

52. Если кто былъ лишенъ нами, безъ законнаго приговора своихъ пэровъ, (своихъ) земель, (своихъ) замковъ, (своихъ) вольностей или своего права, мы немедленно же вернемъ ему ихъ; и если объ этомъ возникла тяжба, пусть будетъ рѣшена она по приговору двадцати пяти бароновъ, о которыхъ сдѣлано упоминаніе ниже, гдѣ идетъ рѣчь о гарантіи мира; относительно же всего того, чего кто-либо былъ лишенъ безъ законнаго приговора своихъ пэровъ королемъ Генрихомъ, отцомъ нашимъ, или королемъ Ричардомъ, братомъ нашимъ, и что находится въ нашихъ рукахъ или чѣмъ другіе владѣютъ подъ нашимъ обезпеченіемъ, мы получимъ отсрочку до конца обычнаго срока принявшихъ крестъ; исключеніе составляетъ то, о чемъ уже начата тяжба или уже произведено разслѣдованіе по нашему повелѣнію передъ принятіемъ нами креста; когда же мы вернемся изъ нашего паломничества или, если случится, что воздержимся отъ нашего паломничества, мы немедленно же окажемъ относительно этого полную справедливость.

53. Такую же отсрочку мы будемъ имѣть и такимъ же образомъ и въ оказаніи справедливости относительно лѣсовъ, которые должны перестать быть заповѣдными королевскими лѣсами, и тѣхъ, которые останутся заповѣдными королевскими лѣсами, которые Генрихъ, отецъ нашъ, или Ричардъ, братъ нашъ, объявили заповѣдными королевскими лѣсами, и относительно опеки земель, входящихъ въ составъ чужого феода, каковую (опеку) мы до сихъ поръ имѣли на томъ основаніи, что кто-либо (держащій землю отъ другого сеньера) въ то же время держалъ феодъ и отъ насъ за рыцарскую службу, и относительно аббатствъ, которыя основаны были на чужомъ феодѣ, а не на нашемъ, относительно которыхъ сеньеръ феода заявилъ свое право; и когда вернемся или если воздержимся отъ нашего паломни-

чества, относительно этого тотчасъ же окажемъ полную справедливость.

54. Никто не долженъ подвергаться аресту и заключенію въ тюрьму по жалобѣ женщины, если она жалуется по случаю смерти кого-либо иного, а не своего мужа.

55. Всѣ пошлины, которыя были уплачены намъ несправедливо и противъ закона страны, и всѣ штрафы, уплаченные несправедливо и противъ закона страны, пусть будутъ преданы полному забвенію или пусть съ ними будетъ поступлено по приговору двадцати пяти бароновъ, о которыхъ упоминается ниже, гдѣ идетъ рѣчь о гарантіи мира, или по приговору большинства ихъ совмѣстно съ вышеназваннымъ Стефаномъ, кентерберійскимъ архіепископомъ, если онъ будетъ имѣть возможность присутствовать, и съ другими, которыхъ онъ пожелаетъ для этого позвать съ собою; а если онъ не будетъ имѣть возможности присутствовать, дѣло тѣмъ не менѣе и безъ него пусть идетъ такъ (при этомъ), что если въ подобной тяжбѣ будетъ выступать какой-либо или какіе-либо изъ вышеназванныхъ двадцати пяти бароновъ, то они устраняются, поскольку дѣло идетъ о рѣшеніи этой тяжбы, а на ихъ мѣсто и только для этого назначаются другіе остальными изъ этихъ двадцати пяти и даютъ присягу.

56. Если мы лишили уэлзцевъ земель, или вольностей, или чего-либо иного безъ законнаго приговора ихъ пэровъ въ Англіи или въ Уэлзѣ, пусть онѣ будутъ имъ немедленно возвращены; и если объ этомъ возникла (уже) тяжба, въ такомъ случаѣ пусть разбирается она въ (уэлзской) маркѣ ихъ пэрами, о держаніяхъ англійскихъ по англійскому праву, о уэлзскихъ держаніяхъ по уэлзскому праву, о держаніяхъ въ предѣлахъ марки по праву марки. Такъ же пусть поступаютъ уэлзцы съ нами и съ нашими.

57. Относительно же того, чего былъ лишенъ кто-либо изъ уэлзцевъ безъ законнаго приговора своихъ пэровъ королемъ Генрихомъ, нашимъ отцомъ, и королемъ Ричардомъ, братомъ нашимъ, что мы держимъ въ нашей рукѣ или что другіе держатъ за нашимъ поручительствомъ, мы будемъ

имѣть отсрочку до конца обычнаго срока принявшихъ крестъ, за исключеніемъ того, относительно чего уже возбуждена тяжба или произведено разслѣдованіе по нашему повелѣнію передъ принятіемъ нами креста; когда же мы вернемся, или если случится, что не отправимся въ наше паломничество, мы немедленно же окажемъ имъ относительно этого полную справедливость по законамъ уэлзцевъ и сообразно съ указанными выше мѣстностями.

58. Мы возвратимъ сына Левелина немедленно же, а также всѣхъ уэлзскихъ заложниковъ и грамоты, которыя были выданы намъ въ обезпеченіе мира.

59. Мы поступимъ съ Александромъ, королемъ шотландцевъ, относительно возвращенія его сестеръ и заложниковъ и относительно вольностей ихъ и ихъ права въ согласіи съ тѣмъ способомъ, какимъ мы поступимъ съ другими нашими англійскими баронами, если только не должно быть поступлено (съ нимъ) иначе въ силу грамотъ, которыя мы имѣемъ отъ его отца Вильгельма, нѣкогда короля шотландцевъ; и это будетъ сдѣлано по приговору ихъ пэровъ въ куріи нашей.

60. Всѣ же тѣ вышеназванные обычаи и вольности, какіе только мы соблаговолили признать подлежащими соблюденію въ нашемъ королевствѣ, насколько это касается насъ въ отношеніи къ нашимъ (вассаламъ), всѣ въ нашемъ королевствѣ, какъ міряне, такъ и клирики, обязаны соблюдать, насколько это касается ихъ въ отношеніи къ ихъ вассаламъ.

61. Послѣ же того, какъ мы, для Бога и для улучшенія королевства нашего и для болѣе успѣшнаго умиротворенія раздора, родившагося между нами и баронами нашими, все это вышеназванное пожаловали, желая, чтобы они пользовались этимъ прочно и нерушимо на вѣчныя времена, создаемъ и жалуемъ имъ нижеписанную гарантію, именно: чтобы бароны избрали двадцать пять бароновъ изъ королевства, кого пожелаютъ, которые должны всѣми силами блюсти и охранять и заставлять блюсти миръ и вольности, какія мы имъ пожаловали и этой настоящей хартіей нашей подтвер-

дили, такимъ именно образомъ, чтобы, если мы или нашъ юстиціарій, или бэйлиффы наши, или кто-либо изъ слугъ нашихъ, въ чемъ-либо противъ кого-либо погрѣшимъ или какую-либо изъ статей мира или гарантіи нарушимъ, и нарушеніе это будетъ указано четыремъ баронамъ изъ вышеназванныхъ двадцати пяти бароновъ, эти четыре барона явятся къ намъ или къ юстиціарію нашему, если мы будемъ находиться за предѣлами королевства, указывая намъ нарушеніе, и потребуютъ, чтобы мы безъ замедленія исправили его. И если мы не исправимъ нарушенія или, если мы будемъ за предѣлами королевства, юстиціарій нашъ не исправитъ (его) въ теченіе времени сорока дней, считая съ того времени, когда было указано это нарушеніе намъ или юстиціарію нашему, если мы находились за предѣлами королевства, то вышеназванные четыре барона докладываютъ это дѣло остальнымъ изъ двадцати пяти бароновъ, и тѣ двадцать пять бароновъ совмѣстно съ общиною всей земли будутъ принуждать и тѣснить насъ всѣми способами, какими только могутъ, то-есть путемъ захвата замковъ, земель, владѣній и всѣми другими способами, какими могутъ, пока не будетъ исправлено (нарушеніе) согласно ихъ рѣшенію; неприкосновенной остается (при этомъ) наша личность и личность королевы нашей и дѣтей нашихъ; а когда исправленіе будетъ сдѣлано, они опять будутъ повиноваться намъ, какъ дѣлали прежде. И кто въ странѣ захочетъ, принесетъ клятву, что для исполненія всего вышеназваннаго будетъ повиноваться приказаніямъ вышеназванныхъ двадцати пяти бароновъ и что будетъ тѣснить насъ по мѣрѣ силъ своихъ вмѣстѣ съ ними, и мы открыто и свободно даемъ разрѣшеніе каждому давать присягу, кто пожелаетъ дать ее, и никому никогда не воспрепятствуемъ дать присягу. Всѣхъ же въ странѣ, которые сами добровольно не пожелаютъ давать присягу двадцати пяти баронамъ относительно принужденія и тѣсненія насъ совмѣстно съ ними, мы заставимъ дать присягу нашимъ приказомъ, какъ сказано выше. И если кто-либо изъ двадцати пяти бароновъ умретъ или удалится изъ

страны или какимъ-либо инымъ образомъ лишится возможности выполнить вышеназванное, остальные изъ вышеназванныхъ двадцати пяти бароновъ должны избрать по собственному рѣшенію другого на его мѣсто, который подобнымъ же образомъ принесетъ присягу, какъ и прочіе. Во всемъ же, что поручается исполнять тѣмъ двадцати пяти баронамъ, если случится, что сами двадцать пять будутъ присутствовать, и между ними о чемъ-либо возникнетъ несогласіе, или если нѣкоторые изъ нихъ, получивъ приглашеніе явиться, не пожелаютъ или не будутъ въ состояніи явиться, пусть считается рѣшеннымъ и твердымъ то, что большая часть тѣхъ, которые присутствовали, постановила или повелѣла, такъ, какъ будто бы согласились на этомъ всѣ двадцать пять; и вышеназванные двадцать пять должны принести присягу, что все вышесказанное будутъ соблюдать вѣрно и заставлять (другихъ) соблюдать всѣми зависящими отъ нихъ способами. И мы ничего ни отъ кого не будемъ домогаться, какъ сами, такъ и черезъ кого-либо другого, благодаря чему какая-либо изъ этихъ уступокъ и вольностей могла бы быть отмѣнена или уменьшена; и если бы что-либо такое было достигнуто, пусть оно считается недѣйствительнымъ и неимѣющимъ значенія, и мы никогда не воспользуемся имъ ни сами, ни черезъ посредство кого-либо другого.

62. И всякое зложелательство, ненависть и злобу, возникшія между нами и вассалами (homines) нашими, клириками и мірянами, со времени раздора, мы всѣмъ отпускаемъ и прощаемъ. Кромѣ того, всѣ правонарушенія, совершонныя по поводу этого раздора отъ Пасхи года царствованія нашего шестнадцатаго до возстановленія мира, мы вполнѣ всѣмъ отпускаемъ, клирикамъ и мірянамъ, и, сколько насъ это касается, вполнѣ прощаемъ. И кромѣ того мы повелѣли написать для нихъ открытыя удостовѣренія отъ имени сеньера Стефана, архіепископа кентерберійскаго, сеньера Генриха, архіепископа дублинскаго, и вышеназванныхъ епископовъ и магистра Пандульфа объ этой гарантіи и вышеназванныхъ пожалованіяхъ.

63 Поэтому мы желаемъ и крѣпко наказываемъ, чтобы англійская церковь была свободна, и чтобы люди въ королевствѣ нашемъ имѣли и держали всѣ названныя выше вольности, права, уступки и пожалованія надлежаще и въ мирѣ, свободно и спокойно, въ полнотѣ и въ цѣлости для себя и для наслѣдниковъ своихъ отъ насъ и отъ наслѣдниковъ нашихъ во всемъ и вездѣ на вѣчныя времена, какъ сказано выше. Была принесена клятва какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны бароновъ, что все это вышеназванное добросовѣстно и безъ злого умысла будетъ соблюдаться. Свидѣтелями были вышеназванные и многіе другіе. Дано рукою нашею на лугу, который называется Рэннимидъ, между Уиндзоромъ и Стэнзомъ, въ пятнадцатый день іюня, въ годъ царствованія нашего семнадцатый.

II.

Баронскія статьи.

(1215 г.).

Это—статьи, о которыхъ бароны просятъ и на которыя король даетъ согласіе.

1. Послѣ кончины предшественниковъ наслѣдники совершеннолѣтніе будутъ получать свое наслѣдство, уплачивая старинный рельефъ, который долженъ быть опредѣленъ въ грамотѣ.

2. Наслѣдники несовершеннолѣтніе и находящіеся подъ опекой, когда станутъ совершеннолѣтними, будутъ получать свое наслѣдство безъ уплаты рельефа и пошлины.

3. Опекунъ земли наслѣдника долженъ получать умѣренные доходы, обычные платежи и службы, не нанося ущерба и разоренія ни людямъ, ни ихъ имуществу; и если опекунъ земли произведетъ разореніе и ущербъ, онъ долженъ потерять опеку; и опекунъ будетъ поддерживать дома, парки, помѣщенія для скота, пруды, мельницы и пр., относящіеся къ этой землѣ, изъ доходовъ съ этой же земли; и чтобы наслѣдники такъ вступали въ бракъ, чтобы не выходило неравныхъ браковъ, и съ совѣта близкихъ ихъ родственниковъ по крови.

4. Чтобы вдова ничего не давала за свою вдовью часть или за свое приданое послѣ кончины своего мужа, но оставалась въ его домѣ въ теченіе 40 дней послѣ его смерти, и чтобы въ теченіе этого срока ей была выдана вдовья часть; и пусть она немедленно же получитъ свое приданое и свое наслѣдство.

5. Король или бэйлиффъ не будетъ брать за долгъ какую бы то ни было землю, пока достаточнымъ обезпеченіемъ является движимость должника; и поручители должника не должны принуждаться къ уплатѣ долга, пока главный (самъ) должникъ въ состояніи уплатить долгъ; если же главный должникъ не уплатитъ долга, то поручители его, если пожелаютъ, пусть владѣютъ землями должника, пока долгъ этотъ не будетъ полностью уплаченъ, если главный должникъ не будетъ въ состояніи доказать, что онъ разсчитался уже съ поручителями.

6. Король не будетъ позволять никакому барону брать вспомоществованіе съ своихъ свободныхъ людей, если только это не для выкупа его изъ плѣна и не для возведенія въ рыцари его первороднаго сына и не для выдачи замужъ первымъ бракомъ его первородной дочери, да и это онъ сдѣлаетъ съ помощью умѣреннаго вспомоществованія.

7. Чтобы никто не отправлялъ большей службы съ рыцарскаго лена, чѣмъ та, какая съ него слѣдуетъ.

8. Чтобы общія тяжбы не слѣдовали за куріей сеньера короля, но назначались для разбора въ какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ; и чтобы разслѣдованія производились въ тѣхъ же графствахъ и такимъ способомъ: чтобы король посылалъ двухъ юстиціаріевъ 4 раза въ годъ, которые съ 4 рыцарями того же графства, избранными графствомъ, разбирали бы ассизы о новомъ захватѣ, о смерти предшественника и о послѣднемъ представленіи на приходъ, и чтобы никто изъ-за этого не призывался (въ собраніе графства) кромѣ присяжныхъ и обѣихъ сторонъ.

9. Чтобы свободный человѣкъ подвергался штрафу за малый проступокъ сообразно съ родомъ проступка, а за большой проступокъ сообразно величинѣ проступка, и при этомъ его основное имущество оставалось бы неприкосновеннымъ; чтобы и виллань такимъ же образомъ подвергался штрафу, съ сохраненіемъ въ неприкосновенности его инвентаря; и чтобы купецъ такимъ же образомъ, съ сохраненіемъ въ неприкосновенности его товара, при посредствѣ клятвы честныхъ людей изъ сосѣдства.

10. Чтобы клирикъ подвергался штрафу со своего свѣтскаго лена такимъ же образомъ, какъ и другіе передъ этимъ названные, а не сообразуясь съ его церковнымъ бенефиціемъ.

11. Чтобы никакая община не подвергалась штрафу изъза сооруженія мостовъ по берегамъ рѣкъ, если это не тамъ, гдѣ они должны были находиться по праву съ древнихъ временъ.

12. Чтобы мѣра вина, хлѣба и ширина суконъ и другихъ предметовъ была исправлена; то же и съ вѣсами.

13. Чтобы ассизы о новомъ захватѣ и о смерти предшественника заносились въ регистръ (abbrevientur); то же должно дѣлать и съ другими ассизами.

14. Чтобы шериффъ не вмѣшивался въ тяжбы, подвѣдомственныя коронѣ, помимо коронеровъ; и чтобы графства и сотни отдавались на откупъ за старинныя фирмы безъ всякой надбавки; изъятіе должно быть сдѣлано лишь для мэноровъ, принадлежащихъ къ королевскому домэну.

15. Если кто изъ держателей короля умретъ, шериффу или другому чиновнику короля будетъ позволено вступить во владѣніе его движимостью и описать ее въ присутствіи полноправныхъ людей, такъ, чтобы ничто изъ нея не было взято, пока не будетъ полнѣе выяснено, не долженъ ли онъ чего сеньеру королю, и въ такомъ случаѣ долгъ короля долженъ быть уплаченъ, а остальное должно быть оставлено душеприказчикамъ для выполненія завѣщанія умершаго; а если не было никакого долга королю, то вся движимость должна быть оставлена за умершимъ.

16. Если свободный человѣкъ умретъ безъ завѣщанія, то имущество его должно быть распредѣлено руками его ближайшихъ родственниковъ и друзей и подъ наблюденіемъ церкви.

17. Чтобы вдовы не принуждались къ выходу замужъ, пока желаютъ жить безъ мужа, но такъ, однако, чтобъ онѣ представили гарантію, что не выйдутъ замужъ безъ согласія короля, если онѣ держатъ отъ короля, или своихъ сеньеровъ, отъ которыхъ онѣ держатъ.

18. Чтобы констэбль или другой чиновникъ не бралъ хлѣба или другой движимости иначе, какъ немедленно уплачивая за нее деньги или получивъ съ согласія продавца отсрочку уплаты.

19. Чтобы констэбль не могъ заставлять рыцаря давать деньги вмѣсто охраны замка, если тотъ желаетъ осуществлять эту охрану самолично или черезъ посредство другого честнаго человѣка, если по уважительной причинѣ самъ не можетъ ее отправлять; и если король поведетъ его въ походъ, то онъ долженъ быть свободенъ отъ обязанности охраны соотвѣтственное количество времени.

20. Чтобы шериффъ или бэйлиффъ короля или другой кто не бралъ лошадей или телѣгъ свободнаго человѣка для перевозки иначе, какъ съ его согласія.

21. Чтобы король или его чиновникъ не бралъ чужого лѣса для постройки замка или для другихъ своихъ надобностей иначе, какъ съ согласія того, чей этотъ лѣсъ.

22. Чтобы король не держалъ землю тѣхъ, что были осуждены за тяжкое преступленіе, дольше года и дня, но по истеченіи этого срока пусть она будетъ передана сеньеру феода.

23. Чтобы всѣ запруды совсѣмъ были убраны съ Темзы и Медуэйя и по всей Англіи.

24. Чтобы приказъ, который называется *Praecipe*, впредь никому не выдавался о какомъ-либо держаніи, благодаря чему свободный человѣкъ могъ бы потерять свою курію.

25. Если кто безъ суда былъ лишенъ королемъ владѣнія или долгое время былъ лишенъ имъ возможности вступить во владѣніе землями, вольностями и своимъ правомъ, немедленно онъ долженъ быть возстановленъ въ своихъ правахъ; и если споръ возникъ объ этомъ, то онъ долженъ быть рѣшенъ судомъ 25 бароновъ; и чтобы тѣ, кто былъ лишенъ владѣнія отцомъ или братомъ короля, получили свое право безъ замедленія по приговору своихъ пэровъ въ куріи короля; и если король долженъ имѣть отсрочку, какъ и другіе принявшіе крестъ, тогда архіепископъ и епископы произне-

суть объ этомъ приговоръ къ опредѣленному дню безапелляціоппо.

26. Чтобы ничего не давали за приказъ о разслѣдованіи о жизни или членахъ, но пусть опъ свободно выдается безъ платы, и пусть никому не будетъ въ немъ отказа.

27. Если кто держитъ отъ короля per feodi firmam, per sokagium или per burgagium, (денежное держаніе, простое свободное держаніе и городское держаніе), а отъ кого-либо другого per servitium militis (за рыцарскую службу), то сеньеръ король не будетъ имѣть опеки въ отношеніи къ рыцарскому лену, который тотъ держитъ отъ другого, изъ-за того только, что онъ держитъ и отъ него burgagium или sokagium; не долженъ онъ имѣть опеки и въ отношеніи къ burgagium, sokagium или feodi firma; и чтобы свободный человѣкъ не терялъ своихъ правъ, связанныхъ съ рыцарскимъ леномъ, изъ-за малыхъ сержантизъ, т.-е. въ отношеніи къ тѣмъ, которые (держа отъ нихъ рыцарскій ленъ, въ то же время отъ короля) держатъ какое-нибудь держаніе и даютъ за него (королю) ножи или стрѣлы или что-либо подобное.

28. Чтобы никакой чиновникъ не могъ никого привлекать къ отвѣту (на судѣ съ помощью ордалій) лишь на основаніи своего собственнаго устнаго заявленія безъ привлеченія заслуживающихъ довѣрія свидѣтелей.

29. Чтобы личность свободнаго человѣка не могла быть подвергнута аресту, заключена въ тюрьму или лишена правъ на владѣніе своею землею, или поставлена внѣ закона, или изгнана или какимъ-либо способомъ обездолена, и чтобы король не шелъ на него и не посылалъ на него силы иначе, какъ по приговору его пэровъ и по закону страны.

30. Чтобы право не продавалось и не замедлялось и не возбранялось.

31. Чтобы купцы безопасно уходили и приходили для купли и продажи, безъ всякихъ несправедливыхъ пошлинъ и съ старинными и справедливыми платежами.

32. Чтобы щитовыя деньги или вспомоществованіе (auxilium) не налагались въ королевствѣ иначе, какъ съ общаго

совѣта королевства, если это не для выкупа короля и не для возведенія въ рыцари его первороднаго сына и не для выдачи замужъ первымъ бракомъ дочери его первородной, и для этого должно быть наложено умѣренное вспомоществованіе. Подобнымъ же образомъ надо поступать и относительно принудительныхъ сборовъ и вспомоществованій (de tallagiis et auxiliis) съ города Лондона и съ другихъ городовъ, которые имѣютъ относительно этого вольности; и чтобы городъ Лондонъ въ полнотѣ имѣлъ старинныя вольности и свободные обычаи свои какъ на землѣ, такъ и на водѣ.

33. Чтобы каждому позволено было уѣзжать изъ королевства и возвращаться, сохраняя вѣрность сеньеру королю, за исключеніемъ нѣкотораго короткаго времени во время войны изъ-за общей пользы королевства.

34. Если кто возьметъ что-нибудь, больше или меньше, взаймы у евреевъ и умретъ раньше, чѣмъ этотъ долгъ будетъ уплаченъ, долгъ этотъ не будетъ давать процентовъ, пока наслѣдникъ (умершаго) будетъ несовершеннолѣтнимъ, отъ кого бы онъ ни держалъ (свою землю); и если этотъ долгъ попадетъ въ руки короля, король взыщетъ только ту основную сумму, которая содержится въ долговомъ обязательствѣ.

35. Если кто умретъ, оставшись должнымъ евреямъ, жена его должна получить свою вдовью часть, а если останутся дѣти, имъ должно быть обезпечено необходимое, сообразуясь съ держаніемъ (умершаго), и изъ остатка долженъ быть уплаченъ долгъ, но такъ, чтобы повинности, слѣдуемыя съ держанія сеньерамъ (умершаго), не потерпѣли при этомъ никакого ущерба; подобнымъ же образомъ слѣдуетъ поступать и съ другими долгами; и чтобы опекунъ земли передавалъ наслѣднику, когда тотъ придетъ въ совершенный возрастъ, его землю снабженной всѣмъ необходимымъ въ той мѣрѣ, въ какой она можетъ быть снабжена по своимъ доходамъ плугами и другими хозяйственными орудіями.

36. Если кто держитъ землю, входящую въ составъ какого-нибудь выморочнаго лена, какъ баронія Уолингфордъ, Нотингэмъ, Булонь и Лэнкастеръ, или другихъ выморочныхъ

совѣта королевства.

леновъ, которые находятся въ рукѣ короля и представляютъ собою баронiи, и умретъ, то его наслѣдникъ не будетъ давать другого рельефа и не будетъ нести королю другой повинности, чѣмъ та, какую онъ несъ бы самому барону; и чтобы король такимъ же образомъ держалъ этотъ лепъ, какъ держалъ его самъ баронъ.

37. Чтобы пошлины, которыя были уплачены при полученiи вдовьей части, приданаго, наслѣдства и при уплатѣ штрафовъ несправедливо и въ противность закону страны, были преданы полному забвенiю, или пусть въ отношенiи къ нимъ будетъ поступлено по приговору 25 бароновъ или по приговору большей ихъ части совмѣстно съ архiепископомъ и другими, которыхъ онъ пожелаетъ съ собой позвать, такимъ образомъ, что, если какой-либо или какiе-либо изъ 25 бароновъ сами окажутся сторонами въ подобной тяжбѣ, то они должны быть отстранены, и на ихъ мѣсто поставлены другiе остальными изъ 25.

38. Чтобы были возвращены заложники и грамоты, которые были выданы королю въ видѣ гарантiи.

39. Чтобы тѣ, кто живетъ внѣ предѣловъ лѣсного округа, не обязаны были являться передъ лѣсными судьями въ силу общихъ приглашенiй, если они не являются стороною въ дѣлѣ или поручителями; и чтобы худые обычаи относительно заповѣдныхъ королевскихъ лѣсовъ и чиновниковъ лѣсного вѣдомства и заповѣдныхъ мѣстъ въ лѣсахъ, и шериффовъ, и рѣкъ были исправлены съ помощью 12 рыцарей отъ каждаго графства, которые должны быть выбраны честными людьми даннаго графства.

40. Чтобы король совсѣмъ устранилъ отъ должностей родственниковъ и все потомство Жерара де Atyes, чтобы впредь они не занимали должностей, именно: Энгеларда, Андрея, Петра и Жiона de Cancellis, Жiона de Cygony, Матвѣя de Martiny и братьевъ его, и Жоффруа, его племянника, и Филиппа Mark'a.

41. И чтобы король удалилъ иноземцевъ, рыцарей, наемниковъ, стрѣлковъ и наемныхъ солдатъ и сержантовъ, ко-

торые прибыли съ лошадьми и оружіемъ во вредъ королевству.

42. Чтобы король назначалъ юстиціаріевъ, констеблей, шериффовъ и бэйлиффовъ изъ такихъ (людей), которые бы знали законъ страны и имѣли бы желаніе надлежащимъ образомъ его исполнять.

43. Чтобы бароны, которые основали аббатства и имѣютъ объ этомъ грамоты королей или старинныя держательскія права въ отношеніи къ нимъ, имѣли опеку надъ ними, когда они окажутся вакантными.

44. Если король лишилъ уэлзцевъ земель или вольностей или чего-либо иного въ Англіи или въ Уэлзѣ, пусть онѣ будутъ имъ немедленно возвращены безъ суда; а если они были лишены своихъ держаній или устранены отъ нихъ въ Англіи отцомъ или братомъ короля безъ суда ихъ пэровъ, король безъ замедленія окажетъ имъ справедливость тѣмъ способомъ, какимъ онъ оказываетъ справедливость англичанамъ въ отношеніи къ ихъ держаніямъ въ Англіи согласно праву Англіи и относительно держаній въ Уэлзѣ согласно праву Уэлза, а относительно держаній марки согласно праву марки; то же сдѣлаютъ уэлзцы въ отношеніи къ королю и его вассаламъ.

45. Чтобы король возвратилъ сына Левелина и кромѣ того всѣхъ заложниковъ Уэлза и грамоты, которые были выданы ему въ обезпеченіе мира.

46. Чтобы король поступилъ въ отношеніи къ королю шотландцевъ относительно выдачи заложниковъ и относительно его вольностей и его права тѣмъ же способомъ, какимъ онъ дѣлаетъ это въ отношеніи къ баронамъ Англіи,

если не должно быть иначе въ силу грамотъ, которыя находятся у короля, по приговору архіепископа и другихъ, которыхъ онъ пригласитъ съ собою.

47. И всѣ лѣса, которые объявлены королевскими лѣсами королемъ въ его время, должны перестать быть королевскими лѣсами, и такъ же должно быть поступлено съ рѣками, которыя объявлены заповѣдными самимъ королемъ.

48. Всѣ же эти обычаи и вольности, которые король согласился признать подлежащими соблюденію въ королевствѣ, насколько это относится къ нему въ отношеніи къ своимъ (вассаламъ), всѣ въ королевствѣ, какъ міряне, такъ и клирики, будутъ соблюдать, что касается ихъ въ отношеніи къ своимъ (вассаламъ).

49. Вотъ форма гарантіи для соблюденія мира и вольностей между королемъ и королевствомъ. Бароны изберутъ XXV бароновъ королевства, какихъ пожелаютъ, которые должны всѣми силами блюсти и охранять и заставлять блюсти миръ и вольности, которые сеньеръ король имъ пожаловалъ и своей хартіей подтвердилъ, такимъ именно образомъ, что если король или юстиціаріи или бэйлиффы короля или кто-либо изъ его слугъ въ чемъ-либо въ отношеніи къ кому-либо совершитъ правонарушеніе или нарушитъ какую-либо изъ статей мира или гарантіи, и нарушеніе (это) будетъ указано IV баронамъ изъ вышесказанныхъ XXV бароновъ, то эти IV барона явятся къ сеньеру королю или къ его юстиціарію, если король будетъ находиться за предѣлами королевства, указывая ему (это) правонарушеніе, потребуютъ, чтобы правонарушеніе это безъ замедленія было исправлено; и если король или его юстиціаріи не исправятъ его, если король будетъ находиться за предѣлами королевства, въ теченіе соотвѣтствующаго времени, которое должно быть указано въ грамотѣ, то вышеназванные IV барона доложатъ это дѣло остальнымъ изъ этихъ XXV бароновъ, и эти XXV съ общиной всей земли будутъ принуждать и тѣснить короля всѣми способами, какими только могутъ, т.-е. путемъ захвата замковъ, земель, владѣній и всѣми другими способами, какими только могутъ, пока не будетъ исправлено (нарушеніе) согласно ихъ приговору, оставляя неприкосновенной особу сеньера короля и королевы и ихъ дѣтей; и послѣ того, какъ (нарушеніе) будетъ исправлено, они опять будутъ повиноваться сеньеру королю попрежнему. И кто въ странѣ пожелаетъ, принесетъ клятву, что для выполненія вышесказаннаго будетъ повиноваться приказаніямъ вышесказан-

ныхъ XXV бароновъ и вмѣстѣ съ ними въ мѣру силъ своихъ будетъ тѣснить короля; и король открыто и свободно дастъ разрѣшеніе приносить клятву каждому, кто пожелаетъ ее принести, и никогда никому не воспрепятствуетъ принести клятву. Всѣхъ же тѣхъ въ странѣ, которые по своей доброй волѣ и силѣ не пожелаютъ принести клятву XXV баронамъ относительно совмѣстнаго съ ними принужденія и тѣсненія короля, король заставитъ принести клятву XXV баронамъ своимъ приказомъ, какъ сказано выше. И если кто изъ вышесказанныхъ XXV бароновъ умретъ или удалится изъ страны или какимъ-либо инымъ образомъ лишится возможности выполнять вышесказанное, тѣ изъ XXV, которые останутся, выберутъ на его мѣсто другого по собственному усмотрѣнію, который подобнымъ же образомъ принесетъ клятву, какъ и прочіе. Во всемъ же, что поручается исполнять этимъ XXV баронамъ, если сами XXV будутъ присутствовать и между ними о чемъ-либо возникнетъ разногласіе, или нѣкоторые изъ нихъ, получивъ приглашеніе явиться, не пожелаютъ или не будутъ въ состояніи присутствовать, будетъ считаться рѣшеннымъ и твердымъ то, что большая часть ихъ постановила и повелѣла, такъ, какъ если бы всѣ XXV на этомъ согласились; и вышесказанные XXV принесутъ клятву, что все вышесказанное они будутъ вѣрно блюсти и всѣми силами своими заставятъ блюсти. Кромѣ того король гарантируетъ ихъ грамотами архіепископа и епископовъ и магистра Пандульфа, что ничего не будетъ домогаться у сеньера папы, въ силу чего какое-либо изъ этихъ соглашеній было бы отмѣнено или умалено, и если что-либо такое испроситъ (у папы), оно будетъ считаться недѣйствительнымъ и не имѣющимъ значенія и никогда не будетъ примѣнено.

III.

Такъ называемая „Неизвѣстная Хартія Вольностей“ Іоанна.

1. Соглашается король Іоаннъ на то, чтобы не подвергать человѣка задержанію безъ суда, и чтобы ничего не брать за отправленіе правосудія и чтобы не чинить несправедливости.

2. И если случится, что мой баронъ или вассалъ мой умретъ, и его наслѣдникъ будетъ совершеннолѣтенъ, я долженъ отдать ему его землю за справедливый рельефъ, не беря больше.

3. И если такъ будетъ, что наслѣдникъ (его) будетъ несовершеннолѣтенъ, я долженъ поручить землю (его) четыремъ рыцарямъ изъ болѣе полноправныхъ въ феодѣ въ опеку, и они вмѣстѣ съ моимъ слугою должны отдавать мнѣ доходы съ земли, не продавая рощъ и не заставляя людей платить выкупъ и не разрушая парка и скотнаго двора; а тогда, когда этотъ наслѣдникъ станетъ совершеннолѣтнимъ, я отдамъ ему вполнѣ устроенную землю.

4. Если наслѣдникомъ земли будетъ женщина, я долженъ выдать ее замужъ, посовѣтовавшись съ ея родомъ, такъ, чтобы она не была выдана за неровню. И если я выдамъ одинъ разъ, не могу выдавать ее больше, но тогда она выйдетъ замужъ по своему желанію, но только не за кого-либо изъ моихъ враговъ.

5. Если случится, что баронъ или вассалъ мой умретъ, выражаю согласіе на то, чтобы деньги его были распредѣ-

лены, какъ самъ онъ ихъ распредѣлилъ; а если онъ будетъ захваченъ смертью врасплохъ на войнѣ ли или отъ непредвидѣнной болѣзни, то жена его или дѣти или родственники и ближайшіе друзья пусть распредѣлятъ ихъ за его душу.

6. И жена его не оставитъ жилища его въ теченіе 40 дней и пока не получитъ приличествующимъ образомъ свою вдовью часть и получитъ свое приданое.

7. Даю моимъ вассаламъ согласіе на то, чтобы они не шли въ походъ за предѣлы Англіи, если это не въ Нормандію и въ Бретань и при томъ приличествующимъ образомъ; чтобы, если кто долженъ давать для этого службу десяти рыцарей, по совѣту моихъ бароновъ повинность эта была облегчена.

8. Если будутъ взиматься въ странѣ щитовыя деньги, съ рыцарскаго лена будетъ взиматься марка серебра; и если случится усиленіе военной повинности, больше (противъ обычнаго) должно быть взято по совѣту бароновъ королевства.

9. Даю согласіе на то, чтобы всѣ заповѣдные королевскіе лѣса, которые отецъ мой и братъ мой и я сдѣлали заповѣдными лѣсами, перестали быть заповѣдными королевскими лѣсами.

10. Даю согласіе и на то, чтобы рыцари, которые имѣютъ въ старыхъ моихъ заповѣдныхъ лѣсахъ рощу, имѣли бы и впредь рощу для пастьбы скота и для топлива; и чтобы они имѣли своего лѣсничаго; и я только одного, который будетъ ходить за моимъ скотомъ.

11. Если кто изъ вассаловъ моихъ умретъ, будучи долженъ евреямъ, долгъ не будетъ давать процентовъ, пока наслѣдникъ его будетъ несовершеннолѣтнимъ.

12. И даю согласіе на то, чтобы человѣкъ не терялъ изъ-за скота жизни или членовъ.

IV.

Хартія Вольностей Генриха I.

(1100 г.).

Генрихъ, Божьей милостью король Англовъ, всѣмъ баронамъ и вѣрнымъ своимъ какъ Англамъ, такъ и Франкамъ привѣтъ.

1. Знайте, что я по Божьему милосердію и съ общаго согласія бароновъ королевства Англіи коронованъ въ короли этого королевства. И такъ какъ королевство было утѣснено несправедливыми взиманіями, то я изъ почтенія къ Богу и изъ любви, которую къ вамъ всѣмъ имѣю, святую божью церковь прежде всего дѣлаю свободной; такъ что не буду продавать, ни отдавать на откупъ и послѣ смерти архіепископа или епископа или аббата не буду ничего брать изъ домэна церкви или съ людей ея въ то время, пока не вступилъ еще въ нее преемникъ (умершаго). И всѣ худые обычаи, которыми несправедливо было утѣснено королевство Англіи, отнынѣ уничтожаю, каковые худые обычаи здѣсь частью излагаю:

2. Если кто изъ бароновъ моихъ, графовъ или другихъ, которые отъ меня держатъ, умретъ, наслѣдникъ его не будетъ выкупать свою землю, какъ дѣлалъ во время брата моего, но будетъ вносить за нее справедливый и законный рельефъ. Подобнымъ же образомъ и люди (вассалы) бароновъ моихъ будутъ вносить своимъ сеньерамъ за свои земли справедливый и законный рельефъ.

3. И если кто изъ бароновъ или другихъ людей (вассаловъ) моихъ захочетъ выдать замужъ свою дочь, или сестру,

или племянницу, или внучку, или родственницу, пусть объ этомъ переговоритъ со мною. Но я ничего не буду брать изъ ея имущества за разрѣшеніе на это и не буду запрещать ему выдавать ее, если только онъ не захочетъ соединить ее съ врагомъ моимъ. И если послѣ смерти барона или другого человѣка (вассала) моего останется наслѣдницей дочь, я ее буду выдавать по совѣту бароновъ моихъ вмѣстѣ съ ея землею. И если послѣ смерти мужа останется его жена и будетъ бездѣтной, она получитъ свою вдовью часть и приданое; и я не выдамъ ее замужъ иначе, какъ согласно ея желанію.

4. Если же останется жена съ дѣтьми, она получитъ (свою) вдовью часть и приданое, пока будетъ согласно закону соблюдать свою тѣлесную чистоту, и я не выдамъ ее замужъ иначе, какъ согласно ея желанію. Опекуномъ земли и дѣтей будетъ или жена, или другой изъ родственниковъ, который долженъ имѣть на это больше правъ. И повелѣваю, чтобы бароны мои подобнымъ же образомъ поступали относительно сыновей и дочерей и женъ своихъ людей (вассаловъ).

5. Общую плату съ монетчиковъ, которая бралась по городамъ и графствамъ, которой не было во время короля Эдуарда, на будущее время совершенно запрещаю взимать. Если кто будетъ схваченъ, или монетчикъ, или другой, съ фальшивой монетой, въ отношеніи къ нему пусть будетъ примѣнена законная справедливость.

6. Всѣ тяжбы и всѣ долги, которые подлежали уплатѣ въ пользу моего брата, прощаю, за исключеніемъ законныхъ моихъ фирмъ и за исключеніемъ тѣхъ обязательствъ, какія были заключены въ отношеніи къ наслѣдствамъ другихъ или въ отношеніи къ имуществамъ, которыя по большей справедливости припадлежали другимъ. И если кто заключилъ какое-либо обязательство въ отношеніи къ своему наслѣдству, и его объявляю расторгнутымъ, а также прощаю всѣ рельефы, которые должны были быть уплачены по закону за слѣдуемыя имъ наслѣдства.

7. И если кто изъ бароновъ или людей (вассаловъ) моихъ заболѣетъ, то какъ самъ онъ распредѣлитъ или распорядится

распредѣлить свое движимое имущество, такъ и я согласенъ, чтобы оно было распредѣлено. Чтобы, если онъ изъ-за похода или изъ-за болѣзни не распредѣлитъ своего движимаго имущества и не распорядится его распредѣлить, жена его или дѣти, либо родственники и люди (вассалы) его, имѣющіе на то право, распредѣлили его на пользу души его, какъ найдутъ лучше.

8. Если кто изъ бароновъ или людей (вассаловъ) моихъ совершитъ правонарушеніе, онъ не будетъ давать денежнаго залога, опредѣляемаго произвольно, какъ это онъ дѣлалъ во время отца моего и брата моего, но сообразно роду проступка будетъ платить штрафъ такъ, какъ бы онъ платилъ до времени отца моего, во время другихъ предшественниковъ моихъ. Чтобы, если онъ будетъ обвиненъ въ вѣроломствѣ (нарушеніи вѣрности) или въ какомъ-либо злодѣяніи, онъ заплатилъ возмѣщеніе, какъ будетъ справедливо.

9. Тайныя же убійства (совершенныя) до того дня, когда я былъ коронанъ въ короли, всѣ прощаю, а тѣ, которыя были совершены послѣ этого, должны быть справедливо возмѣщены согласно закону короля Эдуарда.

10. Заповѣдные королевскіе лѣса по общему совѣту бароновъ моихъ я удержалъ въ моей рукѣ, какъ ихъ имѣлъ отецъ мой.

11. Рыцарямъ, которые служатъ за свои земли рыцарскую службу, собственнымъ пожалованіемъ даю согласіе на то, чтобы земли ихъ домэновъ [1]) были свободны отъ всякихъ денежныхъ взиманій и отъ всякой работы для того, чтобы они, облегченные отъ такого большого обремененія, были надлежащимъ образомъ снабжены лошадьми и оружіемъ, чтобы быть годными и готовыми для службы мнѣ и для защиты королевства моего.

12. Крѣпкій миръ во всемъ королевствѣ моемъ установляю и повелѣваю впредь его соблюдать.

---

[1]) Домэнъ, terra dominica, здѣсь противополагается землѣ держателей, какъ земля, находящаяся въ рукахъ самого сеньера и подъ его собственной обработкой. *Примѣч. переводчика.*

13. Законъ короля Эдуарда вамъ отдаю съ тѣми исправленіями, какими отецъ мой его исправилъ по совѣту своихъ.

14. Если кто взялъ что-либо изъ моего имущества или изъ имущества кого-либо послѣ кончины короля Вильгельма, брата моего, пусть немедленно будетъ отдано все безъ всякаго штрафа. И если кто что-либо оттуда удержитъ, тотъ, у кого оно будетъ найдено, заплатитъ мнѣ тяжелое возмѣщеніе.

Свидѣтелями были Маврикій, лондонскій епископъ, и Гундульфъ епископъ, и Вильгельмъ, выбранный въ епископы, и Генрихъ графъ, и Симонъ графъ, и Уолтеръ Джиффардъ, и Робертъ де Монфоръ, и Рожеръ Биго и Генрихъ de Portu, въ Уэстминстерѣ, когда я былъ коронованъ. Привѣтъ вамъ!

V.

Хартія Генриха II.

(около 1154 года).

Генрихъ, Божьей милостью король Англіи, герцогъ Нормандіи и Аквитаніи и графъ Анжу, всѣмъ графамъ, баронамъ и вѣрнымъ своимъ, французамъ и англичанамъ, привѣтъ. Знайте, что я, въ честь Бога и святой церкви и для общаго улучшенія всего королевства моего, пожаловалъ и передалъ и настоящей хартіей моей подтвердилъ Богу и святой церкви и всѣмъ графамъ и баронамъ и всѣмъ людямъ (вассаламъ) моимъ всѣ пожалованія и даренія и вольности и свободные обычаи, которые король Генрихъ, дѣдъ мой, имъ далъ и пожаловалъ. Подобнымъ же образомъ и всѣ худые обычаи, которые онъ уничтожилъ и отмѣнилъ, я отмѣняю и соглашаюсь уничтожить за себя и за наслѣдниковъ моихъ. Поэтому я желаю и крѣпко наказываю, чтобы святая церковь и всѣ графы и бароны и всѣ мои люди (вассалы) всѣ эти обычаи и даренія и вольности и свободные обычаи имѣли и владѣли ими свободно и спокойно, хорошо и въ мирѣ и въ неприкосновенности отъ меня и отъ наслѣдниковъ моихъ для себя и для наслѣдниковъ своихъ, такъ свободно и спокойно и полно во всемъ, какъ ихъ далъ и пожаловалъ и своей хартіей подтвердилъ король Генрихъ, дѣдъ мой. Свидѣтельствуетъ Ричардъ де Люси въ Уэстминстерѣ.

VI.

Вторая или Оксфордская хартія Стефана.

(1136 года).

Я, Стефанъ, Божьей милостью, съ согласія клира и народа въ короли Англіи избранный и Вильгельмомъ, кентерберійскимъ архіепископомъ и святой Римской церкви легатомъ, посвященный и Иннокентіемъ, святого римскаго престола первосвященникомъ, впослѣдствіи утвержденный, изъ почтенія и любви къ Богу соглашаюсь на то, чтобы святая церковь была свободна, и подтверждаю должное ей уваженіе. Обѣщаю, что въ церкви и въ дѣлахъ церковныхъ ничего не буду дѣлать въ духѣ симоніи и не буду позволять это дѣлать. Судъ надъ церковными людьми и надъ всѣми клириками и надъ ихъ имуществомъ и власть и распредѣленіе церковныхъ должностей повелѣваю оставлять въ рукѣ епископовъ и подтверждаю. Постановляю и желаю, чтобы права церквей, привилегіями ихъ подтвержденныя, и обычаи ихъ, какъ они были изъ старины, оставались неприкосновенными. Соглашаюсь на то, чтобы всѣ владѣнія церквей и держанія, которыя были у нихъ въ тотъ день, когда король Вильгельмъ, дѣдъ мой, былъ живъ и мертвъ, безъ всякихъ притязаній на нихъ съ какой бы то ни было стороны, были свободны и безусловны. Если же чего изъ владѣемаго ею раньше смерти этого короля какимъ-либо образомъ не оказывается, и церковь потребуетъ его теперь, я оставляю на свое благоусмотрѣніе или возвратить или обсудить это дѣло. А то, что послѣ этого короля было передано имъ щедротами королей

или щедростью князей, (и пріобрѣтено) у вѣрныхъ путемъ даренія, покупки или мѣны, утверждаю. Обѣщаю во всемъ соблюдать и по мѣрѣ силъ моихъ охранять миръ и справедливость.

Заповѣдные королевскіе лѣса, которые Вильгельмъ, дѣдъ мой, и Вильгельмъ, дядя мой, объявили таковыми и владѣли, сохраню за собою. Всѣ прочіе, которые прибавилъ къ нимъ король Генрихъ, полностью отдаю и уступаю церквамъ и королевству.

Если какой епископъ или аббатъ или другая церковная персона передъ смертью своею разумно распредѣлитъ свое имущество или распорядится распредѣлить, соглашаюсь на то, чтобы это оставалось въ полной силѣ. Если же онъ будетъ внезапно захваченъ смертью, то пусть оно будетъ распредѣлено въ интересахъ спасенія его души по совѣту церкви. Когда же каѳедры будутъ оставаться вакантными, безъ собственныхъ пастырей, я буду передавать ихъ и всѣ ихъ владѣнія въ руку и въ опеку клирикамъ или уважаемымъ людямъ той же церкви, пока не будетъ согласно каноническимъ правиламъ поставленъ пастырь.

Всѣ поборы и несправедливости и незаконныя судебныя взысканія, введенныя неправильно или шериффами, или кѣмъ-либо другимъ, совершенно искореняю. Добрые законы и старинные справедливые обычаи въ дѣлахъ о тайныхъ убійствахъ и въ тяжбахъ и въ другихъ дѣлахъ буду соблюдать и повелѣваю и постановляю соблюдать. Это все жалую и подтверждаю, оставляя неприкосновеннымъ королевское и справедливое достоинство мое.

Свидѣтельствуютъ это (слѣдуютъ подписи). Въ годъ отъ воплощенія Господа M.C.XXXVI, а въ годъ царствованія моего первый.

I.

Magna Carta.

(1215 r.)

Johannes Dei gratia rex Anglie, dominus Hibernie, dux Normannie et Aquitannie, et comes Andegavie, archiepiscopis, episcopis, abbatibus, comitibus, baronibus, justiciariis, forestariis, vicecomitibus, prepositis, ministris et omnibus ballivis et fidelibus suis salutem. Sciatis nos intuitu Dei et pro salute anime nostre et omnium antecessorum et heredum nostrorum, ad honorem Dei et exaltationem sancte Ecclesie, et emendationem regni nostri, per consilium venerabilium patrum nostrorum, Stephani Cantuariensis archiepiscopi tocius Anglie primatis et sancte Romane ecclesie cardinalis, Henrici Dublinensis archiepiscopi, Willelmi Londoniensis, Petri Wintoniensis, Joscelini Bathoniensis et Glastoniensis, Hugonis Lincolniensis, Walteri Wygorniensis, Willelmi Coventriensis, et Benedicti Roffensis episcoporum; magistri Pandulfi domini pape subdiaconi et familiaris, fratris Aymerici magistri milicie Templi in Anglia; et nobilium virorum Willelmi Mariscalli comitis Penbrocie, Willelmi comitis Sarresburie, Willelmi comitis Warennie, Willelmi comitis Arundellie, Alani de Galeweya constabularii Scocie, Warini filii Geroldi, Petri filii Hereberti, Huberti de Burgo senescalli Pictavie, Hugonis de Nevilla, Mathei filii Hereberti, Thome Basset, Alani Basset, Philippi de Albiniaco, Roberti de Roppeleia, Johannis Mariscalli, Johannis filii Hugonis et aliorum fidelium nostrorum.

1. In primis concessisse Deo et hac presenti carta nostra confirmasse, pro nobis et heredibus nostris in perpetuum, quod

Anglicana ecclesia libera sit, et habeat jura sua integra, et libertates suas illesas; et ita volumus observari; quod apparet ex eo quod libertatem electionum, que maxima et magis necessaria reputatur ecclesie Anglicane, mera et spontanea voluntate, ante discordiam inter nos et barones nostros motam, concessimus et carta nostra confirmavimus, et eam obtinuimus a domino papa Innocencio tercio confirmari; quam et nos observabimus et ab heredibus nostris in perpetuum bona fide volumus observari. Concessimus eciam omnibus liberis hominibus regni nostri, pro nobis et heredibus nostris in perpetuum, omnes libertates subscriptas, habendas et tenendas eis et heredibus suis, de nobis et heredibus nostris.

2. Si quis comitum vel baronum nostrorum, sive aliorum tenencium de nobis in capite per servitium militare, mortuus fuerit, et cum decesserit heres suus plene etatis fuerit et relevium debeat, habeat hereditatem suam per antiquum relevium; scilicet heres vel heredes comitis de baronia comitis integra per centum libras; heres vel herebes baronis de baronia integra per centum libras; heres vel heredes militis de feodo militis integro per centum solidos ad plus; et qui minus debuerit minus det secundum antiquam consuetudinem feodorum.

3. Si autem heres alicujus talium fuerit infra etatem et fuerit in custodia, cum ad etatem pervenerit, habeat hereditatem suam sine relevio et sine fine.

4. Custos terre hujusmodi heredis qui infra etatem fuerit, non capiat de terra heredis nisi racionabiles exitus, et racionabiles consuetudines, et racionabilia servicia, et hoc sine destructione et vasto hominum vel rerum; et si nos commiserimus custodiam alicujus talis terre vicecomiti vel alicui alii qui de exitibus illius nobis respondere debeat, et ille destructionem de custodia fecerit vel vastum, nos ab illo capiemus emendam, et terra committatur duobus legalibus et discretis hominibus de feodo illo, qui de exitibus respondeant nobis vel ei cui eos assignaverimus; et si dederimus vel vendiderimus alicui custodiam alicujus talis terre, et ille destructionem inde fecerit vel vastum, amittat ipsam custodiam, et tradatur

duobus legalibus et discretis hominibus de feodo illo qui similiter nobis respondeant sicut predictum est.

5. Custos autem, quamdiu custodiam terre habuerit, sustentet domos, parcos, vivaria, stagna, molendina, et cetera ad terram illam pertinencia, de exitibus terre ejusdem; et reddat heredi, cum ad plenam etatem pervenerit, terram suam totam instauratam de carrucis et waynagiis, secundum quod tempus waynagii exiget et exitus terre racionabiliter poterunt sustinere.

6. Heredes maritentur absque disparagacione, ita tamen quod, antequam contrahatur matrimonium, ostendatur propinquis de consanguinitate ipsius heredis.

7. Vidua post mortem mariti sui statim et sine difficultate habeat maritagium et hereditatem suam, nec aliquid det pro dote sua, vel pro maritagio suo, vel hereditate sua quam hereditatem maritus suus et ipsa tenuerint die obitus ipsius mariti, et maneat in domo mariti sui per quadraginta dies post mortem ipsius, infra quos assignetur ei dos sua.

8. Nulla vidua distringatur ad se maritandum dum voluerit vivere sine marito; ita tamen quod securitatem faciat quod se non maritabit sine assensu nostro, si de nobis tenuerit, vel sine assensu domini sui de quo tenuerit, si de alio tenuerit.

9. Nec nos nec ballivi nostri seisiemus terram aliquam nec redditum pro debito aliquo, quamdiu catalla debitoris sufficiunt ad debitum reddendum; nec plegii ipsius debitoris distringantur quamdiu ipse capitalis debitor sufficit ad solucionem debiti; et si capitalis debitor defecerit in sulucione debiti, non habens unde solvat, plegii respondeant de debito; et, si voluerint, habeant terras et redditus debitoris, donec sit eis satisfactum de debito quod ante pro eo solverint, nisi capitalis debitor monstraverit se esse quietum inde versus eosdem plegios.

10. Si quis mutuo ceperit aliquid a Judeis, plus vel minus, et moriatur antequam illud solvatur, debitum non usuret quamdiu heres fuerit infra etatem, de quocumque teneat; et

si debitum illud inciderit in manus nostras, nos non capiemus nisi catallum contentum in carta.

11. Et si quis moriatur, et debitum debeat Judeis, uxor ejus habeat dotem suam, et nichil reddat de debito illo; et si liberi ipsius defuncti qui fuerint infra etatem remanserint, provideantur eis necessaria secundum tenementum quod fuerit defuncti, et de residuo solvatur debitum, salvo servicio dominorum; simili modo fiat de debitis que debentur aliis quam Judeis.

12. Nullum scutagium vel auxilium ponatur in regno nostro, nisi per commune consilium regni nostri, nisi ad corpus nostrum redimendum, et primogenitum filium nostrum militem faciendum, et ad filiam nostram primogenitam semel maritandam, et ad hec non fiat nisi racionabile auxilium: simili modo fiat de auxiliis de civitate Londonie.

13. Et civitas Londonie habeat omnes antiquas libertates et liberas consuetudines suas, tam per terras, quam per aquas. Preterea volumus et concedimus quod omnes alie civitates, et burgi, et ville, et portus, habeant omnes libertates et liberas consuetudines suas.

14. Et ad habendum commune consilium regni, de auxilio assidendo aliter quam in tribus casibus predictis vel de scutagio assidendo, summoneri faciemus archiepiscopos, episcopos, abbates, comites, et majores barones, sigillatim per litteras nostas; et preterea faciemus summoneri in generali, per vicecomites et ballivos nostros, omnes illos qui de nobis tenent in capite; ad certum diem, scilicet ad terminum quadraginta dierum ad minus, et ad certum locum; et in omnibus litteris illius summonicionis causam summonicionis exprimemus; et sic facta summonicione negocium ad diem assignatum procedat secundum consilium illorum qui presentes fuerint, quamvis non omnes summoniti venerint.

15. Nos non concedemus de cetero alicui quod capiat auxilium de liberis hominibus suis, nisi ad corpus suum redimendum, et ad faciendum primogenitum filium suum militem, et ad primogenitam filiam suam semel maritandam, et ad hec non fiat nisi racionabile auxilium.

16. Nullus distringatur ad faciendum majus servicium de feodo militis, nec de alio libero tenemento, quam inde debetur.

17. Communia placita non sequantur curiam nostram sed teneantur in aliquo loco certo.

18. Recogniciones de nova dissaisina, de morte antecessoris, et de ultima presentacione, non capiantur nisi in suis comitatibus et hoc modo; nos, vel si extra regnum fuerimus, capitalis justiciarius noster, mittemus duos justiciarios per unumquemque comitatum per quatuor vices in anno, qui, cum quatuor militibus cujuslibet comitatus electis per comitatum, capiant in comitatu et in die et loco comitatus assisas predictas.

19. Et si in die comitatus assise predicte capi non possint, tot milites et libere tenentes remaneant de illis qui interfuerint comitatui die illo, per quos possint judicia sufficienter fieri, secundum quod negocium fuerit majus vel minus.

20. Liber homo non amercietur pro parvo delicto, nisi secundum modum delicti, et pro magno delicto amercietur secundum magnitudinem delicti, salvo contenemento suo; et mercator eodem modo, salva mercandisa sua; et villanus eodem modo amercietur salvo waynagio suo, si inciderint in misericordiam nostram; et nulla predictarum misericordiarum ponatur, nisi per sacramentum proborum hominum de visneto.

21. Comites et barones non amercientur nisi per pares suos, et non nisi secundum modum delicti.

22. Nullus clericus amercietur de laico tenemento suo, nisi secundum modum aliorum predictorum, et non secundum quantitatem beneficii sui ecclesiastici.

23. Nec villa nec homo distringatur facere pontes ad riparias, nisi qui ab antiquo et de jure facere debent.

24. Nullus vicecomes, constabularius, coronatores, vel alii ballivi nostri, teneant placita corone nostre.

25. Omnes comitatus, hundrede, wapentakii, et trethingie, sint ad antiquas firmas absque ullo incremento, exceptis dominicis maneriis nostris.

26. Si aliquis tenens de nobis laicum feodum moriatur, et vicecomes vel ballivus noster ostendat litteras nostras patentes de summonicione nostra de debito quod defunctus nobis debuit, liceat vicecomiti vel ballivo nostro attachiare et inbreviare catalla defuncti, inventa in laico feodo, ad valenciam illius debiti, per visum legalium hominum, ita tamen quod nichil inde amoveatur, donec persolvatur nobis debitum quod clarum fuerit; et residuum relinquatur executoribus ad faciendum testamentum defuncti; et, si nichil nobis debeatur ab ipso, omnia catalla cedant defuncto, salvis uxori ipsius et pueris racionabilibus partibus suis.

27. Si aliquis liber homo intestatus decesserit, catalla sua per manus propinquorum parentum et amicorum suorum, per visum ecclesie distribuantur, salvis unicuique debitis que defunctus ei debebat.

28. Nullus constabularius, vel alius ballivus noster, capiat blada vel alia catalla alicujus, nisi statim inde reddat denarios, aut respectum inde habere possit de voluntate venditoris.

29. Nullus constabularius distringat aliquem militem ad dandum denarios pro custodia castri, si facere voluerit custodiam illam in propria persona sua, vel per alium probum hominem, si ipse eam facere non possit propter racionabilem causam; et si nos duxerimus vel miserimus eum in exercitum, erit quietus de custodia, secundum quantitatem temporis quo per nos fuerit in exercitu.

30. Nullus vicecomes, vel ballivus noster, vel aliquis alius, capiat equos vel carectas alicujus liberi hominis pro cariagio faciendo, nisi de voluntate ipsius liberi hominis.

31. Nec nos nec ballivi nostri capiemus alienum boscum ad castra, vel alia agenda nostra, nisi per voluntatem ipsius cujus boscus ille fuerit.

32. Nos non tenebimus terras illorum qui convicti fuerint de felonia, nisi per unum annum et unum diem, et tunc reddantur terre dominis feodorum.

33. Omnes kydelli de cetero deponantur penitus de Tamisia, et de Medewaye, et per totam Angliam, nisi per costeram maris.

34. Breve quod vocatur *Precipe* de cetero non fiat alicui de aliquo tenemento unde liber homo amittere possit curiam suam.

35. Una mensura vini sit per totum regnum nostrum, et una mensura cervisie, et una mensura bladi, scilicet quarterium Londonie, et una latitudo pannorum tinctorum et russettorum et halbergectorum, scilicet due ulne infra listas; de ponderibus autem sit ut de mensuris.

36. Nichil detur vel capiatur de cetero pro brevi inquisicionis de vita vel membris, sed gratis concedatur et non negetur.

37. Si aliquis teneat de nobis per feodifirmam, vel per socagium, vel per burgagium, et de alio terram teneat per servicium militare, nos non habebimus custodiam heredis nec terre sue que est de feodo alterius, occasione illius feodifirme, vel sokagii, vel burgagii; nec habebimus custodiam illius feodifirme, vel sokagii, vel burgagii, nisi ipsa feodifirma debeat servicium militare. Nos non habebimus custodiam heredis vel terre alicujus, quam tenet de alio per servicium militare, occasione alicujus parve serjanterie quam tenet de nobis per servicium reddendi nobis cultellos, vel sagittas, vel hujusmodi.

38. Nullus ballivus ponat de cetero aliquem ad legem simplici loquela sua, sine testibus fidelibus ad hoc inductis.

39. Nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur, aut dissei-siatur, aut utlagetur, aut exuletur, aut aliquo modo destruatur, nec super eum ibimus, nec super eum mittemus, nisi per legale judicium parium suorum vel per legem terre.

40. Nulli vendemus, nulli negabimus, aut differemus, rectum aut justiciam.

41. Omnes mercatores habeant salvum et securum exire de Anglia, et venire in Angliam, et morari et ire per Angliam, tam per terram quam per aquam, ad emendum et vendendum, sine omnibus malis toltis, per antiqnas et rectas consuetudines, preterquam in tempore gwerre, et si sint de terra contra nos guerrina; et si tales inveniantur in terra nostra in principio gwerre, attachientur sine dampno corporum et rerum, donec

sciatur a nobis vel capitali justiciario nostro quomodo mercatores terre nostre tractentur, qui tunc invenientur in terra contra nos gwerrina; et si nostri salvi sint ibi, alii salvi sint in terra nostra.

42. Liceat unicuique de cetero exire de regno nostro, et redire, salvo et secure, per terram et per aquam, salva fide nostra, nisi tempore guerre per aliquod breve tempus, propter communem utilitatem regni, exceptis imprisonatis et utlagatis secundum legem regni, et gente de terra contra nos guerrina, et mercatoribus de quibus fiat sicut predictum est.

43. Si aliquis tenuerit de aliqua eskaeta, sicut de honore Wallingfordie, Notingeham, Bolonie, Lancastrie vel de aliis eskaetis, que sunt in manu nostra, et sunt baronie, et obierit, heres ejus non det aliud relevium, nec faciat nobis aliud servicium quam faceret baroni si baronia illa esset in manu baronis; et nos eodem modo eam tenebimus quo baro eam tenuit.

44. Homines qui manent extra forestam non veniant de cetero coram justiciariis nostris de foresta per communes summoniciones, nisi sint in placito, vel plegii alicujus vel aliquorum, qui attachiati sint pro foresta.

45. Nos non faciemus justiciarios, constabularios, vicecomites vel ballivos, nisi de talibus qui sciant legem regni et eam bene velint observare.

46. Omnes barones qui fundaverunt abbatias, unde habent cartas regum Anglie, vel antiquam tenuram, habeant earum custodiam cum vacaverint, sicut habere debent.

47. Omnes foreste que afforestate sunt tempore nostro, statim deafforestentur; et ita fiat de ripariis que per nos tempore nostro posite sunt in defenso.

48. Omnes male consuetudines de forestis et warennis, et de forestariis et warennariis, vicecomitibus et eorum ministris, ripariis et earum custodibus, statim inquirantur in quolibet comitatu per duodecim milites juratos de eodem comitatu, qui debent eligi per probos homines ejusdem comitatus, et infra quadraginta dies post inquisicionem factam, penitus, ita

quod numquam revocentur, deleantur per eosdem, ita quod nos hoc sciamus prius, vel justiciarius noster, si in Anglia non fuerimus.

49. Omnes obsides et cartas statim reddemus que liberate fuerunt nobis ab Anglicis in securitatem pacis vel fidelis servicii.

50. Nos amovebimus penitus de balliis parentes Gerardi de Athyes, quod de cetero nullam habeant balliam in Anglia; Engelardum de Cygony, Petrum et Gionem et Andream, de Cancellis, Gionem de Cygony, Galfridum de Martinny et fratres ejus, Philippum Marci et fratres ejus, et Galfridum nepotem ejus, et totam sequelam eorundem.

51. Et statim post pacis reformacionem amovebimus de regno omnes alienigenas milites, balistarios, servientes, stipendiarios, qui venerint cum equis et armis ad nocumentum regni.

52. Si quis fuerit disseisitus vel elongatus per nos sine legali judicio parium suorum, de terris, castellis, libertatibus, vel jure suo, statim ea ei restituemus; et si contencio super hoc orta fuerit, tunc inde fiat per judicium viginti quinque baronum, de quibus fit mencio inferius in securitate pacis: de omnibus autem illis de quibus aliquis disseisitus fuerit vel elongatus sine legali judicio parium suorum, per Henricum regem patrem nostrum vel per Ricardum regem fratrem nostrum, que in manu nostra habemus, vel que alii tenent que nos oporteat warantizare, respectum habebimus usque ad communem terminum crucesignatorum; exceptis illis de quibus placitum motum fuit vel inquisicio facta per preceptum nostrum, ante suscepcionem crucis nostre: cum autem redierimus de peregrinacione nostra, vel si forte remanserimus a peregrinacione nostra, statim inde plenam justiciam exhibebimus.

53. Eundem autem respectum habebimus, et eodem modo, de justicia exhibenda de forestis deafforestandis vel remansuris forestis, quas Henricus pater noster vel Ricardus frater noster afforestaverunt, et de custodiis terrarum que sunt de alieno feodo, cujusmodi custodias hucusque habuimus occasione

feodi quod aliquis de nobis tenuit per servicium militare, et de abbaciis que fundate fuerint in feodo alterius quam nostro, in quibus dominus feodi dixerit se jus habere; et cum redierimus, vel si remanserimus a peregrinacione nostra, super hiis conquerentibus plenam justiciam statim exhibebimus.

54. Nullus capiatur nec imprisonetur propter appellum femine de morte alterius quam viri sui.

55. Omnes fines qui injuste et contra legem terre facti sunt nobiscum, et omnia amerciamenta facta injuste et contra legem terre, omnino condonentur, vel fiat inde per judicium viginti quinque baronom de quibus fit mencio inferius in securitate pacis, vel per judicium majoris partis eorundem, una cum predicto Stephano Cantuariensi archiepiscopo, si interesse poterit, et aliis quos secum ad hoc vocare voluerit: et si interesse non poterit, nichilominus procedat negocium sine eo, ita quod, si aliquis vel aliqui de predictis viginti quinque baronibus fuerint in simili querela, amoveantur quantum ad hoc judicium, et alii loco eorum per residuos de eisdem viginti quinque, tantum ad hoc faciendum electi et jurati substituantur.

56. Si nos dissesisivimus vel elongavimus Walenses de terris vel libertatibus vel rebus aliis, sine legali judicio parium suorum, in Anglia vel in Wallia, eis statim reddantur; et si contencio super hoc orta fuerit, tunc inde fiat in marchia per judicium parium suorum, de tenementis Anglie secundum legem Anglie, de tenementis Wallie secundum legem Wallie, de tenementis marchie secundum legem marchie. Idem facient Walenses nobis et nostris.

57. De omnibus autem illis de quibus aliquis Walensium dissesisitus fuerit vel elongatus sine legali judicio parium suorum per Henricum regem patrem nostrum vel Ricardum regem fratrem nostrum, que nos in manu nostra habemus, vel que alii tenent que nos oporteat warantizare, respectum habebimus usque ad communem terminum crucesignatorum, illis exceptis de quibus placitum motum fuit vel inquisicio facta per preceptum nostrum ante suscepcionem crucis nostre: cum

autem redierimus, vel si forte remanserimus a peregrinacione nostra, statim eis inde plenam justiciam exhibebimus, secundum leges Walensium et partes predictas.

58. Nos reddemus filium Lewelini statim, et omnes obsides de Wallia, et cartas que nobis liberate fuerunt in securitatem pacis.

59. Nos faciemus Alexandro regi Scottorum de sororibus suis, et obsidibus reddendis, et libertatibus suis, et jure suo, secundum formam in qua faciemus aliis baronibus nostris Anglie, nisi aliter esse debeat per cartas quas habemus de Willelmo patre ipsius, quondam rege Scottorum; et hoc erit per judicium parium suorum in curia nostra.

60. Omnes autem istas consuetudines predictas et libertates quas nos concessimus in regno nostro tenendas quantum ad nos pertinet erga nostros, omnes de regno nostro, tam clerici quam laici, observent quantum ad se pertinet erga suos.

61. Cum autem pro Deo, et ad emendacionem regni nostri, et ad melius sopiendam discordiam inter nos et barones nostros ortam, hec omnia predicta concesserimus, volentes ea integra et firma stabilitate in perpetuum gaudere, facimus et concedimus eis securitatem subscriptam; videlicet quod barones eligant viginti quinque barones de regno quos voluerint, qui debeant pro totis viribus suis observare, tenere, et facere observari, pacem et libertates quas eis concessimus, et hac presenti carta nostra confirmavimus, ita scilicet quod si nos, vel justiciarius noster, vel ballivi nostri, vel aliquis de ministris nostris, in aliquo erga aliquem deliquerimus, vel aliquem articulorum pacis aut securitatis transgressi fuerimus, et delictum ostensum fuerit quatuor baronibus de predictis viginti quinque baronibus, illi quatuor barones accedant ad nos vel ad justiciarium nostrum, si fuerimus extra regnum, proponentes nobis excessum, petent ut excessum illum sine dilacione faciamus emendari. Et si nos excessum non emendaverimus, vel, si fuerimus extra regnum justiciarius noster non emendaverit, infra tempus quadraginta dierum computandum a tempore quo monstratum fuerit nobis vel justiciario nostro

si extra regnum fuerimus, predicti quatuor barones referant causam illam ad residuos de viginti quinque baronibus, et illi viginti quinque barones cum communa tocius terre distringent et gravabunt nos modis omnibus quilbus poterunt, scilicet per capcionem castrorum, terrarum, possessionum, et aliis modis quibus poterunt donec fuerit emendatum secundum arbitrium eorum, salva persona nostra et regine nostre et liberorum nostrorum; et cum fuerit emendatum intendent nobis sicut prius fecerunt. Et quicumque voluerit de terra juret quod ad predicta omnia exequenda parebit mandatis predictorum viginti quinque baronum, et quod gravabit nos pro posse suo cum ipsis, et nos publice et libere damus licenciam jurandi cuilibet qui jurare voluerit, et nulli umquam jurare prohibebimus. Omnes autem illos de terra qui per se et sponte sua noluerint jurare viginti quinque baronibus, de distringendo et gravando nos cum eis, faciemus jurare eosdem de mandato nostro, sicut predictum est. Et si aliquis de viginti quinque baronibus decesserit, vel a terra recesserit, vel aliquo alio modo impeditus fuerit, quominus ista predicta possent exequi, qui residui fuerint de predictis viginti quinque baronibus eligant alium loco ipsius, pro arbitrio suo, qui simili modo erit juratus quo et ceteri. In omnibus autem que istis viginti quinque baronibus committuntur exequenda, si forte ipsi viginti quinque presentes fuerint, et inter se super re aliqua discordaverint, vel aliqui ex eis summoniti nolint vel nequeant interesse, ratum habeatur et firmum quod major pars eorum qui presentes fuerint providerit, vel preceperit, ac si omnes viginti quinque in hoc consensissent; et predicti viginti quinque jurent quod omnia antedicta fideliter observabunt, et pro toto posse suo facient observari. Et nos nichil impetrabimus ab aliquo, per nos nec per alium, per quod aliqua istarum concessionum et libertatum revocetur vel minuatur; et si aliquid tale impetratum fuerit, irritum sit et inane et numquam eo utemnr per nos nec per alium.

62. Et omnes malas voluntates, indignaciones et rancores ortos inter nos et homines nostros, clericos et laicos, a tem-

pore discordie, plene omnibus remisimus et condonavimns. Preterea omnes transgressiones factas occasione ejusdem discordie, a Pascha anno regni nostri sextodecimo usque ad pacem reformatam, plene remisimus omnibus, clericis et laicis, et quantum ad nos pertinet plene condonavimus. Et insuper fecimus eis fieri litteras testimoniales patentes domini Stephani Cantuariensis archiepiscopi, domini Henrici Dublinensis archiepiscopi, et episcoporum predictorum, et magistri Pandulfi, super securitate ista et concessionibus prefatis.

63. Quare volumus et firmiter precipimus quod Anglicana ecclesia libera sit et quod homines in regno nostro habeant et teneant omnes prefatas libertates, jura, et concessiones, bene et in pace, libere et quiete, plene et integre sibi et heredibus suis, de nobis et heredibus nostris, in omnibus rebus et locis, in perpetuum, sicut predictum est. Juratum est autem tam ex parte nostra quam ex parte baronum, quod hec omnia supradicta bona fide et sine malo ingenio observabuntur. Testibus supradictis et multis aliis. Data per manum nostram in prato quod vocatur Ronimede, inter Windlesoram et Stanes, quinto decimo die Junii, anno regni nostri decimo septimo.

II.

Баронскія статьи.

(1215 г.)

Ista sunt Capitula que Barones petunt et dominus Rex concedit.

1. Post decessum antecessorum heredes plene etatis habebunt hereditatem suam per antiquum relevium exprimendum in carta.

2. Heredes qui infra etatem sunt et fuerint in custodia, cum ad etatem pervenerint, habebunt hereditatem suam sine relevio et fine.

3. Custos terre heredis capiet rationabiles exitus, consuetudines, et servitia, sine destructione et vasto hominum et rerum suarum, et si custos terre fecerit destructionem et vastum, amittat custodiam; et custos sustentabit domos, parcos, vivaria, stagna, molendina et cetera ad terram illam pertinentia, de exitibus terre ejusdem; et ut heredes ita maritentur ne disparagentur et per consilium propinquorum de consanguinitate sua.

4. Ne vidua det aliquid pro dote sua, vel maritagio, post decessum mariti sui, sed maneat in domo sua per XL. dies post mortem ipsius, et infra terminum illum assignetur ei dos; et maritagium statim habeat et hereditatem suam.

5. Rex vel ballivus non saisiet terram aliquam pro debito dum catalla debitoris sufficiunt; nec plegii debitoris distringantur, dum capitalis debitor sufficit ad solutionem; si vero capitalis debitor defecerit in solutione, si plegii voluerint, ha-

beant terras debitoris, donec debitum illud persolvatur plene, nisi capitalis debitor monstrare poterit se esse inde quietum erga plegios.

6. Rex non concedet alicui baroni quod capiat auxilium de liberis hominibus suis, nisi ad corpus suum redimendum, et ad faciendum primogenitum filium suum militem, et ad primogenitam filiam suam semel maritandam, et hoc faciet per rationabile auxilium.

7. Ne aliquis majus servitium faciat de feodo militis quam inde debetur.

8. Ut communia placita non sequantur curiam domini regis, sed assignentur in aliquo certo loco; et ut recognitiones capiantur in eisdem comitatibus, in hunc modum: ut rex mittat duos justiciarios per IIII-or vices in anno, qui cum IIII-or militibus ejusdem comitatus electis per comitatum, capiant assisas de nova dissaisina, morte antecessoris, et ultima presentatione, nec aliquis ob hoc sit summonitus nisi juratores et due partes.

9. Ut liber homo amercietur pro parvo delicto secundum modum delicti, et, pro magno delicto, secundum magnitudinem, delicti, salvo contenemento suo; villanus etiam eodem modo amercietur, salvo, waynagio suo; et mercator eodem modo, salva mercandisa, per sacramentum proborum hominum de visneto.

10. Um clericus amercietur de laico feodo suo secundum modum aliorum predictorum, et non secundum beneficium ecclesiasticum.

11. Ne aliqua villa amercietur pro pontibus faciendis ad riparias, nisi ubi de jure antiquitus esse solebant.

12. Ut mensura vini, bladi, et latitudines pannorum et rerum aliarum, emendetur; et ita de ponderibus.

13. Ut assise de nova disseisina et de morte antecessoris abbrevientur; et similiter de aliis assisis.

14. Ut nullus vicecomes intromittat se de placitis ad coronam pertinentibus sine coronatoribus; et ut comitatus et hundredi sint ad antiquas firmas absque nullo incremento, exceptis dominicis maneriis regis.

15. Si aliquis tenens de rege moriatur, licebit vicecomiti vel alii ballivo regis seisire et imbreviare catallum ipsius per visum legalium hominum, ita tamen quod nichil inde amoveatur, donec plenius sciatur si debeat aliquod liquidum debitum domino regi, et tunc debitum regis persolvatur; residuum vero relinquatur executoribus ad faciendum testamentum defuncti; et si nichil regi debetur, omnia catalla cedant defuncto.

16. Si aliquis liber homo intestatus decesserit, bona sua per manum proximorum parentum suorum et amicorum et per visum ecclesie distribuantur.

17. Ne vidue distringantur ad se maritandum, dum voluerint sine marito vivere, ita tamen quod securitatem facient quod von maritabunt se sine assensu regis, si de rege teneant, vel dominorum suorum de quibus tenent.

18. Ne constabularius vel alius ballivus capiat blada vel alia catalla, nisi statim denarios inde reddat, nisi respectum habere possit de voluntate venditoris.

19. Ne constabularius possit distringere aliquem militem ad dandum denarios pro custodia castri, si voluerit facere custodiam illam in propria persona vel per alium probum hominem, si ipse eam facere non possit per rationabilem causam; et si rex eum duxerit in exercitum, sit quietus de custodia secundum quantitatem temporis.

20. Ne vicecomes, vel ballivus regis, vel aliquis alius, capiat equos vel carettas alicujus liberi hominis pro cariagio faciendo, nisi ex vuluntate ipsius.

21. Ne rex vel ballivus suus capiat alienum boscum ad castra vel ad alia agenda sua, nisi per voluntatem ipsius cujus boscus ille fuerit.

22. Ne rex teneat terram eorum qui fuerint convicti de felonia, nisi per unum annum et unum diem, sed tunc reddatur domino feodi.

23. Ut omnes kidelli de cetero penitus deponantur de Tamisia et Medeweye et per totam Angliam.

24. Ne breve quod vocatur „Precipe“ de cetero fiat alicui de aliquo tenemento unde liber homo amittat curiam suam.

25. Si quis fuerit disseisitus vel prolongatus per regem sine juditio de terris, libertatibus, et de jure suo, statim ei restituatur; et si contentio super hoc orta fuerit, tunc inde disponatur per juditium. XXV. baronum, et ut illi qui fuerint dissaisiti per patrem vel fratrem regis, rectum habeant sine dilatione per juditium parium suorum in curia regis; et si rex debeat habere terminum aliorum cruce signatorum, tunc archiepiscopus et episcopi faciant inde juditium ad certum diem, appellatione remota.

26. Ne aliquid detur pro brevi inquisitionis de vita vel membris, sed libere concedatur sine pretio et non negetur.

27. Si aliquis tenet de rege per feodi firmam, per sokagium, vel per burgagium et de alio per servitium militis, dominus rex non habebit custodiam militum de feodo alterius, occasione burgagii vel sokagii, nec debet habere custodiam burgagii, sokagii, vel feodi firme; et quod liber homo non amittat militiam suam occasione parvarum sergantisarum, sicuti de illis qui tenent aliquod tenementam reddendo inde cuttellos vel sagittas vel hujusmodi.

28. Ne aliquis ballivus possit ponere aliquem ad legem simplici loquela sua sine testibus fidelibus.

29. Ne corpus liberi hominis capiatur, nec imprisonetur, nec dissaisietur, nec utlagetur, nec exuletur, nec aliquo modo destruatur, nec rex eat vel mittat super eum vi, nisi per juditium parium suorum vel per legem terre.

30. Ne jus vendatur vel differatur vel vetitum sit.

31. Quod mercatores habeant salvum ire et venire ad emendum vel vendendum sine omnibus malis toltis, per antiquas et rectas consuetudines.

32. Ne scutagium vel auxilium ponatur in regno, nisi per commune consilium regni, nisi ad corpus regis redimendum, et primogenitum filium suum militem faciendum, et filiam suam primogenitam semel maritandam; et ad hoc fiat rationabile auxilium. Simili modo fiat de taillagiis et auxiliis de civitate Londonie, et de aliis civitatibus que inde habent libertates, et ut civitas Londonie plene habeat

antiquas libertates et liberas consuetudines suas, tam per aquas, quam per terras.

33. Ut liceat unicuique exire de regno et redire, salva fide domini regis, nisi tempore werre per aliquod breve tempus propter communem utilitatem regni.

34. Si quis mutuo aliquid acceperit a Judeis plus vel minus, et moriatur antequam debitum illud solvatur, debitum non usurabit quamdiu heres fuerit infra etatem, de quocumque teneat; et si debitum illud inciderit in manum regis, rex non capiet nisi catallum quod continetur in carta.

35. Si quis moriatur et debitum debeat Judeis, uxor ejus habeat dotem suam; et si liberi remanserint, provideantur eis necessaria secundum tenementum; et de residuo solvatur debitum salvo servitio dominorum; simili modo fiat de aliis debitis; et ut custos terre reddat heredi, cum ad plenam etatem pervenerit, terram suam instauratam secundum quod rationabiliter poterit sustinere de exitibus terre ejusdem de carucis et wainnagiis.

36. Si quis tenuerit de aliqua eskaeta, sicut de honore Walingeford, Notingeham, Bononie, et Lankastrie, et de aliis eskaetis que sunt in manu regis et sunt baronie, et obierit, heres ejus non dabit aliud relevium, vel faciet regi aliud servitium quam faceret baroni; et ut rex eodem modo eam teneat quo baro eam tenuit.

37. Ut fines qui facti sunt pro dotibus, maritagiis, hereditatibus, et amerciamentis, injuste et contra legem terre, omnino condonentur; vel fiat inde per juditium. XXV. baronum, vel per juditium majoris partis eorumdem, una cum archiepiscopo et aliis quos secum vocare voluerit ita quod, si aliquis vel aliqui de XXV. fuerint in simili querela, amoveantur et alii loco illorum per residuos de. XXV. substituantur.

38. Quod obsides et carte reddantur, que liberate fuerunt regi in securitatem.

39. Ut illi qui fuerint extra forestam non veniant coram justiciariis de foresta per communes summonitiones, nisi sint in placito vel plegii fuerint; et ut prave consuetudines de forestis et de forestariis, et warenniis, et vicecomitibus, et riva-

riis, emendentur per. XII. milites de quolibet comitatu, qui debent eligi per probos homines ejusdem comitatus.

40. Ut rex amoveat penitus de balliva parentes et totam sequelam Gerardi de Atyes, quod de cetero balliam non habeant, scilicet Engelardum, Andream, Petrum, et Gyonem de Cancellis, Gyonem de Cygony, Matheum de Martiny, et fratres ejus; et Galfridum nepotem ejus et Philippum Mark.

41. Et ut rex amoveat alienigenas, milites, stipendiarios, balistarios, et ruttarios, et servientes qui veniunt cum equis et armis ad nocumentum regni.

42. Ut rex faciat justiciarios, constabularios, vicecomites, et ballivos, de talibus qui sciant legem terre et eam bene velint observare.

43. Ut barones qui fundaverunt abbatias, unde habent cartas regum vel antiquam tenuram, habeant custodiam earum cum vacaverint.

44. Si rex Walenses dissaisierit vel elongaverit de terris vel libertatibus, vel de rebus aliis in Anglia vel in Wallia, eis statim sine placito reddantur; et si fuerint dissaisiti vel elongati de tenementis suis Anglie per patrem vel fratrem regis sine juditio parium suorum, rex eis sine dilatione justiciam exhibebit, eo modo quo exhibet Anglicis justiciam de tenementis suis Anglie secundum legem Anglie, et de tenementis Wallie secundum legem Wallie, et de tenementis Marchie secundum legem Marchie; idem facient Walenses regi et suis.

45. Ut rex reddat filium Lewelini et preterea omnes obsides de Wallia, et cartas que eis liberate fuerunt in securitatem pacis . . . . . }

46. Ut rex faciat regi Scottorum de obsidibus reddendis, et de libertatibus suis, et jure suo, secundum formam quam facit baronibus Anglie . . . . . } nisi aliter esse debeat per cartas quas rex habet per juditium archiepiscopi et aliorum quos secum vocare voluerit.

47. Et omnes foreste que sunt aforestate per regem tempore suo deafforestentur, et ita fiat de ripariis que per ipsum regem sunt in defenso.

48. Omnes autem istas consuetudines et libertates quas rex concessit regno tenendas quantum ad se pertinet erga suos, omnes de regno tam clerici quam laici observabunt quantum ad se pertinet erga suos.

49. Hec est forma securitatis ad observandum pacem et libertates inter regem et regnum. Barones eligent. XXV. barones de regno quos voluerint, qui debent pro totis viribus suis observare, tenere et facere observari, pacem et libertates quas dominus rex eis concessit et carta sua confirmavit; ita videlicet quod si rex, vel justiciarius, vel ballivi regis, vel aliquis de ministris suis, in aliquo erga aliquem deliquerit, vel aliquem articulorum pacis aut securitatis transgressus fuerit, et delictum ostensum fuerit. IIII-or. baronibus de praedictis. XXV. baronibus, illi IIII-or. barones accedent ad dominum regem, vel ad justiciarium suum, si rex fuerit extra regnum; proponentes ei excessum, petent ut excessum illum sine dilatione faciat emendari; et si rex vel justiciarius ejus illud non emendaverit, si rex fuerit extra regnum, infra rationabile tempus determinandum in carta, predicti. IIII-or. referent causam illam ad residuos de illis. XXV. baronibus, et illi. XXV. . cum communa totius terre distringent et gravabunt regem modis omnibus quibus poterunt, scilicet per captionen castrorum, terrarum, possessionum, et aliis modis quibus poterunt, donec fuerit emendatum secundum arbitrium eorum, salva persona domini regis et regine et liberorum suorum; et cum fuerit emendatum, intendant domino regi sicut prius. Et quicumque voluerit de terra jurabit se ad predicta exequenda pariturum mandatis predictorum . XXV. baronum, et gravaturum regem pro posse suo cum ipsis; et rex pubblice et libere dabit licentiam jurandi cuilibet qui jurare voluerit, et nulli umquam jurare prohibebit. Omnes autem illos de terra qui sponte sua et per se noluerint jurare . XXV. baronibus de distringendo et gravando regem cum eis, rex faciet jurare eosdem de mandato suo sicut predictum est. Item si aliquis de predictis . XXV. baronibus decesserit, vel a terra recesserit, vel aliquo modo

alio impeditus fuerit quominus ista predicta possint exequi, qui residui fuerint de . XXV. eligent alium loco ipsius pro arbitrio suo, qui simili modo erit juratus quo et ceteri. In omnibus autem que istis . XXV. baronibus committuntur exequenda, si forte ipsi . XXV. presentes fuerint et inter se super re aliqua discordaverint, vel aliqui ex eis vocati nolint vel nequeant interesse, ratum habebitur et firmum quod major pars ex eis providerit vel preceperit, ac si omnes . XXV. in hoc consensissent; et predicti . XXV. jurabunt quod omnia antedicta fideliter observabunt et pro toto posse suo facient observari. Preterea rex faciet eos securos per cartas archiepiscopi et episcoporum et magistri Pandulfi, quod nichil impetrabit a domino papa per quod aliqua istarum conventionum revocetur vel minuatur, et si aliquid tale impetraverit, reputetur irritum et inane et numquam eo utatur.

III.

Такъ называемая „Неизвѣстная Хартія Вольностей“ Іоанна.

1. Concedit Rex Johannes quod non capiet hominem absque judicio, nec aliquid accipiet pro justitia, nec injustitiam faciet.

2. Et si contingat quod meus baro vel homo meus moriatur et heres suus sit in aetate, terram suam debeo ei reddere per rectum releveium absque magis capiendi.

3. Et si ita sit quod haeres sit infra aetatem, debeo III-or militibus de legalioribus feodi terram bajulare in custodia, et illi cum meo famulo debent mihi reddere exitus terre sine venditione nemorum et sine redemptione hominum et sine destractione parci et vivarii; et tunc quando ille haeres erit in aetate terram ei reddam quietam.

4. Si foemina sit haeres terrae, debeo eam maritare, consilio generis sui, ita non sit disparagiata. Et si una vice eam dedero, amplius eam dare non possum, sed se maritabit ad libitum suum, sed non inimicis meis.

5. Si contingat quod baro aut homo meus moriatur, concedo ut pecunia sua dividatur sicut ipse diviserit; et si praeoccopatus fuerit aut armis aut infirmitate improvisa, uxor ejus, aut liberi, aut parentes et amici propinquiores pro ejus anima dividant.

6. Et uxor ejus non abibit de hospitio infra XL. dies et donec dotem suam decenter habuerit, et maritagium habebit.

7. Adhuc hominibus meis concedo ne eant in exercitu extra Angliam nisi in Normanniam et in Britanniam et hoc decen-

ter; quod si aliquis debet inde servitium decem militum, consilio baronum meorum alleviabitur.

8. Et si scutagium evenerit in terra, una marca argenti capietur de feodi militis; et si gravamen exercitus contigerit, amplius caperetur consilio baronum regni.

9. Adhuc concedo ut omnes forestas quas pater meus et frater meus et ego afforestaverimus, deafforesto.

10. Adhuc concedo ut milites qui in antiquis forestis meis suum nemus habent, habeant nemus amodo ad herbergagia sua et ad ardendum; et habeant foresterium suum; et ego tantum modo unum qui servet pecudes meas.

11. Et si aliquis hominum meorum moriatur qui Judaeis debeat, debitum non usurabit quamdiu haeres ejus sit infra aetatem.

12. Et concedo ne homo perdat pro pecude vitam neque membra.

IV.

Хартія Вольностей Генриха I.

(1100 г.)

Henricus Dei gratia rex Anglorum omnibus baronibus et fidelibus suis tam Francigenis quam Anglis salutem.

1. Sciatis me Dei misericordia et communi consilio baronum regni Anglie ejusdem regni regem coronatum esse. Et quia regnum oppressum erat injustis exactionibus, ego, respectu Dei et amore quem erga vos omnes habeo, sanctam Dei ecclesiam imprimis liberam facio: ita quod nec vendam nec ad firmam ponam nec, mortuo archiepiscopo sive episcopo sive abbate, aliquid accipiam de dominio ecclesie vel de hominibus ejus, donec successor in eam ingrediatur. Et omnes malas consuetudines, quibus regnum Anglie injuste opprimebatur, inde aufero; quas malas consuetudines ex parte hic pono.

2. Si quis baronum meorum, comitum, sive aliorum qui de me tenent, mortuus fuerit, heres suus non redimet terram suam sicut faciebat tempore fratris mei, sed legitima et justa relevatione relevabit eam. Similiter et homines baronum meorum legitima et justa relevatione relevabunt terras suas de dominis suis.

3. Et si quis baronum vel aliorum hominum meorum filiam suam nuptum tradere voluerit, sive sororem, sive neptem, sive cognatam, mecum inde loquatur. Sed neque ego aliquid de suo pro hac licentia accipiam, neque defendam ei quin eam det, excepto si eam vellet jungere inimico meo. Et si, mortuo

barone vel alio homine meo, filia heres remanserit, illam dabo consilio baronum meorum cum terra sua. Et si, mortuo marito, uxor ejus remanserit et sine liberis fuerit, dotem suam et maritationem habebit; et eam non dabo marito, nisi secundum velle suum.

4. Si vero uxor cum liberis remanserit, dotem quidem et maritationem suam habebit, dum corpus suum legitime servaverit; et eam non dabo, nisi secundum velle suum. Et terre et liberum custos erit sive uxor sive alius propinquorum, qui justius esse debebit. Et precipio ut barones mei similiter se contineant erga filios et filias vel uxores hominum suorum.

5. Monetaginum commune quod capiebatur per civitates et comitatus, quod non fuit tempore regis Eadwardi, hoc ne amodo sit, omnino defendo. Si quis captus fuerit, sive monetarius, sive alius, cum falsa moneta, justicia recta inde fiat.

6. Omnia placita et omnia debita que fratri meo debebantur condono exceptis rectis firmis meis et exceptis illis que pacta erant pro aliorum hereditatibus, vel pro eis rebus que justius aliis contingebant. Et si quis pro hereditate sua aliquid pepigerat, illud condono, et omnes relevationes que pro rectis hereditatibus pacte erant.

7. Et si quis baronum vel hominum meorum infirmabitur, sicut ipse dabit vel dare disponet pecuniam suam, ita datam esse concedo. Quodsi ipse, preventus vel armis vel infirmitate, pecuniam suam non dederite nec dare disposuerit uxor sua sive liberi aut parentes aut legitimi homines ejus eam pro anima ejus dividant, sicut eis melius visum fuerit.

8. Si quis baronum vel hominum meorum forisfecerit, non dabit vadium in misericordia pecunie sue, sicut faciebat tempora patris mei vel fratris mei, sed secundum modum forisfacti, ita emendabit, sicut emendasset retro a tempore patris mei, in tempore aliorum antecessorum meorum. Quodsi perfidie vel sceleris convictus fuerit, sicut justum fuerit, sic emendet.

9. Murdra etiam retro ab illa die qua in regem coronatus fui omnia condono; et ea que amodo facta fuerint juste emendentur secundum lagam regis Eadwardi.

10. Forestas communi consensu baronum meorum in manu mea retinui, sicut pater meus eas habuit.

11. Militibus qui per loricas terras suas deserviunt terras dominicarum suarum quietas ab omnibus geldis et ab omni opere, proprio dono meo, concedo, ut, sicut tam magno gravamine alleviati sunt, ita equis et armis se bene instruant, ut apti et parati sint ad servitium meum et ad defensionem regni mei.

12. Pacem firmam in toto regno meo pono et teneri amodo precipio.

13. Lagam regis Eadwardi vobis reddo cum illis emendationibus quibus pater meus eam emendavit consilio baronum suorum.

14. Si quis aliquid de meo vel de rebus alicujus post obitum regis Willelmi, fratris mei, cepit, totum cito reddatur absque emendatione. Et si quis inde aliquid retinuerit, ille super quem inventum fuerit graviter michi emendabit.

Testibus Mauricio Lundonie episcopo, et Gundulfo episcopo, et Willelmo electo episcopo, et Henrico comite, et Simone comite, et Waltero Giffardo, et Rodberto de Monfort, et Rogero Bigoto, et Henrico de Portu, apud Westmonasterium, quando coronatus fui. Valete!

V.

Хартія Генриха II.

(Около 1154 г.)

Henricus Dei gracia rex anglie, dux Normannie et Aquitanie, et comes Andegavie, omnibus comitibus, baronibus et fidelibus suis Francis et Anglis, salutem. Scintis me, ad honorem Dei et sancte Ecclesie, et pro communi emendacione tocius regni mei, concessisse et reddidisse et presente carta mea confirmasse Deo et sancte ecclesie et omnibus comitibus et baronibus et omnibus hominibus meis omnes concessiones et donaciones et libertates et liberas consuetudines, quas rex Henricus avus meus eis dedit et concessit. Similiter eciam omnes malas consuetudines, quas ipse delevit et remisit, ego remitto et deleri concedo pro me et heredibus meis. Quare volo et firmiter precipio quod sancta ecclesia et omnes comites et barones et omnes mei homines omnes illas consuetudines et donaciones et libertates et liberas consuetudines habeant et teneant libere et quiete, bene et in pace et integre, de me et heredibus meis, sibi et heredibus suis, adeo libere et quiete et plenarie in omnibus, sicut rex Henricus avus meus eis dedit et concessit, et carta sua confirmavit. Teste Ricardo de Luci apud Westmonasterium.

VI.

Вторая или Оксфордская хартія Стефана.

(1136 г.)

Ego Stephanus Dei gratia, assensu cleri et populi in regem Anglie electus, et a Willelmo Cantuariensi archiepiscopo et sancte Romane ecclesie legato consecratus, et ab Innocentio sancte romane sedis pontifice postmodum confirmatus, respectu et amore Dei sanctam ecclesiam liberam esse concedo, et debitam reverentiam illi confirmo. Nichil me in ecclesia vel rebus ecclesiasticis simoniace acturum vel permissurum esse promitto. Ecclesiasticarum personarum et omnium clericorum et rerum eorum justiciam et potestatem et distributionem honorum ecclesiasticorum in manu archiepiscoporum esse perhibeo et confirmo. Dignitates ecclesiarum privilegiis eorum confirmatas et consuetudines earum antiquo tenore habitas inviolate manere statuo et concedo. Omnes ecclesiarum possessiones et tenuras, quas die illa habuerunt qua Willelmus rex avus meus fuit vivus et mortuus, sine omni calumpniantium reclamatione, eis liberas et absolutas esse concedo. Si quid vero de habitis vel possessis ante mortem ejusdem regis quibus modo careat, ecclesia deinceps repetierit, indulgentie et dispensationi mee vel restituendum vel discutiendum reservo. Quecunque vero post mortem ipsius regis liberalitate regum vel largitione principum, oblatione vel comparatione, vel qualibet transmutatione fidelium eis collata sunt, confirmo. Pacem et justiciam me in omnibus facturum et pro posse meo conservaturum eis promitto.

Forestas quas Willelmus avus meus et Willelmus avunculus meus instituerunt et habuerunt mihi reservo. Ceteras omnes

quas rex Henricus superaddidit, ecclesiis et regno quietas reddo et concedo.

Si quis episcopus vel abbas vel alia ecclesiastica persona ante mortem suam rationabiliter sua distribuerit vel distribuenda statuerit, firmum manere concedo. Si vero morte preoccupatus fuerit, pro salute anime ejus, ecclesie consilio, eadem fiat distributio. Dum vero sedes propriis pastoribus vacue fuerint, ipsas et earum possessiones omnes in manu et custodia clericorum vel proborum hominum ejusdem ecclesie committam, donec pastor canonice substituatur.

Omnes exactiones et injusticias et mescheningas sive per vicecomites vel per alios quoslibet male inductas funditus exstirpo. Bonas leges et antiquas et justas consuetudines in murdris et placitis et aliis causis observabo et observari precipio et constituo. Hec omnia concedo et confirmo, salva regia et justa dignitate mea.

TestibusWillelmoCantuariensi archiepiscopo, et Hugone Rothomagensi archiepiscopo, et Henrico Wintoniensi episcopo, en Rogero Saresbericnsi episcopo, et Alexandro Lincolniensi episcopo, et Nigello Eliensi episcopo, et Evrardo Norwicensi episcopo, et Simone Wigorniensi episcopo, et Bernardo episcopo de S. Davide, et Audoeno Ebroicensi episcopo, et Ricardo Abrincensi episcopo, et Roberto Herefordiensi episcopo, et Johanne Rovecestriensi episcopo, et Athelulfo Carlolensi episcopo, et Rogero cancellario, et Henrico nepote regis, et Roberto comite Gloecestrie, et Willelmo comite de Warenna, et Rannulfo comite Cestrie, et Roberto comite de Warewic., et Roberto de Ver., et Milone de Glocestria, et Brientio filio comitis, et Roberto de Oilly conestabulis, et Willelmo Martello, et Hugone Bigot, et Hunfredo de Bohun, et Simone de Belcamp dapiferis, et Willelmo de Albiniaco, et Eudone Martello pincernis, et Roberto de Ferreriis, et Willelmo Pevrello de Notingeham, et Simone de Saintliz, et Willelmo de Albamarla, et Pagano filio Johannis, et Hamone de Sancto Claro, et liberto de Laceio. Apud Oxeneford. Anno ab Incarnatione Domini M.C.XXXVI., set regni me primo.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . III—IV

Великая Хартія Вольностей . . . . . 1—52

I. Общая характеристика нормандскаго завоеванія, 1—3. II. Феодализація англо-саксонскаго общества и государства, 3—8. III. Политическіе результаты нормандскаго завоеванія, 8—12. IV. Смутное время и реформы Генриха II, 12—15. V. Государственность нормандской и анжуйской эпохи и Хартія Генриха I, 15—19. VI. Іоаннъ Безземельный и политическій кризисъ, приведшій къ Великой Хартіи Вольностей, 20—30. VII. Анализъ Великой Хартіи со стороны представленныхъ въ ней интересовъ, 30—44. VIII. Общая оцѣнка Великой Хартіи и ея политическаго значенія, 45—52.

Конституціонная борьба въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ тринадцатаго вѣка . . . . . 53—108

I. Общая историческая оцѣнка Великой Хартіи, 53—55. II. Общій политическій смыслъ борьбы общества и государства во второй половинѣ XIII столѣтія, 56—59; причины политическаго кризиса 1258 года, 59—66; Бѣшеный парламентъ и Оксфордскія Провизіи, 66—69. III. Характеристика и оцѣнка конституціи 1258 года, 69—73; общественное недовольство и Уэстминстерскія Провизіи, 73—75. IV. Политическая борьба шестидесятыхъ годовъ XIII вѣка и ея идейное содержаніе, 75—81; Амьенская Миза, 81; битва при Льюисѣ и конституція 1264 года, 81—84; парламентъ 1265 года, 84—86. V. Битва при Ивзэмѣ и пораженіе конституціоналистовъ, Dictum de Kenilworth, 86—87; утвержденіе парламентскаго режима и Образцовый парламентъ 1295 года, 87—90. VI. Политическій кризисъ 1297 года и *Подтвержденіе Хартій*, 90—99. VII. Англійскій парламентъ и его генезисъ, 99—108.

Приложенія . . . . . 111—175

	Русск. перев.	Латин. текстъ.
I. Великая Хартія Вольностей	111—127	147—159
II. Баронскія статьи	128—137	160—167
III. Такъ называемая „Неизвѣстная Хартія Вольностей“ Іоанна	138—139	168—169
IV. Хартія Вольностей Генриха I	140—143	170—172
V. Хартія Генриха II	144	173
VI. Вторая или Оксфордская Хартія Стефана	145—146	174—175

БИБЛІОТЕКА
СОЮЗА КОН. СЛУЖ.
въ Т-вѣ „ТРЕУГОЛЬНИКЪ“
№ 28

2 p